

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Башкирский государственный педагогический
университет им.М.Акумлы»

На правах рукописи

Чжао Юаньцзэ

**КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЬЯ / 家 В РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ
ЛИНГВОКУЛЬТУРАХ**

5.9.8. Теоретическая, прикладная и сравнительно-сопоставительная
лингвистика

Диссертация на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, доцент
Кудинова Гульнара Франгилевна

Уфа – 2023

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР.....	13
1.1. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология как методологическая база изучения ментальных структур.....	13
1.2. Проблема изучения образов и концептов в лингвистических исследованиях	22
1.3. Семья как объект изучения гуманитарных наук	36
Выводы по главе 1.....	54
ГЛАВА 2. КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЬЯ /家 В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР.....	56
2.1. СЕМЬЯ /家: объем лексикографической информации	56
2.2. Термины родства как средства лексической объективации концептосферы СЕМЬЯ /家 в русском и китайском языках.....	63
2.3. Результаты ассоциативных экспериментов. Когнитивная интерпретация результатов вербализации концептосферы СЕМЬЯ /家	74
2.4. Результаты лексико-семантических экспериментов «Семья есть семья».....	88
Выводы по главе 2.....	97
ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЕМЬЯ /家 В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ.....	100
3.1. Концептосфера СЕМЬЯ в русской паремике.....	104
3.2. Концептосфера 家 в китайских паремиях.....	124
3.3. Универсальные и культурно-специфические характеристики концептосферы СЕМЬЯ /家 в исследуемых лингвокультурах.....	146
Выводы по главе 3.....	154
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	156
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	160

ВВЕДЕНИЕ

Семья является фундаментальной структурой любого общества, поскольку, помимо других функций, этот социальный институт обеспечивает индивида от рождения до совершеннолетия, помогает ему найти свое место в обществе и реализоваться в нем, окружает человека защитой, дает экономическую поддержку, воспитание, образование, социализацию, формирует членство и чувство принадлежности. Семья является ключевым элементом в иерархии ценностей как русской, так и китайской культуры, это «ключ к раскодированию культурно-исторической информации, содержащейся в языковых единицах» [Иванова 2019, с.2]. Термин «концептосфера», как известно, был введен Д. С. Лихачевым по аналогии с термином В. И. Вернадского «ноосфера», и использован для описания специфики национального языка в аспекте культуры. Большинство ученых определяют концептосферу как упорядоченную совокупность концептов, существующих в виде обобщенных представлений, понятий, мыслительных картинок, схем, гештальтов, фреймов, сценариев, обобщающих разнообразные признаки внешнего мира [Попова 2003, с. 19], как систему систем, как «концептуарий культуры» [Карасик 2005, с. 85], как информационную базу мышления, своеобразное вместилище концептоединиц отдельных языковых социумов [Попова, Стернин 2007, с. 176]. Феномен словесного изображения когнитивных конструкторов, «ментальных образований, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [Карасик, Красавский, Слышкин 2009, с. 7] в современном многокультурном обществе всё чаще становится предметом лингвистических исследований.

Сфера семьи носит универсальный характер для всех культур и наций. Однако один фрагмент действительности может интерпретироваться по-разному в отдельных языковых системах, в зависимости от мировосприятия, традиций, культурных установок и ценностей разных народов.

Лингвокультурологический подход к изучению языковых явлений, само сопоставительное исследование языков объясняет, каким образом язык участвует в формировании и развитии элементов культуры, а также в передаче этих элементов из одной национальной культуры в другую, дает понимание закономерностей развития языка как явления культуры, связанного с развитием данного речевого коллектива и историей этноса. Сравнительные анализы языковых представлений мира в качестве проявлений национального восприятия действительности помогают не только осознавать духовные особенности разных культур, но и способствуют укреплению эффективного межкультурного общения.

Рассматриваемая в данном исследовании концептосфера СЕМЬЯ, несмотря на одинаковый социальный статус, общественные функции и значимость во многих культурах, следовательно, универсальное содержание, также обладает национально-культурной спецификой, может быть неоднозначно интерпретирована в разных культурных пространствах в соответствии с национальным видением мира и его оценкой.

Феномен семьи занимает влиятельное место в национальной культуре и картине мира русских и китайцев на протяжении многих столетий, характеризуется высокой значимостью и объективируется в языке и коммуникативной деятельности представителей наций большим количеством единиц. Для данных народов семья является не только неотъемлемой частью жизни, базовой ценностью, но и одной из самых популярных, актуальных и широко обсуждаемых тем во время общения.

Этим определяется **актуальность** нашего диссертационного сочинения, выполненного в русле лингвокультурологии и лингвоконцептологии и посвященного комплексному сопоставительному исследованию концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах. Также отметим, что исследование концептосферы СЕМЬЯ / 家 в разных этнокультурах позволит представить систему ценностей человека относительно семьи, изучить культурные доминанты поведения,

свойственные представителям отдельных этносов, и, следовательно, гармонизировать межкультурную коммуникацию.

Степень разработанности проблемы. Концепция «языковой картины мира» была разработана в работах Г.В. Колшанского [Колшанский 1990], Ю.Н. Караулова [Караулов 2007] и других ученых. Впервые мысль о наличии уникального языкового взгляда на мир была представлена В. Гумбольдтом в его произведении, посвященном внутренней структуре языка и духовным особенностям нации. Он, в частности, писал: «языки – это разные национальные тела с оригинальным мышлением и восприятием» [Гумбольдт 1984]. Людвиг Витгенштейн ввел понятие «картина мира» [Витгенштейн 2005], однако в область семиотики это понятие пришло благодаря исследованиям немецкого ученого Л. Вайсгербера. Исследование языковой картины мира считается одним из ключевых направлений в современной лингвистике, объединяет разнообразные подходы и методы.

Российские исследования сконцентрированы на реконструировании русской языковой картины мира и ее различных аспектов, таких как метафорическое представление, научное и другие (Н.Д. Арутюнова, Е.М. Верещагин, В.Г. Костомаров, В.И. Постовалова, Е.С. Яковлева, и др.). Этот вопрос привлекает внимание ученых из различных лингвистических областей (С.Г. Воркачев, В.В. Воробьев, Г.Д. Гачев, Ю.С. Степанов, А.А. Залевская и др.). Например, в рамках лингвокультурологии исследуются различные способы выражения языковых форм в культурных контекстах, в том числе в региональных и субкультурных [Башкова 2015, с.114]. Развивающаяся сопоставительная лингвокультурология, «целью которой является сопоставительное изучение языков народов мира сквозь призму их культур, когда выявляется универсальный характер национального языкового сознания разных народов, с одной стороны, и этническое своеобразие вербального выражения их картин мира, с другой» [Хайруллина 2014, с. 6], ставит перед собой не только цель доказать особенность каждого языка, проявляющуюся в различных языковых единицах, но и выявить общие

семантические аспекты, указать на переплетение языков и культур. А.А. Ворожбитова вводит понятие «риторическая картина мира» [Ворожбитова 2005], рассматривая его как универсальный элемент дискурса. Основные принципы этого представления, связанные с риторическим упорядочением ценностных оценок, создаваемых языковыми средствами, определяют основной дискурс культурного пространства, в котором существует и развивается языковая идентичность этноса. Многие ученые рассматривают концепты как базовые элементы языковой картины мира (Т.А.Агапкина, Т.И.Вендина, А.А.Зализняк, Е.С.Кубрякова, Ю.Е.Прохоров, Е.В.Рахилина и др.). Изучение особенностей репрезентации различных концептов в языковой картине мира продолжает оставаться актуальным, несмотря на многочисленные исследования в этой области за последние 30 лет. Суть концептов как инструментов осмысления действительности одинакова для всех людей, независимо от языка, на котором они общаются.

Существуют работы, посвященные анализу концепта «семья» [Добровольская 2005; Железнова 2009; Занегина 2011; Жигулина 2015; Матвеева 2007; Рахмат 2013 и др.]. Исследования, посвященные языковому выражению концепта «семья» в индивидуальных авторских моделях мира писателей, проводили Г.Ш. Кузьмина, С.А. Кушу, Е.З. Киреева, С.Ш. Схалыхова, Т.В. Пьянкова, С.А. Кидямкина и другие [Кушу 2004; Кузьмина 2005; Киреева 2008; Схалыхова 2008; Пьянкова 2012; Кидямкина 2014 и др.], а в жанре семейных хроник – А.А. Павлова и Н.Н. Рухленко [Павлова 2004; Рухленко 2005]. Существует также исследования концепта «семья», выполненные на материале русского языка в сопоставлении с иностранными языками (английским, итальянским, немецким, турецким) [Терпак 2006; Биктагирова 2007; Гунышова 2007; Трущинская 2009; Бутто 2010; Гулканын 2010; Кострубина 2011; Баландина 2013; Щеголихина 2015 и др.] и языками народов России (адыгейским, башкирским, ингушским, татарским) [Мержоева 2009; Гибадуллина 2012; Кульсарина 2014 и др.].

Что касается анализа концепта «семья» на материале китайского языка, нам удалось найти только одно комплексное исследование – диссертационную работу У Синьюя «Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах» [У Синьёй 2009]. Однако данная работа написана в большей степени в русле лингводидактики, то есть с акцентом на педагогическую деятельность и методические аспекты преподавания данной темы в практике вузов.

Ментальным конструктом, выбранным нами в качестве единицы исследования, является концептосфера, под которой мы понимаем упорядоченную и особым образом организованную совокупность концептов, концентрирующую в себе особенности определенной лингвокультуры и обладающую одновременно универсальными характеристиками. Путь от смысла к его языковому отображению лежит в основе нашего диссертационного сочинения, посвященного сравнению концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах.

Объектом нашего исследования является концептосфера СЕМЬЯ /家, вербализованная посредством лексических и паремиологических единиц в русском и китайском языках.

Предмет исследования – универсальные и культурно-специфические характеристики концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах.

Основной целью данной работы является сопоставительное исследование содержания, особенностей и специфики организации концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах.

Указанная **цель** определила **задачи** настоящего исследования:

1) провести теоретический анализ литературы по теме исследования с целью уточнения основных подходов и понятий когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, психолингвистики для формирования комплексной

методологии исследования и уточнения базовых понятий настоящего диссертационного сочинения: «образ», «концепт», «концептосфера», «языковая картина мира», «лингвокультура»;

2) провести и проанализировать ряд когнитивных экспериментов для выявления основных атрибутов и специфики осмысления концептосферы СЕМЬЯ /家 в языковом сознании носителей исследуемых лингвокультур;

3) описать в сопоставительном аспекте языковые средства объективации концептосферы СЕМЬЯ /家 в русском и китайском языках на основе лексикографических данных и паремиологического фонда;

4) выявить и описать общие и специфические этнокультурные характеристики концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах.

Методы исследования определялись поставленными в работе целями и задачами. В данном исследовании использованы такие общенаучные методы, как описательный, включающий приемы наблюдения, сопоставления и обобщения фактического материала; метод моделирования, являющийся инструментом описания наиболее значимых характеристик ментальных структур. Сравнительно-сопоставительный метод применялся для определения универсального и культурно-специфического содержания анализируемой концептосферы на примере лексем и паремий двух неродственных языков. Собственно лингвистические методы и приемы описания языковых единиц (семантический, этимологический, лингвокультурологический и др.) позволили с разных сторон проанализировать средства репрезентации концептосферы, а комплекс психолингвистических экспериментальных методик – определить ее психологически реальное значение в языковом сознании современных носителей русской и китайской лингвокультур.

Материалом исследования послужили лексические и паремиологические единицы русского и китайского языков, репрезентанты концептосферы СЕМЬЯ /家, полученные методом сплошной и

дифференциальной выборки из соответствующих лексикографических источников, а также данные ряда психолингвистических экспериментов, проведенных автором. Всего проанализировано около 600 лексем и паремий русского и китайского языков и 447 реакций современных носителей китайского и русского языков, полученных в результате экспериментального исследования.

Научная новизна представленного исследования заключается, во-первых, в комплексном рассмотрении концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской национальных картинах мира на понятийном, символическом, ценностном уровнях; во-вторых, в сопоставительном лингвокультурологическом описании составляющих ее концептов через лексические и паремиологические средства лингвистической объективации в русском и китайском языках, выявлении универсальных и этноспецифических характеристик отдельных структурных частей и единиц исследуемой концептосферы; в-третьих, в применении интегративного подхода, сочетающего в себе собственно лингвистические, психолингвистические, лингвокультурологические методы анализа, обобщение результатов изучения проблемы в философской, социологической, психологической научной парадигме.

Рабочей гипотезой исследования является предположение о том, что концептосфера СЕМЬЯ /家, представляя собой сложно организованное ментальное образование, включающее ряд концептов, в русской и китайской лингвокультурах имеет универсальные характеристики, обусловленные совпадающими данными о социальном статусе, общественных функциях и значимости данного феномена в социуме, и отличительные признаки, связанные с культурными традициями и обычаями.

Теоретическая значимость работы состоит в выявлении и описании универсальных и культурно-специфических характеристик концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах, развитии сопоставительных исследований национальных языковых картин мира.

Материалы могут быть использованы для изучения теории этнокультурной концептологии и межкультурной коммуникации.

Практическая значимость работы заключается в возможности применения результатов в теоретических и практических курсах по лингвокультурологии, психолингвистике, когнитивной лингвистике, разработке учебных изданий по межкультурной коммуникации и страноведению, практике преподавания русского языка китайцам и китайского языка русским.

Теоретической и методологической основой нашего исследования послужили положения, разработанные российскими, китайскими и другими учеными в области когнитивной лингвистики, лингвокультурологии, лексической семантики и лингвострановедения (Алефиренко Н.Ф., Апресян Ю.Д., Арутюнова Н.Д., Болдырев Н.Н., Верещагин Е.М., Воркачев С.Г., Воробьев В.В., Демьянков В.З., Залевская А.А., Карасик В.И., Караулов Ю.Н., Кобозева И.М., Колесов В.В., Красных В.В., Кубрякова Е.С., Леонтьев А.А., Попова З.Д., Слышкин Г.Г., Степанов Ю.С., Стернин И.А., Тарасов Е.Ф., Телия В.Н., Шмелев А.Д., Гу Хэйгэнь, У Синьюй, Хуан Ситин, Ян Гошу, Donald, Gibbs, Lakoff, Tomasello и др.).

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Концептосфера СЕМЬЯ /家 является актуальным стержневым элементом национального языкового сознания для носителей русской и китайской лингвокультур, имеет обширное номинативное поле, репрезентированное лексическими и паремиологическими единицами, что обуславливает ее значимость как предмета исследования в современной лингвистической науке.

2. В концептосфере СЕМЬЯ /家 есть универсальные и национально-специфические характеристики, опирающиеся на культурно-исторические традиции, установки и ценности разных народов. Общими конститутивными признаками концептосферы СЕМЬЯ /家 являются такие, как родство (кровное и духовное), защита, сплоченность, любовь и уважение друг к

другу, наличие детей. Концептосфера СЕМЬЯ /家 включает концепты МУЖ, ЖЕНА, ДЕТИ, РОДИТЕЛИ и др. Ряд универсальных ценностей и стереотипных представлений о семье отличается в рассматриваемых культурах в количественном и качественном отношении. Дополнительные признаки концептосферы СЕМЬЯ /家, обладающие национально-культурным своеобразием, возникают вследствие влияния исторических и социокультурных особенностей этносов.

3. У китайцев концептосфера СЕМЬЯ /家 отражает традиционные моральные ценности, обусловленные влиянием конфуцианства и буддизма, среди которых базовым является признак «семейной гармонии». В данной культуре под семьей подразумевается более широкий семейный клан, прослеживается возрастная иерархия (культ старших) и четкое разделение родственников по внутренней (мужа) и внешней (жены) линиям, отождествление «семьи» и «государства».

У русских в концептосфере СЕМЬЯ /家 в первую очередь отражаются такие ценности внутреннего мира человека, как «любовь, вера и надежда», которые являются базовыми в данной языковой картине мира. В русской культуре в настоящее время наблюдается упрощение терминологических номинаций разветвленных родственных отношений, отмечается «культ детей» и преимущество «кровных связей» над «общественными».

4. Представление о природе, структуре, характере концептосферы СЕМЬЯ /家 и специфике ее выражения в разных языках объективно может быть получено на основании интегративного подхода, включающего методы собственно-лингвистического анализа семантики языковых единиц, методы психолингвистического эксперимента по выявлению психологически реального значения слов, процедуры сопоставительного исследования средств объективации концепта.

Соответствие паспорту специальности. Диссертационное исследование соответствует следующим пунктам паспорта: 4. Исследование

языка, мышления и познания методами психолингвистики, нейролингвистики и когнитивной лингвистики; 8. Язык в контексте культуры. Исследование языка с использованием методов культурологии, этнологии и антропологии; 15. Контрастивная лингвистика и лингвистическая типология. Методы сопоставительного и типологического изучения языков. Типологические классификации.

Апробация работы. Основные положения и результаты исследования были представлены и обсуждены: 1) на заседаниях кафедры русского языка, теоретической и прикладной лингвистики Башкирского государственного педагогического университета им.М.Акмуллы; 2) в выступлениях на международных, всероссийских и региональных конференциях (Москва, 2019 г.; Уфа, 2020, 2021, 2022, 2023 гг.); 3) в 15 публикациях, из них 6 – в рецензируемых научных изданиях, включенных в перечень ВАК РФ, а также в зарубежных изданиях, входящих в реферативные базы данных и системы цитирования.

Структура работы обусловлена целью и задачами и включает в себя: введение, три главы, заключение и список использованной литературы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

1.1. Когнитивная лингвистика и лингвокультурология как методологическая база изучения ментальных структур

Антропоцентрический подход к исследованию языковых явлений предполагает, что язык рассматривается в контексте человеческой деятельности и культуры, то есть современные лингвистические исследования учитывают культурный и социальный контекст, в котором используется язык, чтобы понять его роль в обществе, определить, как язык влияет на поведение и мышление людей. Такая область научных исследований, как когнитивная лингвистика, опирается на антропоцентрическую парадигму для изучения когнитивных процессов, лежащих в основе нашего мышления и понимания мира. Истоки данного научного направления можно найти в лингво-философской концепции В. фон Гумбольдта, в теории генеративной грамматики Н.Хомского, а также в идеях американских ученых Ф. Боаса, Э. Сепира и Б.Л. Уорфа.

Немецкий лингвист и философ Вильгельм фон Гумбольдт первым с научной точки зрения выдвинул идею о том, что язык организует наше мышление и определяет границы нашей мыслительной деятельности, он развивал концепцию языкового разнообразия и культурной специфичности. По мнению Г.Хармана: «...язык отражает познание, выступая как основное средство выражения мысли, так что изучение языка – это косвенное изучения познания. ... Язык также может влиять на способ познания» [Harman 1988, с. 14].

Особое развитие когнитивная наука получила благодаря опубликованным в 1970-х годах работам Г. Лакоффа, М. Джонсона [Lakoff 1993; Lakoff, Johnson 1980] и Т. ван Дейка [Дейк 2013]. Ученые предполагали, что язык отражает способ, которым люди организуют свой опыт и понимают мир вокруг себя. Так проблема человека и языка оказалась в центре внимания, стало понятно, что полноценное изучение любого языка

невозможно, если последний подвергается анализу только в рамках лингвистических границ. Ключевым аспектом когнитивного анализа языковых процессов является осознание доминирующей роли человека в процессах познавательной и речевой активности.

Различие в методах и принципах когнитивного подхода к изучению языка по сравнению с классическим системно-структурным анализом языковых данных связано с акцентированием внимания на взаимосвязи лингвистических форм и когнитивных структур, отражающих особенности человеческого восприятия и действий, «вопросов представленности в языке различных типов знания – обыденного и научного, ассоциативно-образного и рационально-логического» [Голованова 2011, с. 6]. Согласно убеждениям представителей когнитивной науки, язык предоставляет наиболее эффективный инструмент для доступа ко многим скрытым процессам мышления и познания, а также процессам концептуализации и категоризации мира.

В российской лингвистике развивается когнитивно-дискурсивное направление когнитивизма [Кубрякова 2004]. Его характерная особенность заключается в комплексном анализе каждого рассматриваемого языкового феномена с учетом его функции в познавательных и коммуникативных процессах. При этом каждое исследуемое явление рассматривается в системе языка и «относительно более «высоких» систем, частью которых является сам язык» [Голованова 2011, с.13]. Когнитивная методология исходит из предположения, что основой языка как символической системы служит система понимания мира – концептуальная картина мира, создаваемая в уме человека на основе его познавательной и трансформационной активности, а также в ходе общения. Язык, выполняя функцию когнитивного инструмента, способствует структурированию этой системы.

В.А. Маслова размышляет: «Когнитивная наука уделяет большое внимание человеческим познаниям и изучает наблюдаемые действия, их ментальные репрезентации (их внутренние образы, паттерны), символы и

стратегии, которые порождают вышеупомянутые действия на основе собранных знаний, то есть когнитивный мир человека изучается через поведение и деятельность этого человека, которые тесно сопровождаются языком. В этом случае язык закладывает вербальную и мыслительную основу любой данной человеческой деятельности, формирует ее мотивы, мотивы и убеждения, прогнозирует их возможные результаты» [Маслова 2006, с. 41].

Весомый вклад в развитие российской когнитивистики внесли работы Е.С.Кубряковой, Н.Д.Арутюновой, Ю.С.Степанова, В.З.Демьянкова, В.А.Масловой, И.А.Стернина, Е.В.Рахилиной и многих других ученых. основополагающей концепцией, которая объединяет множество исследований, является утверждение, что человеческие знания структурируются с использованием концептуальных паттернов (включая образные, предикативные, метафорические, метонимические и символные). Языковая система рассматривается как отражение того, что человек узнал, представляет собой набор инструментов для описания этого опыта. «Язык выявляет, объективирует то, как увиден и понят мир человеческим разумом, как он преломлен и категоризован сознанием» [Кубрякова 2004, с.57].

В своих исследованиях лингвисты поднимают вопросы, какой сегмент концептуального материала и каким способом закрепляется языковыми значениями, развивают теории языковой номинации и метафоризации, стимулируют изучение различных видов знания и их вербализации (см. работы Н.Н.Болдырева, Т.В.Булыгиной, А.Д.Шмелева, Н.Ф.Алеференко, З.Д.Поповой, В.И.Карасика, Е.С.Яковлевой, В.И.Шаховского и др.). Ввиду огромного числа публикаций на эту тему отметим лишь некоторые, наиболее репрезентативные: [Логический анализ языка 1989 и след.; Яковлева 1994; Шмелев 2005, Урысон 2003; Маслова 2006; Попова, Стернин 2010 и др.].

Исследование разных языков с различных сторон дает возможность филологам выявлять схожие характеристики и затем создавать универсальные нормы, устанавливая сходство между элементами в одной или нескольких языковых системах.

Как отмечает Д.Ш. Исрафилова, культурное познание в речевом сообществе является формой распределенного познания гетерогенного характера [Исрафилова 2010]. Усвоение говорящими культурного познания демонстрируется определенными различиями, вместе с тем, данный вид познания обсуждается и переоценивается между поколениями путем контакта с другими речевыми сообществами. В основе культурного познания лежат культурные концептуализации и их реализация в языке, поэтому изучение самого языка имеет ключевое значение для понимания культурного познания.

Как известно, определение «концептуальная картина мира» тесно связано с процессом концептуализации – ключевым этапом познавательной деятельности человека. Это означает, что восприятие и интерпретация информации человеком влечет за собой создание понятий, концептуальных конструкций и всей системы концептуальных образов в уме индивида.

Важнейшей способностью человеческого мозга с позиции когнитивной психологии является классификация и категоризация объектов реальности. «Продукты категоризации – категории – являются частью нашего когнитивного аппарата и могут быть поняты как ментальные понятия (концепты), хранящиеся в области долговременной памяти» [Геляева 2002, с. 32].

В когнитивной лингвистике категоризация считается способом упорядочения воспринимаемого мира, систематизацией наблюдаемого и умением увидеть сходство одних явлений в отличие от других в нем. Согласно мнению психолингвиста А.А. Залевской, категоризация – это «процесс идентификации воспринимаемых сущностей путем отнесения их к существующим группам, когда характеристики их членов приписываются этой новой сущности и учитываются на различных уровнях осознания в качестве выходных знаний» [Залевская 2007, с. 189]. По Р.М. Фрумкиной, когнитивная операция, позволяющая определить объект через его отнесение к более общей категории, называется категоризацией [Фрумкина 2003].

Основными компонентами концептуальной картины мира являются такие содержательные оперативные единицы знания, как концепты. Вопросы, связанные с внутренним строением концептов, их этнической спецификой, методикой описания и межкультурного сопоставления, имеют непосредственное отношение к лингвокультурологии. Лингвокультурология акцентирует внимание на взаимодействии языка и культуры, изучает различия между языками и культурами разных народов, и как эти различия могут влиять на межкультурное взаимодействие и коммуникацию. Лингвокультурологический подход учитывает, что язык является не только средством коммуникации, но и отражением культурных ценностей, норм и стереотипов поведения. Проблема «язык и культура» рассматривалась в трудах В.фон Гумбольдта, Э.Сепира, Б.Уорфа, Р.Якобсона, Л.С.Выготского, А.А.Потебни. В российской лингвистике лингвокультурологическая проблематика обсуждалась в работах В.Н.Телии, Ю.С.Степанова, В.А.Масловой, Е.М.Верещагина, В.Г.Костомарова, Т.В.Цивьян, В.В.Воробьева, С.Г.Воркачева, В.И.Шаклеина, Ф.Г.Фаткуллиной, Р.Х.Хайруллиной, Е.А.Яковлевой и др. Это лишь некоторые примеры ученых, которые занимались изучением языка и культуры. Список имен можно продолжить, так как вопрос довольно обширен и многие исследователи внесли свой вклад в эту область знаний.

Лингвокультурология возникла в результате антропоцентрического подхода в современной лингвистике. Когда мы исследуем естественный язык, для нас важно отметить обобщённого носителя данного языка, а также его менталитет / ментальность. Таким образом, в наше поле зрения попадают две ключевые категории лингвокультурологии. Первой категорией является языковая личность, а второй – концепт. Это важно для создания модели, которую ученые определяют как «человека говорящего» [Воркачев 2001, с.72]. «Цель лингвокультурологии состоит в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах, хранит и транслирует культуру» [Евсюкова, Бутенко 2016, с.45].

В.А. Маслова называет объектом изучения лингвокультурологии взаимодействие языка как транслятора и хранителя культурной информации с культурой и человеком как создателем культуры при использовании языка [Маслова 2010].

В.Н. Телия считает главной фигурой лингвокультурологических исследований носителя языка, который является центром обработки культурной информации [Телия 2004, с. 27]. Объектом изучения лингвистических изысканий В.Н. Телия называет синхронное взаимодействие языка с культурой, под которыми понимает живые коммуникативные процессы, употребляющиеся в них языковые выражения и воздействие их на национальный менталитет [Телия 1996].

С.Г. Воркачев считает лингвокультурологию направлением в этнолингвистике и указывает, что данная наука базируется на трех основных составляющих: языке, культуре и личности, которая является носителем языка и культуры [Воркачев 2001, с. 64].

Дай Чжаоин пишет, что в зону интереса лингвокультурологии попадают языковые явления, которые включают культурную информацию и определенным образом раскрывают специфику конкретной культуры [Дай Чжаоин 2003, с. 34-39].

Согласно В.Н. Телия, в лингвокультурологии ключевым методом анализа языковых знаков и основным способом выявления содержащейся в них культурной информации является процесс сопоставления наборов или групп языковых знаков с символами (категориями, таксонами) культуры. Культурные данные «распределены» по языку, и обязанность исследователя заключается в толковании денотативных или метафорически обусловленных аспектов значения языковых знаков через призму культурных категорий [Телия 1996]. Для достижения своих целей, авторы лингвокультурологических исследований используют самые разнообразные приемы и методы – «от интерпретационных до психолингвистических» [Маслова 2001, с.35], от социолингвистических методов, включающих

изучение таких социальных и культурных факторов, как социальный статус, возраст, пол, религия и т.д., влияющих на использование языка, до контент-анализа, позволяющего системно и объективно анализировать содержание сообщений с целью выявления паттернов, культурных особенностей, тенденций и тематик.

Исследования в области языковой картины мира, являющейся одной из ключевых категорий лингвокультурологии, способствуют разрешению вопросов о взаимосвязи языка и культуры. Эта категория указывает не только на особенности языка, но и на уникальность восприятия действительности.

Такое представление формируется в прямом восприятии реальности и является осмысленным источником знания. Непосредственная картина мира определяется как когнитивная и выступает как концептосфера. По мнению Н.Н. Болдырева, языковая и художественная картины мира представляют собой отражение концептуальной сферы через вторичные знаковые системы, которые конкретизируют прямое когнитивное восприятие мира [Болдырев 2002]. Картина мира является как бы естественным посредником между разнообразными гранями человеческой культуры, облегчая взаимопонимание между индивидами и способствуя их социальному объединению [Постовалова 1988]. В ней находят отражение стандарты оценки и интерпретации реальных явлений. Языковые конструкции формируют определенную языковую картину, взаимодействующую с концептуальной картиной мира [Серебренников 1988, с.107].

Т.В. Булыгина пишет, что языковая картина мира «отражает восприятие мира носителями этой культуры, но человеческая рефлексия носит не механический, а творческий (и потому в определенной степени субъективный) характер» [Булыгина 1997, с. 69]. Способность языка к концептуализации реальности в определенной степени универсальна, но также имеет национальные особенности. Это означает, что представители различных языковых групп воспринимают мир по-своему, сквозь фильтр своего родного языка [Апресян 1995, с. 350]. Исследователи А. Вежбицкая,

А.И. Гуревич, Ю.Д. Апресян, В.Н. Телия, Н.Д. Арутюнова и многие другие утверждают, что языковая картина мира отражает определенную национальную культурную и духовную деятельность народа.

Считается, что в языке отображается «наивная картина мира», составляющая содержание «обыденного сознания его носителей» [Апресян 1995, с. 351; Урысон 2003, с.3]. Она может быть специфична в двух отношениях: 1) она может отличаться от логического или научного представления мира среди говорящих на разных языках; 2) «наивное понимание» мира, отраженное значениями слов в разных языках, видоизменяется, при этом научное понимание не зависит от языковых значений.

Изучая исследования О.А.Корнилова, мы находим там еще один взгляд на рассматриваемое определение. В своем контексте рассуждений ученый говорит, что языковая картина мира – это «запечатленное в лексике языка национально-специфическое видение всего сущего» [Корнилов 2000, с. 30], и большинство лингвистов под языковой картиной мира обычно имплицитно выделяют лексический уровень. Тогда как А.Б. Михалев, понимая картину мира как «специфическое средство репрезентации значения языка», выделяет несколько слоев таковой картины: 1) фонетический; 2) паремический (пословицы, поговорки, фразеологические выражения); 3) грамматический, или категориальный; 4) дискурсивный, или ситуативный [Михалев 2001].

Период конца XX и начала XXI века характеризуется возросшим научным интересом к вопросу о языковой картине мира. В области лингвистики исследуются составляющие языковой картины мира, ее изменчивость, факторы, которые влияют на ее структурирование, а также конкретные концепты (см. работы Н.Д.Арутюновой, Е.М.Верещагина, Г.В.Колшанского, О.А.Корнилова, М.М. Маковского, Е.В. Урысон и др.)

В рамках настоящего исследования также хотим обратиться к понятию «лингвокультура», поскольку в настоящей работе оно является

рабочим, рассматриваемом в качестве языковой базы изучения концептосферы СЕМЬЯ. В некоторых научных работах термины «лингвокультура» и «языковая картина мира» рассматриваются как синонимы. Однако мы считаем такое равенство не совсем корректным, поскольку различия между этими понятиями проявляются в характеристиках их структуры, классификации и методологических подходах. В.В. Красных разделяет дефиниции «языковая картина мира» и «лингвокультура». Ученый определяет лингвокультуру как культуру, отраженную в символах живого языка и проявляющуюся в лингвистических и речевых действиях, предъявляемых средствами языка и посредством языка [Красных 2013].

М.А. Федоров считает необходимым разделить понятия языка и лингвокультуры. Ученый относит к содержанию второго из них значимые единицы языка, исследуемые в аспекте функций культуры [Федоров 2014]. Лингвокультуру понимают как комплексное семиотическое образование, реализующее способы актуализации культуры в языке. Принято мнение, что языковые картины мира проистекают из национальных менталитетов [Корнилов 2000]. Менталитет определяет структуру концептуального и языкового изображения мира, которые напрямую воздействуют на развитие лингвокультуры.

Лингвокультуру в сравнении с языковой картиной мира рассматривал и Е.Ю.Бутенко. Он считал, что лингвокультуру и языковую картину мира можно соотнести как общее и частное. По мнению Е.Ю. Бутенко, языковая картина мира всегда является национальной, в то время как лингвокультура может быть как национальной, так и универсальной. Также исследователь отмечает, что лингвокультура может связывать не только этносы, как языковая картина мира, но и другие сообщества. Так, языковая картина мира, с точки зрения ученого, может быть индивидуальной, таким образом, лингвокультура складывается из совокупности языковых картин мира лингвокультурного сообщества [Бутенко 2008]. Мы также будем следовать этому разграничению, поскольку в лингвокультуре, представляющей собой

уникальное взаимодействие языка и культуры, отражаются не только языковое, но и концептуальное, культурное и ценностное представления мира.

1.2. Проблема изучения образов и концептов в лингвистических исследованиях

Методологически важными для сопоставительного исследования лингвокультр являются понятия образа и концепта, описанные и использованные во многих лингвистических трудах. Обзор научной литературы, изучение разных точек зрения позволил нам построить следующее рабочее представление о содержании и соотношении этих понятий.

Применение антропоцентрического подхода в лингвистике позволило определить такую лингвофилософскую категорию как концепт. С.Г. Воркачев относит концепт к единице лингвокультурологии, выделяя как отдельное направление лингвоконцептологию [Воркачев 2015]. На данный момент принято считать, что первым российским исследователем концепта стал С.А. Аскольдов-Алексеев. Ученый в исследовании «Концепт и слово» определил концепт как ментальное формирование, замещающее в процессе человеческой мыслительной деятельности множество объектов, относящихся к одному роду [Аскольдов 1997].

У концепта как термина в процессе развития исследовательской мысли появилось большое количество определений. Например, В.А. Маслова утверждает, что концепт – «семантическая единица, обладающая лингвокультурными особенностями и характеризующая носителей любой выбранной этнокультуры» [Маслова 2010, с. 57].

М.В. Пименова рассматривает концепт как особую, иерархически организованную систему, имеющую явные характеристики самоподобия, а важным признаком концептов считает их неизолированность, связанность с другими такими же единицами [Пименова 2011].

Необходимо отметить, что системообразующие положения концепта с лингвокультурологической точки зрения разработаны В.И. Карасиком и Г.Г. Слышкиным. В их рассуждениях прежде всего заметно, что рассматривается определенная ментальная единица, которая может быть использована для анализа не только языка, но и сознания, а также культуры. Отличием лингвокультурного концепта от других ментальных единиц, например, от образа, который часто используется как ментальная единица для изучения семьи, В.И. Карасик и Г.Г. Слышкин считают акцентуацию ценностного элемента [Карасик 1996, Слышкин 2000].

Представители когнитивной лингвистики – А.П. Бабушкин, Е.С. Кубрякова, З.Д. Попова, А.И. Стернин и др. – понимают под концептом единицу оперативного сознания.

Е.С. Кубрякова считает концепт «единицей ментальных или психических ресурсов человеческого сознания и той информационной структуры, отражающей знания и опыт» [Кубрякова 1996].

А.П. Бабушкин пишет, что концепт представляет собой «дискретную, содержательную единицу коллективного сознания, отражающую предмет реального или идеального мира и хранимую в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [Бабушкин 1996, с.15].

З.Д. Попова и И.А. Стернин считают концепт глобальной мыслительной единицей, которая является квантом структурированной информации; идеальной сущностью, формирующейся в сознании человека [Попова, Стернин 2010].

Сейчас уже можно говорить о возникновении на базе развития лингвокультурологии такого направления, как лингвоконцептология [Богоявленская 2013; Воркачев 2015; Попова 2009]. Разумеется, указанное направление, находясь в процессе активного развития на первоначальном этапе, склонно противоречиво рассматривать многие вопросы в своей предметной области, в том числе, проблему типологии концептов – уже в силу большой сложности явления. С одной стороны, эта сложность дает

возможность создания разнообразных продуктивных классификаций, с другой стороны – может дать «путаную» картину.

Подводя определенный итог анализу термина, видим, что ученые в целом неоднозначно оценивают данное понятие. Из соответствующих нашему исследованию определений концепта можно остановиться на следующих: «единица коллективного знания, ... имеющая языковое выражение и отмеченная этнокультурной спецификой» [Воркачев 2004]; «...сложное и многоярусное ментальное образование, в состав которого помимо обыденно-понятийного содержания входят еще оценочные и релятивно-оценочные смыслы, показывающие отношение человека к познаваемому объекту» [Алефиренко 2010].

При этом автор последнего из приведенных определений закономерно выделяет в структуре концепта интернациональный, идиоэтнический, социальный (связанный со статусом), групповой (по гендеру, профессии, возрасту) и индивидуально-личностный компоненты. Автор подчеркивает, что своеобразие репрезентации концепта «в голове» отдельного человека формируется в том числе за счет преобладания (и – «угасания») тех или иных указанных уровней. Добавим, что концепты типологизируются порой именно исходя из системы выделенных уровней [Пономарева 2008, с.7].

Если говорить о типологии концептов, то можно выделить вербализованные и скрытые [Попова, Стернин 2010, с. 28]; обиходные, научные и художественные (общехудожественные и авторские) концепты [Пономарева 2008, с.7]; с точки зрения репрезентации языком выделяются лексические (сначала выделялись только они, как наиболее «заметные», наиболее легко изучаемые); фразеологические (доказанные на данный момент в качестве полноправных представителей лингво-концептуальной сферы культуры, в качестве специфически-интересных ее маркеров); морфологические (вызывающие немало вопросов в силу того, что многие считают «непонятностью») [Беседина 2006]; синтаксические (напрямую связанные со специфическими проблемами исследования теории концепта,

по причине своего отношения к языку и речи одновременно; будучи принципиально «диффузными» такие концепты ставят вопрос стабильности концепта, его изучения с учетом сложного функционирования и т. п.) [Волохина, Попова 1999; Казарина 2003].

Человеческая способность создавать и комбинировать ментальные концепты хорошо развита. С одной стороны, появляются десятки тысяч понятий для различных установок, объектов, действий, ментальных состояний, телесных состояний, свойств, отношений и т. д. С другой стороны, люди объединяют эти понятия, с целью выстроить бесконечное число более сложных понятий, мыслей, что иллюстрируется фразами, предложениями и текстами, которые люди постоянно производят. По мнению современных лингвистов, в этой деятельности огромную роль играют процессы, развивающиеся в рамках работы мозга, способствующие появлению языка как такового вместе с новыми способностями к социальному познанию [Deacon 1997; Donald 1993; Tomasello 2009].

Как наиболее репрезентативная для идеи лексико-фразеологическая система языка может быть охвачена достаточно фундаментальной классификацией концептов: мыслительные картинки; фреймы (схема сцен: «бабье лето», «базар»); инсайты (те или иные отношения, структура, функция: «зонт», «ножницы»); сценарии («пожар»); калейдоскопичные (результат метафоры); концепты-гиперонимы (которые представляют собой определения без коннотата), концепты-схемы (которые формируют когнитивную, перцептивную картину мира) [Бабушкин 1996, с. 44]. Разумеется, есть классификации, усиливающие момент абстрагирования, расширения в процессе развития концепта, объединяющие так или иначе предметы и отношения между ними, выраженные в языке («вершиной» такой категории назван, например, такой термин как гештальт, в котором заложена по определению «концептуальная структура, целостный образ, который совмещает в себе чувственные и рациональные компоненты в их единстве и

целостности как результат нерасчлененного восприятия ситуации» [Болдырев 2002, с. 37]).

Надо сказать, что более общепринятое понимание концепта базируется именно на его широте, поэтому закономерны классификации, разделяющие концепты на «чувственные абстракции» разного вида: этические (*правда, долг*), национально-культурные (*воля, доля* – выражают дух русского народа), социально-культурные (*свобода, труд, собственность*), универсальные (*время, пространство*) и т. д. Здесь следует отметить, что данные единицы языка, как и другие, отличаются или не отличаются определенной экспрессивностью; развивается стилистический компонент исследования концептов (связанный с дискурсом).

С точки зрения науки весьма потенциальной, актуальной видится классификация, разделяющая концепты на пропорциональные, сформировавшиеся, формирующиеся, предельные, рудиментарные – в зависимости от соотношения так называемых интразон и экстразон концепта (первое представляет собой, по мысли создателей классификации, внутреннюю, ментальную часть явления; второе – социальную, жизненную его экспликацию, находящуюся в отношениях разнообразного взаимовлияния с внутренней) [Слышкин 2004, с. 61].

Далее разберемся с соотношением терминов «концепт» и «образ». О важности разграничения понятий «концепт» и «образ» писала, например, Л.Б. Никитина. Применительно к лингвистическим работам исследователь считает наиболее емким термин «языковой образ» [Никитина 2011]. А.Е. Вельс рассматривает соотношение «концепт – образ», отмечая, что первое слово противостоит второму, так как концепт является понятийным представлением, а образ – чувственным [Вельс 2010]. При этом речевой образ обуславливается как словесное отражение предмета или явления, воздействующего на сферу чувств читателя (слушателя, зрителя)» [Блох, Асратян 1996]. О.В. Томберг разграничивает понятия «образ» и «концепт», называя их явлениями разного порядка. Исследователь определяет концепт

как ментально-культурную категорию, отраженную в языке, тогда как образ – это продукт вторичной моделирующей системы. При этом лингвист указывает на общую характеристику концепта и образа, что представляет собой культурную составляющую [Томберг 2013].

Следует подчеркнуть, что в области лингвистики можно выявить три интерпретации термина «образ»: первая – образ как вид знака, который демонстрирует схожесть с его объектом; вторая – образ как «восприятие», возникающее в человеческом воображении при интерпретации языкового знака; и третья – образ как отображение в языке человеческих знаний и взглядов на окружающий мир [Никитина 2011].

Энциклопедический социологический словарь называет образом стереотип, отмечая такие его характеристики, как стандартизованность, устойчивость, эмоциональную насыщенность, ценностную определенность [Энциклопедический социологический словарь 1997, с. 771]. Проблемы «изображения словом» изучаются в рамках таких наук, как лингвопрагматика [Castillo-Ortega 2010; Mesthrie 2009 и др.], когнитивная лингвистика [Vendrov 2016; Panther 2017 и др.], политическая лингвистика [Киуру 2008; Zhigenova 2016 и др.] и культурная лингвистика [Мохова 2013]. К этому ряду относятся и лингвистическая имиджелогия [Виноградова 2015; Стернин, Саломатина, 2011], и лингвоперсонология [Цуцьева 2013; Караулов 2007; Плесовских 2014 и др.].

И.В. Захаренко, В.В. Красных и Д.Б. Гудков также говорят о стереотипе как о репрезентации фрагмента объективной реальности в виде фиксированного ментального образа. Исследователи отмечают важность национально-культурной специфики для стереотипного образа [Захаренко, Красных, Гудков 2004].

Ю.А. Белова в своем исследовании лингвокультурных знаков говорит о том, что стереотип не обязательно равен образу, однако становится им в момент проявления себя как представления. Автор говорит также о том, что стереотипный образ может являться представлением не только определенных

предметов, явлений либо ситуаций, ставших прецедентными, но и представлением абстрактных предмета, явления либо ситуации [Белова 2008].

О.В. Томберг рассматривает художественный образ в лингвокультурологическом аспекте. Исследователь указывает на сложность определения образа как термина ввиду междисциплинарности данного понятия, однако однозначно заявляет, что любой образ связан с культурой и является культурно обусловленным и культурно специфичным [Томберг 2013].

О.В. Евтушенко также причисляет образ к лингвокультурологическим единицам, опираясь на его культурную обусловленность [Евтушенко 2010, с. 40]. Кроме того, В.А. Маслова говорит о системе образов как об отражении концептуального осмысления категорий культуры [Маслова 2007, с. 250], исследование последних заключается в выявлении их культурной специфики и значимости. Для этого необходимо реконструировать отраженные в образе элементы духовности на определенном историческом этапе.

Конструирование образа имеет сложную лингво-психологическую природу, которая является предметом изучения науки на протяжении достаточно долгого времени.

Можно отметить три типа когнитивной структуры, которые являются первоосновными компонентами образа, – они получили название – «пространственные примитивы», схемы образов и интегральные схемы. Пространственные примитивы являются первыми концептуальными строительными блоками; схемы образов – простые пространственные истории, построенные из них; а в интегральных схемах первые два типа используются для построения концепций, включающих непространственные элементы [Mandler 2014, с. 10]. Все три явления относятся к предъязыковым событиям, первые два, как мы отметили, предшествуют третьему в плане «накопления материала». Все три явления при этом играют важную роль в построении смысла, участвуя в процессе вербализации.

В рамках объективистской парадигмы философии любые языковые понятия считались реальными, существующими вне зависимости от того, кто их обозначает. Однако в последние тридцать лет когнитивная лингвистика существенно продвинулась в своем развитии и теперь в достаточной мере изучена непропорциональная природа понятий, заключающаяся в том, что понятия, обозначаемые языком, являются продуктами сенсомоторного опыта. Таким образом, было выявлено важное свойство образа – его связь с восприятием, с действиями и внутренними чувствами, а также опытом человека, который структурирует схемы образа. В этом смысле уместно отметить абстрактный характер образов, о которых идет речь и которые «более абстрактны, чем обычные ментальные образы... состоят из динамических паттернов...» [Gibbs 2006, с. 91]. Образы могут рассматриваться как аттракторы нашего воплощенного взаимодействия с миром, выстраивания определенных ассоциативных рядов: ОБЪЕКТ – ВОСПРИЯТИЕ – ОБРАБОТКА – ОБРАЗ.

Поскольку образ определяется восприятием, то, безусловно, необходимо принять во внимание неоспоримость факта, что конкретные образы необходимо рассматривать не только в контексте мироощущения отдельного человека, но и в контексте определенных культур и социумов, порождающих их. Репрезентация культурных паттернов в символической и, следовательно, образной картине социума не может подвергаться сомнению. От того, каким образом развиваются культурные паттерны, зависит и семантика образов – ее наращивание или обеднение, приобретение принципиально иных значений. Поскольку культурная картина мира часто определяет восприятие тех или иных объектов, выступая своего рода призмой, и анализ образов всегда должен осуществляться в культурном контексте конкретного социума.

С точки зрения семиотики изображение является символической структурой, нередко обращающейся к человеческим ценностям, отношениям. Э. Сепир [Сепир 2002] различал два типа символов: референциальный и

конденсационный. Первый подразумевает своего рода отсылки к известным понятиям, вторая группа символов связана с чрезвычайно сжатой формой замещающего поведения, выражения чего-либо, что позволяет быстро и полностью освободиться от эмоционального напряжения, совершаемого сознательно или бессознательно. Использование значимых для аудитории символов при сохранении их семантики запускает взаимодействие с адресатами, задает направление их мышления.

Н.Д. Арутюнова отмечает: «В современном мире образы вошли в повседневную жизнь человека, и их роль резко возросла. Причиной этого является популярность кино и телевидения. Изображения общественных деятелей постоянно появляются на телевидении. Эти изображения улучшены экспертами и советниками. Так портрет превратился в образ» [Арутюнова 1998, с. 312]. При исследовании указанной проблематики трансформация ставит вопросы о семиотической природе образа. В то же время возникает вопрос, что происходит с образом после его когнитивного восприятия и в момент, когда он становится коммуникационным объектом «в руках» говорящего человека. Под таким явлением подразумеваются не только образы окружающей нас реальности, но и самооценка воспринимающего субъекта.

Надо отметить, что массовое сознание, связывающее, наполняющее мир между индивидом и группой, должно «хранить» образы в форме, удобной для потребления, развивая своего рода модель типов (матрицу), или библиотеку типов – таким образом «развиваются и формируются стереотип и специфика образа, то есть такого фрагмента стереотипизированного целого, которое в силу своей оригинальности не поддается классификации или «хранению» и не попадает ни в какую категорию типов» [Олянич 2004]. Ю.М. Лотман указывает на желание человека создавать особенные образы до тех пор, пока желание не «перевернется с ног на голову» (автор называет это «перевернутыми образами»), открывая тем самым путь к метафоре как

конструктивному пути развития и переосмыслению реальности [Лотман 2001].

Таким образом, образ в науке рассматривается как целостное, качественно определенное изображение (вербальное и невербальное) объекта, постоянно существующего или воспроизводящего себя в массовом и/или индивидуальном сознании. Это изображение появляется и трансформируется в процессе восприятия и связанной с этим фильтрации информации об объекте, поступающей из внешней среды через призму существующих стереотипов. Любой объект реальности может иметь образ.

Образ является внутренним социально обусловленным созданием человека, поскольку: 1) может существовать только в обществе; 2) субъектом образа является «социальный» человек; 3) общие характеристики образа (его валентность, интенсивность, определенность) зависят не только от самого объекта, но и от характеристик конкретного общества, в котором формируется образ, – от его ценностей, норм, традиций, отношений и т. д. Хотя изображение основано на реальных свойствах объекта, но «их отражением в сгенерированном изображении можно управлять. Изображение приспособлено к ожиданиям и потребностям других, оно зависит от ситуационного спроса и предложения, и поэтому оно субъективно, изменчиво, адаптивно и связано не столько с реальными свойствами, сколько с тем, как их видят и воспринимают другие люди» [Марченко, Носков 1997, с. 54].

Еще одним важным свойством образа является его прикладной характер, то есть высокоэффективное преобразование в соответствующую реакцию (восприятие, отношение, социальное поведение, действия) аудитории. Изображение динамично: оно быстро реагирует на меняющиеся экономические, политические и социальные ситуации, которые влияют на «бессознательные» ожидания воспринимающей аудитории.

Учитывая, что язык является основным инструментом реализации образа, вполне целесообразно сосредоточиться на изучении языкового

механизма по формированию изображения в сознании человека. Словесное моделирование образов включает в себя набор приемов и методов работы с лингвистической личностью, направленных на достижение прагматических целей, которые связаны с образом-человеком или образом-явлением. Такое моделирование должно включать в себя набор методов для своеобразного сканирования элементов бессознательного, тесты для регистрации уровня развития, резервов и проблемных областей человека, а также метод определения диапазона словесного, профессионального и социального потенциала человека.

Невозможно обойти вниманием в контексте исследования концептосферы также понятие словесного образа, которое М.Л. Новикова называет единицей художественного текста как цельного единства. Исследователь определяет словесный образ как эмоционально-художественную структуру [Новикова 2013].

А.Н. Васильева описывает структуру словесного образа как соотношение слова-лексемы и слова-носителя художественной информации [Васильева 1983, с. 189].

А.Б. Кабанова, С. М. Тажибаева указывают на механизм закрепления словесного образа в ментальности. Образ, по словам исследователей, развивается в авторском тексте до символа и после этого закрепляется в общественном сознании [Кабанова, Тажибаева 2020].

Создание словесного образа подразумевает особые действия с лингвистической персоной адресанта, которая, однако, не является прототипом изображения со всеми его совокупными характеристиками.

При формировании словесного изображения используются те компоненты языковой личности, которыми лингвист руководствуется при создании текстов с конкретными целями: лингво-прототип или комбинация речевых возможностей адресанта, способные достичь конечной цели формирования образа – создание привлекательности.

Как уже говорилось выше, очень многое в формировании образа и его дальнейшем восприятии зависит от самого человека и его когнитивного стиля. И.П. Шкуратова отмечает, что большинство когнитивных стилей (когнитивная сложность, концептуальная дифференциация и т. д.) отражают степень аналитико-синтетического восприятия объектов или, другими словами, жесткость оценки сходства или различия между объектами. Индивид обрабатывает всю поступающую информацию, используя механизмы сравнения, а затем определяет степень сходства между определенными явлениями. Люди с развитыми когнитивными навыками, высокой концептуальной дифференциацией имеют более сложную личную картину мира. Критерий импульсивности, по мнению исследователя И.П. Шкуратова, определяет скорость принятия решения и рассмотрения нескольких альтернатив. «Считается, что импульсивные люди – это те, кто принимает решения быстро и с большим количеством ошибок, а рефлексивные – с точностью до наоборот» [Шкуратова 1994, с. 127]. По итогам теоретических изысканий можно сделать вывод, что понятие «образ» представляет собой набор компонентов, среди которых наиболее важен словесный. Его основная функция – экстернализация внутренних ресурсов человека и создание «коммуникационного моста» между образом и его аудиторией. Это сложный многокомпонентный процесс, который должен рассматриваться в контексте нескольких направлений лингвистики и даже нескольких научных дисциплин, для получения объемного изображения сути явления.

Таким образом, термины концепт и образ не являются синонимами, поскольку понятия, которые они обозначают, не отождествляются, а пересекаются. Если под концептом понимается «всё, что индивид знает, предполагает, думает о реалии окружающей действительности» [Пищальникова 2003 с. 7], то языковой образ представляет собой объективацию через язык (языковые знаки и их сочетания) знаний, восприятий и взглядов на данную реальность. Следуя Л.Б. Никитиной

[Никитина 2011], под «образом» (или языковым образом) мы подразумеваем языковое отражение семантической универсалии (ментального объекта) - концепта. Так, в термине «языковой образ» заключено утверждение о существовании ментального объекта как предмета концептуализации (категоризации), чей процесс и итоги находят свое выражение в языковой системе.

Остановимся на еще одном ключевом понятии нашей работы. Таким понятием является «концептосфера». Культурный контекст национального языка, особенности структуры ментальной сферы, их глубокий смысл были тщательно проанализированы ученым Д.С.Лихачевым. Судя по историческому контексту, он был вдохновлен идеей «ноосферы» В.И.Вернадского, представляющей сферу разума, духовности и коллективного сознания, и на основе этой идеи предложил свое понятие «концептосфера». Этот термин не просто отражает высшие проявления культуры в языке, но и подчеркивает уникальность каждого языкового сообщества. Лихачев утверждал, что концептосфера содержит комплекс концептов, характерных для определенной нации. Эти концепты формируются на основе всех значений, которые можно найти в словаре, будь то у отдельного человека или в языке в целом. Например, концепт «свобода» в разных культурах может иметь разные оттенки значения и выражаться различными словами и фразами, что подчеркивает уникальность каждой концептосферы.

Культурная идентичность индивидуума, его исторические корни, личные взгляды и убеждения, а также опыт и современное состояние этноса играют ключевую роль в формировании и интерпретации концептов, которые являются неотъемлемыми элементами концептосферы. Эти концепты не только отражают общие представления и ценности этноса, но и служат посредниками между прошлым и настоящим, позволяя понимать и по-своему самобытно интерпретировать изменения в социокультурном контексте. Каждый отдельно взятый индивидуум, будучи частью

определенной культурной и этнической группы, вносит свой уникальный вклад в общую картину мира, своеобразную копилку взглядов и идей, формируя и обогащая концептосферу своими знаниями, опытом и переживаниями. В этом смысле система языка выступает в роли сущности, концентрирующей в себе культурное наследие нации и его проявления на разных уровнях общества вплоть до уровня индивидуальности каждого человека [Лихачев 1993, с. 5].

В современном языкознании термин «концептосфера» символизирует «объемное» восприятие множества языковых процессов. Мир вокруг нас сложен и многообразен, наполнен явлениями и объектами. Этот мир неисчерпаем в своем объеме, однако в человеческом сознании он подсознательно структурируется и организуется с помощью определенных универсальных категорий или образов. Эти устойчивые и обобщенные представления мы называем концептами. Безусловно, абсолютно полного и исчерпывающего списка таких концептов составить невозможно в рамках исследования, но ученые и исследователи выделяют определенные ключевые модели, стандартные сценарии поведения, общепринятые идеи и визуальные образы, которые помогают нам понимать и интерпретировать окружающий мир. Эти концепты служат своеобразными «картами» или «схемами», с помощью которых мы воспринимаем и анализируем информацию, поступающую из внешнего мира [Попова 2003, с. 19]. Концептосфера рассматривается как система внутри системы, своеобразный «концептуальный репертуар культуры» [Карасик 2005, с. 85], более понимаемая в виде информационной базы мышления, уникального хранилища концептуальных единиц языковых сообществ [Попова, Стернин 2007, с. 176].

А. Н. Приходько характеризует концептосферу как реально присутствующий набор вербально выраженных и невыраженных национально-специфичных элементов лингвокультуры, акцентируя внимание на системности, разнообразии, интегративности, взаимосвязи и

структурированности [Приходько 2013, с. 172]. В нашем исследовании мы понимаем под концептосферой упорядоченную и особым образом организованную совокупность концептов, концентрирующую в себе особенности определенной лингвокультуры и обладающую одновременно универсальными характеристиками. Путь от смысла к его языковому отображению лежит в основе нашего диссертационного сочинения, посвященного сравнению концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах.

1.3. Семья как объект изучения гуманитарных наук

В настоящем исследовании мы не будем рассматривать все определения и описания феномена семьи в современной науке, однако нас интересуют последние разработки в этой области в гуманитарных науках и особенно в лингвистике. Гуманитарные науки, такие как социология, антропология, психология, история и другие, изучают семью как объект социального анализа, чтобы понять ее функции, структуру, эволюцию, влияние на индивидуума и общество в целом. Социология изучает семью как социальную институцию и ее взаимодействие с другими институтами, такими как экономика, политика и культура. Антропология изучает семью как культурное явление, которое отражает различные социальные и культурные нормы и ценности. История изучает эволюцию семьи и ее роль в обществе на протяжении времени. Психология изучает семью как среду для формирования личности и социализации детей. Изучение семьи в рамках гуманитарных наук позволяет понять многообразие семейных отношений и динамику семейной жизни в различных культурах и контекстах, а также принять меры для улучшения качества жизни семей в современном обществе.

Образ семьи может быть представлен различными способами, в основе каждого из которых лежит фундаментальная идея о структуре семьи и ее функции в обществе. Некоторые исследователи определяют семью исключительно с точки зрения совместного ведения домашнего хозяйства,

совокупности людей, живущих вместе. Другие определяют семью на основе родства. Семья представляет собой коллектив людей, объединенных общим происхождением, или ключевую социальную группу, включающую в себя родителей и их потомство [Курило 2015]. Кто-то утверждает, что биологическое родство является определяющим элементом семьи, их оппоненты считают, что семья может быть смешанной совокупностью индивидов, связанных браком, усыновлением, партнерством или дружбой.

Вопрос о том, что именно представляет собой семейная жизнь для общества в целом, часто оказывается актуальным в контексте дискурса современной социальной и политической философии. В чем бы ни состояла «семейственность» в нашем понимании, она явно находится в тесной связи как с биологически детерминированными структурами родства и происхождения, так и с практической, материальной связью между поколениями. Она возникает всякий раз, когда человеческие существа проводят свою жизнь вместе в одном месте или на основе некоторого определенного набора природных или человеческих ресурсов.

Это обстоятельство во многом объясняет, почему философы и мыслители, занимающие совершенно разные позиции по социальным и политическим вопросам, готовы разделять, по крайней мере по большей части, мнение о том, что семья предлагает окно в некоторые из самых элементарных и устойчивых форм человеческого сосуществования – форм, которые должны каким-то образом учитываться в рамках любого более широкого теоретического понимания человеческого общества [Сидоров 2014].

Считаем необходимо обозначить и духовную сущность семьи, ибо человек – специфически духовное существо, которое именно этой своей особенностью «завоевало мир», такой базовый институт, как семья, не может игнорировать духовность в процессе организации, развития, социализации своих членов. Очевидным считается тот факт, что семья является в том числе глубоким ментальным конструктом, основанным на социальных отношениях,

который не настолько зависит от эпох и верований, насколько это может представляться.

Сложность концептуализации социального института, о котором идет речь, предполагает, что семья – это феномен, связанный с культурой [Bales, Parsons 2014]. По сути, культура представляет собой призму, через которую люди рассматривают себя как часть уникального социального коллектива и вытекающие из этого коммуникативные взаимодействия; культура обеспечивает нормы поведения, оказывающие большое влияние на роли, динамику власти членов семьи [Johnson, Radesky, Zuckerman 2013].

Культура – это одна из макроструктур для интерпретации и принятия индивидами таких предписаний, как брачные обычаи; ценностные убеждения о гендере, моделях формирования семьи и др. [Weisner 2014]. По этим причинам «каждая семья является одновременно уникальным микрокосмом и продуктом более широкого культурного контекста» [Johnson et al. 2013, с. 632], анализ семейного общения должен включать общекультурные реалии, – чтобы выявить эффективные коммуникативные стратегии для разрешения микро- и макрокультурных конфликтов. Понимание семьи различается в зависимости от индивидуальных взглядов и культурных особенностей. Хотя каждая культура имеет свои уникальные особенности и традиции, существуют определенные универсальные аспекты, которые присущи понятию семьи во всем мире. Эти аспекты включают в себя способы общения между членами семьи, определенные роли, которые выполняют ее члены (например, роль матери, отца, ребенка), а также общепринятые нормы и привычки, которые формируют повседневную жизнь семьи. Независимо от культурных и индивидуальных различий, семья остается ключевым элементом социальной структуры, играющим важную роль в формировании личности и социальных связей. Различный исторический, культурный путь наций – при определенных культурных универсалиях [Быканова, Виноградова 2014, с. 237-238] – обязательно будет отражаться в языке, в частности в базовых образах, к которым относится образ семьи.

Существует много индивидуальных причин, которые могут привести к конфликту между членами семьи, при этом большинство из них могут быть интерпретированы через общую культуру, как рассуждают некоторые авторы: «...все семейные конфликты происходят под влиянием более масштабных культурных факторов» [Canary 2013, p. 46].

Весьма необычный способ погружения в изучение роли культуры в семейных коммуникативных паттернах, в социализацию исследуется Шварцем [Schwartz 2005]. Автор разработал систему ценностей, состоящую из 10 наименований, операционализированных в качестве мотивационных целей для современного общества:

- 1) самонаправленность (независимость мысли и действия);
- 2) стимулирование (возбуждение, вызов и новизна);
- 3) гедонизм (удовольствие или чувственное удовлетворение);
- 4) достижение (личный прогресс в рамках социальных норм и ожиданий);
- 5) власть (социальное положение, господство над индивидами и ресурсами);
- 6) конформизм (сдержанность действий, которые могут причинить вред другим или нарушить социальные ожидания);
- 7) традиция (уважение и приверженность культурным или религиозным обычаям и идеям);
- 8) доброжелательность (сохранение и повышение благосостояния людей, с которыми вы близки);
- 9) универсализм (понимание, терпимость и забота о благополучии окружающих);
- 10) безопасность (безопасность и стабильность общества, отношений и самого себя).

Позднее Шварц обнаружил, что эта система ценностей широко распространена в более чем 65 странах. Однако вышеобозначенные ценности по-разному реализуются различными сообществами. Вариативность

проявляются в разных детерминантах национальных и культурных традиций. Разумеется, данный подход с учетом культурных вариаций применим при анализе семейных взаимоотношений. Важно и то, что перечисленный список скорее универсален, нежели культурно-этнически обусловлен; возможно, его следует признать скорее «списком массовой универсальной культуры», нежели каким-то другим. Восприятие различными культурами перечисленных явлений будет разным, что отразится и на современных семейных взаимоотношениях.

Например, азиатские социумы подчеркивают взаимозависимость в семье, отдавая ей предпочтение перед автономией; воспитание в рамках таких культур, стиль семейных взаимоотношений способствуют коллективным достижениям, сотрудничеству в качестве основных ценностей. В соответствии с темой нашей работы, связанной с семейными отношениями в Китае, нам следует учесть искреннее восприятие китайцами самого государства как семьи, стремление к полной гармоничности жизни объясняет то, что диахроническое движение наполнения китайского образа семьи не будет очень «бурным», резким, бросающимся в глаза. Здесь скорее надо искать проявление определенных тонкостей китайской культуры. Известно, что Китай – самое древнее в мире государство (в плане культурной преемственности государственной власти и иных явлений), поэтому традиции в нем достаточно сильны. Китайская семья всегда была связана с традиционными ценностями и обычаями, которые были связаны с философией конфуцианства. В конфуцианской традиции семья рассматривалась как основа общества и ее существование было неразрывно связано с гармонией и порядком в обществе. В конфуцианской философии, которая стала доминирующей в Китае с V века до н.э., было признано значение уважения к старшим и поддержания сильных связей внутри семьи. Семья в традиционной китайской культуре считалась более важной, чем индивидуальные потребности и желания. Конфуцианская теория семьи была основана на трех взаимосвязанных отношениях: отношениях между отцом и

сыном, между старшим и младшим братом, между мужем и женой. В традиционной китайской семье, которая называется «семья-поколение», жили несколько поколений родственников, которые обычно состояли из бабушек, дедушек, родителей, детей и внуков. В этой модели семьи уважение к старшим было очень важным элементом. Родители и бабушки-дедушки имели высокий статус и авторитет, а их мнение и рекомендации всегда принимались во внимание. В течение многих веков семья в Китае была важна не только для воспитания потомства, но и для сохранения национальных традиций и культуры. Кроме того, семья была связана с экономическими аспектами жизни, так как она была ответственна за передачу собственности и наследственных прав.

Остановимся на традиционных семейных ценностях, представленных в китайской культуре.

Доброжелательность как базовая ценность конфуцианства высоко ценится китайцами, поскольку прочно соотносится с важностью семейных, кровных связей. Широко распространенная в Китае поговорка «доброжелательная семья будет процветать (кит. 家和万事兴)» – тому яркий пример. Основанная на семейных связях, данная ценность распространяется в стране и на дружбу, и на широкие социальные отношения, а также включает в себя такой набор ценностей, как справедливость, лояльность, самодисциплина, приверженность, вежливость, честность, мудрость.

Справедливость и правильность напрямую характеризуют праведность. Как выразился в свое время великий ученый Конфуций, «большой человек понимает, что правильно; маленький человек понимает, что выгодно (кит. 君子喻于义, 小人喻于利)». Известно, существуют и коллективные, и индивидуальные, и общесоциальные ценности. Все люди должны стремиться к тому, что является пользой и для них самих, и для общества. К примеру, следующие китайские поговорки подтверждают данную мысль: «Каждый отвечает за рост или падение страны (кит. 天下兴亡, 匹夫有责)», «Нужно

быть первым, чтобы показать озабоченность, и последним, чтобы наслаждаться (кит. 先天下之忧而忧, 后天下之乐而乐)». Подобные ценности невозможно реализовать без семейного участия.

Вежливость как ценность, которую сложно воспитать, если она не заложена в семье, подчеркивает скромность и благоразумие. Традиционная китайская культура подчеркивает важность ритуалов, среди которых выделяются специальные ритуалы для различных случаев, таких как свадьбы, похороны и вежливые обмены. Как говорится, «невежливо не возвращать то, что получаешь (кит. 来而不往非礼也)». Конфуций особенно подчеркивал необходимость выражения вежливости в повседневной жизни.

Мудрость требует от человека способности отличать правильное от неправильного, знать себя и быть находчивым. Конфуций говорил, что «благожелательность означает любить, а мудрость – понимать других (кит. 仁者爱人, 智者知人)». Таким образом, человек должен иметь не только любящее сердце, но и мудрость, различать добро и зло, а также иметь мудрость и изобретательность для управления злом и поощрения добра, – все эти качества должны активно формироваться в процессе семейного образования.

Честность крепко связана с надежностью, доверием. «Люди должны получать свое состояние разумно и правильно через свой труд, а не через мошенничество и обман» (кит. 不义而富且贵, 于我如浮云), – говорил Конфуций, подчеркивавший важность честности в повседневном поведении. Эта моральная добродетель, высоко ценимая китайцами, что, безусловно (как и многие иные описываемые здесь ценности) связано с общечеловеческими моральными установками, воспитывается в семье.

Сыновнее благочестие – очень заметная ценность конфуцианства: «Необходимы уважение и поддержка пожилых членов семьи (кит. 尊老、敬老、养老、送老)», что является прямой обязанностью младшего поколения, то есть забота о пожилых (кит. 老有所养, 少有所依) – фундаментальная

семейная добродетель в Китае. В книге Конфуция «Сяо Цзин» сформулированы пять обязанностей сыновнего благочестия, включающие и этические, и определенные социальные правила, и даже юридические нормы. На этом фундаменте развились многочисленные китайские традиции и церемонии, которые акцентируют внимание на идее семейного процветания. Так, учения Конфуция, оказавшие воздействие практически на все аспекты жизни китайской цивилизации, сыграли ключевую роль в становлении концептосферы СЕМЬЯ /家 в китайской культурной традиции.

В контексте темы можно также упомянуть о некоторых религиозных традициях китайцев, в частности о «поклонении Шэнь» – об «энергиях, которые порождают вещи и заставляют их процветать» [王丽娜主编 《中华民俗大观 第四册 图文图文珍藏》 2016 第 399 页]. Основные понятия в связи с этим следующие:

- 1) Тянь (天), небо, источник нравственного смысла, высший Бог и сама Вселенная;
- 2) Ци (气) – дыхание или субстанция Вселенной, которая может быть усилена внутри человека;
- 3) Цзиндзу (敬祖) – почитание предков;
- 4) Бао Ин (报应) – моральная взаимность.

Интересным выглядит факт, когда выделяются два традиционных понятия судьбы и смысла: Мин Юн (命运) – «личная судьба или расцвет» и Юань Фэнь (缘分) – «роковое совпадение». Видно, что важные понятия из сферы религии отражают общие культурные установки страны, будучи, разумеется, связаны с семейными отношениями в Поднебесной. Следует помнить, что религиозные воззрения жителей страны, о которой идет речь, возникнув когда-то из культа предков (членов семьи, как во многих странах), существенно закрепились именно в таком качестве. Это особенно влияет на мораль и ценности современной семьи. Когда семейные ценности практически непосредственно обуславливаются религией, то даже

современное общество (построенное на таком фундаменте) будет отличаться особенными семейными отношениями, более глубоким отношением к возрасту, пожилым людям – что, по большому счету, маркирует мудрое окружение. Согласно списку традиционных религиозных понятий, ценностей, китайцы мудры, нравственны, приверженцы семьи, поскольку очень ответственно относятся к своему личному пути на земле. Конфуцианская традиция понимает жизнь человека как безусловно унаследованную от предков, в связи с чем китаец часто функционирует в рамках сети членов семьи, значимых других.

Необходимо отметить, что здесь нет противоречий между личным и общественным – представители данной восточной культуры приспосабливаются к историческим обстоятельствам, максимально сохраняя гармонию, смысл жизни. При этом, как и в любой стране, в Китае есть проблемы, в частности связанные с молодежью – обусловленные и семейной проблематикой. В XX веке в Китае произошли значительные социальные и политические изменения, которые повлияли на феномен семьи.

Китайский исследователь Ван полагает: по мере того, как все более широкие слои социума меняются в контексте нарастающей глобализации, молодое поколение Китая испытывает значительные изменения в ценностях, ассоциируемых с «индивидуализмом, материализмом и моральным кризисом» [Wang 2006, с. 233]. Ученый утверждает, что существует «коллективный комплекс неполноценности» [Wang 2006, с. 233], маркирующий молодежь Китая в результате представлений о неполноценности национального статуса. Здесь можно предположить специфические конфликты в семье и вытекающие из них.

Интересный пример того, как культурная специфика (например, ценность сыновнего благочестия) влияет на развитие идентичности китайской молодежи, можно найти в исследовании, проведенном Нельсоном с соавторами в 2004 г. Результаты показали, что 89% китайских подростков оценили пункт «способный оказать материальную поддержку родителям»

как маркер взрослости, в то время как только 16% американских подростков оценили этот критерий как таковой [Nelson 2003].

В русской культуре феномен семьи имеет свою древнюю историю, которая также насчитывает несколько тысяч лет. В древней Руси семья имела очень важное значение для общества, и ее роль была связана с религиозными и культурными традициями. Семейные отношения в России сильно повлияли на правовые и нравственные нормы в обществе. Семья была основным институтом общества, который служил основой для развития и передачи традиций, культуры и наследственности.

На выстраивание образа семьи в России долгое время оказывало двойное влияние христианской и языческой культурных парадигм. Так, есть свидетельства тому, что, несмотря на главенство христианства в официальной религиозной жизни на Руси, язычество продолжало во многих аспектах определять культуру семейных отношений. Оно проявлялось в семейном кругу в виде обрядов, ритуалов, традиций [Знаменский 1996, с. 11].

Важно также отметить влияние монашества на русскую семью, которое начало расти в XV веке, достигнув своего расцвета в XVI и снизившись в XVII столетии [Алексеев 2011, с. 51]. Монашеская жизнь стала очень популярной и даже превратилась в один из видов семьи, например, в такое явление, как «монастырь в миру», когда семья живет по особо установленным правилам. Многие семейные пары вместе принимали постриг после того, как считали свой долг выполненным (после взросления детей). Н.Л. Дружина пишет, что «ни одна мировая религия не отводит столь важное место семье в системе вероучения, как христианство» [Дружина 2010, с. 91].

Ярким и неоднозначным документом, описывающим семейный уклад русской семьи XV века, является «Домострой», принадлежащий перу протопопа Сильвестра Медведева. Данное свидетельство нравов и традиций той эпохи характеризует как хозяйственную, так и духовную сторону русской семьи. У специалистов по средневековой русской культуре давно сформировалось мнение, что «Домострой» действует в роли основного

транслятора норм и ценностей, присущих русской языковой картине мира того времени [Колесов 1994, с. 65–66].

«Домострой» как свод устоев и обычаев описывает главенствующее положение мужчины в семье, который является абсолютным хозяином дома, имеющим право решать любые вопросы. Жена и дети признаются имуществом главы семьи юридически [Домострой 1994]. Все нормы обусловлены традициями православия. В поведении придерживались чинности, шли кротко, общались умеренно, выражая свои мысли благочинно. Смешные выражения, песни, танцы и другие мирские развлечения были нежелательны. Согласно «Домострою», семья и ее уклад – это своего рода малая церковь, домашний монастырь с мужем в роли главы. Режим дня аналогичен монастырскому – сосредоточение на молитве и труде. Игры и развлечения считались неприемлемыми.

О.А. Огородникова также указывает на свойственную тому времени традицию договорных браков, где не допускался свободный выбор партнера, (за некоторыми исключениями) [Огородникова 2011, с. 58]. В то же время необходимо заметить, что достоверные сведения о том периоде достаточно немногочисленны и противоречивы.

Историки часто опираются на документальные свидетельства, оставленные иностранцами, жившими или гостившими в России в конкретный отрезок времени. Так, часть записей демонстрирует жизнь, жесткий патриархальный уклад семьи, где женщины заперты дома и обложены множеством обязанностей. Именно на такие документы опирались ученые, считающие патриархальную семью типичным укладом для России того времени как следствие отсутствия гражданских прав и наличие экономического и политического угнетения личности [Терещенко 2008; Гавров 2010]. Однако существуют также документальные источники о том, что женщины в семье самостоятельно распоряжались землей, совершали сделки, были грамотными и компетентными членами семьи в сфере

распоряжения семейным бюджетом и недвижимостью [Власкина, Сипягин 2011, с. 24].

Важность семьи, статуса человека, принадлежащего к этой «ячейке общества», подчеркивалась как для женщины, так и мужчины. Ни старая дева не воспринималась как полноценный человек, ни бобыль не считался самостоятельным членом общества в допетровскую эпоху [Огородникова 2011, с. 58-60].

Н.А. Жилиянина говорит о важности рождения как можно большего числа детей в русской семье в допетровскую эпоху, а также о возможности расторжения брака. При этом исследователь отмечает, что в целом расторжение брака не поощрялось, однако практиковалось по серьезным причинам: например, при невозможности женщины иметь потомство. Одной из причин могла стать и супружеская измена, при этом к измене мужа относились лояльнее, нежели к измене жены.

Еще одной причиной для развода могло быть пострижение одного из супругов в монашество, и этим обстоятельством часто злоупотребляли, практикуя насильственный развод. Так, в XVII веке эти злоупотребления достигли такого размаха, что патриарх Иоаким выпустил специальный Указ (1681), в котором запрещался постриг человека при живом супруге. Нарушители указа теряли право на повторный брак [Жилиянина 2016].

Во времена Петра I в России произошло усиление влияния западной духовной и светской культуры на семью. Эти новые тенденции также нашли свое выражение в знаменитом произведении русской литературы – книге «Юности честное зеркало», которая была создана по указанию Петра I и опубликована в 1717 году. Эта книга содержала набор регламентированных правил для семейной жизни на всех ее этапах, начиная с формирования семьи. В то время Россия активно ориентировалась на западные стандарты в политической, экономической и социальной сферах, и «Юности честное зеркало» взяло на вооружение принципы из европейских источников, адаптированные к реалиям России. В данном произведении уже

прослеживается явное отступление от классического патриархального взгляда на семью, основанного на православных устоях. Акцент делается на более светское понимание дворянского «кодекса чести», который подразумевает индивидуальную ответственность дворянина за свои действия, особенно в пределах семейных связей. Концепция дворянского стиля жизни вытеснила христианское представление. Также важно отметить, что служение интересам государства стало приоритетом перед служением Богу. Однако такие изменения в основном затрагивали молодежь. Требования к благочестию дворянских девушек оставались такими же строгими, как и в «Домострое».

Исследователь В.А. Зуев говорит о более длительном сохранении традиции большой многопоколенной семьи в России по сравнению с Западной Европой. Однако индустриализация и урбанизация начали разрушать эту традицию в XX веке. Окончательно характер семейных отношений изменился, когда государство заявило об экономической необходимости работы для женщин и, как следствие, равенстве женщин и свободе матери. Как результат, развод стал более распространенным явлением, а рождаемость снизилась [Зуев 2021]. В первой половине XX века произошли существенные изменения в представлениях о семье, традиционно (на протяжении многих веков) рассматривающейся как патриархальное общество с явным доминированием мужчины. В ходе социальных потрясений, характерных для этого периода, появилась новая модель семьи как части общества, в которой каждый член обладает равными правами и свободами. Влияние культурных и мировоззренческих изменений, происходивших в обществе, оказало влияние на структуру семейных отношений в советской семье. В данное время концепция этого слова приобрела государственный контекст. В СССР активно использовались такие фразы, как «семья народов СССР», «братские республики», «единая, могучая семья» и так далее.

Как показывает исследование, время существенных изменений в представлениях о семье пришлось на первую половину XX века. Традиционные патриархальные структуры уступили место новой концепции семьи как равноправного и свободного сообщества.

Таким образом, русская культура, как культура более европейская, чем китайская, оказалась более подвержена определенным изменениям в эпоху Новейшего времени, что сказалось на диахронии образа семьи, на восприятии этой концептосферы представителями русской нации. Тем не менее, твердая базовость самого феномена семьи, быть может, склоняет язык и общественное сознание к определенной неизменности понимания семейных ценностей.

С ростом глобализации у многих субъектов растет культурная чувствительность, изменяется отношение к сверхмасштабным проблемам, связанным с осознанием роли семьи в разных странах. Так, исследователь Верхельст определил культуру как «каждый аспект жизни: ноу-хау, технические знания, обычаи питания и одежды, менталитет, ценности, язык, символы, социально-политическое и экономическое поведение, местные методы принятия решений и осуществления власти, методы производства и экономические отношения и т. д.» [Верхельст 1990, с. 17].

Известный голландский профессор Хофстеде говорит о культуре как о «программном обеспечении разума» и утверждает, что она служит руководством для людей в том, как думать и вести себя; и это инструмент решения проблем [Hofstede 2001]. Культурная чувствительность требует способности понимать точку зрения тех, кто живет в рамках очень разных культур, готовности поставить себя на место представителей иных систем. Сообщества создают то, что мы называем культурой, не просто так, а согласно своему историческому пути, своему коллективному выбору. Важно отметить, что изучение национальных культур с целью понимания моделей поведения, в том числе в семье в эпоху ее кризиса, должно стать

действительно императивом международных исследований в области социологии, культурологии.

Культурные переменные являются, возможно, результатом уникальных общих ценностей среди людей, принадлежащих к разным нациям. Большинство различий между культурами произрастает из глубинных систем ценностей, которые заставляют людей вести себя по-разному в сходных обстоятельствах [Cateora и др. 2011], при этом налицо – и некие общечеловеческие ценности различных культурных систем, которые могут помочь договориться. Ценности отражают представления общества о том, что хорошо и что плохо, правильно и неправильно; они связаны с осознанием важности вещей и идей, являются ключом к пониманию конкретной культуры. Говоря о таких явлениях, мы подразумеваем устойчивые убеждения в том, что способы поведения или конечные состояния существования предпочтительнее противоположных способов поведения [Rokeach 1973].

Согласно концепции большой гармонии, Вселенную объединяет многообразие. Различие не обязательно равнозначно противоречию, оно иногда превращается в противовес, но нередко составляет необходимое условие гармонии. Есть много примеров, когда различия дополняют друг друга – как в природе, так и в обществе. Сложное объединяющее разнообразие – основа для порождения новых вещей, явлений. Таким образом, человек может придерживаться определенных взглядов, но не должен следовать им слепо: вместо этого мудрый человек стремится гармонично сосуществовать с другими взглядами, что важно в семье [Цзинь Синьсинь 2009, с. 345-349; Мыщик 2013, с. 824-826].

Ценность гармонии подчеркивает всесторонний и логичный взгляд на каждый вопрос. Диаграмма Цянь (Цянь Гуа, 乾卦) в Книге перемен (И Цзин, 《易经》) гласит: «Гордый дракон раскаивается» – кит. (亢龙有悔)». Это означает, что экстремальные явления не длятся долго точно так же, как драконы задыхаются, замерзают и падают, когда летят слишком высоко. И,

по словам Лао-Цзы в Дао Дэ Цзин (Дао Дэ Цзин, 《道德经》), «когда все достигают своей зрелости, они становятся старыми (кит. 物壮则老)». Ценность гармонии заключается в том, что конфликты должны разрешаться путем консультаций, координации, сбалансированных средств достижения равновесия. Идеальное общество в соответствии с традиционными китайскими культурными ценностями – это «мир для всех» (кит. 世界大同) и мир всеобщей гармонии (кит. 天下为公). Становится понятным, что семья как социальный микромир должна отражать эти тенденции.

Если мы обратимся к современным наукам, то увидим, что наиболее активно среди современных исследователей изучают семью психологи и педагоги. Многие из них указывают на изменения в структуре, составе современной семьи, в возрасте членов семьи и пр.

Так, М.И. Андросова, Л.И. Афанасьева и У.Е. Матвеева рассматривают образ семьи с педагогической точки зрения, изучая представления современных студентов о семье [Андросова, Афанасьева, Матвеева 2018].

Объектом научных изысканий Е.А. Бодровой с психолого-педагогической точки зрения является образ семьи в представлениях дошкольников, где рассматриваются возможности использования образа семьи для обучения детей и формирования у них определенных представлений о семье [Бодрова 2020].

Литературоведы, как правило, изучают образ семьи на материале конкретных литературных произведений одного или нескольких авторов. К примеру, В.И. Патрин рассматривает образ семьи в творчестве Н. Лескова, при этом исследователь обращается не только к литературному отражению образа семьи, но и влиянию на него взглядов и личного опыта автора [Патрин 2007].

Л.Е. Ильина исследует образ семьи на материале художественных текстов, однако научная работа выполнена в русле лингвистики и семья рассматривается на примере нескольких лингвокультур [Ильина 2019].

В лингвистических исследованиях семья изучается в разных аспектах. Например, образ семьи описывается на материале рекламы, при этом исследователи рассматривают семью как феномен в лингвокультурологическом аспекте, сопоставляя ее национальную специфику в разных лингвокультурах [Савенко, Махмадов 2017].

С.Ю. Мохова проводит глубокий семантический анализ образа семьи на материале русского и бурятского языков. При этом исследователь интересуется не только сугубо семантической стороной рассматриваемой проблемы, но и её отражением в сознании носителей языка, и проводит ассоциативный эксперимент для выявления содержания семантического поля «семья» в двух языках [Мохова 2013].

Необходимо также отметить, что популярны в современной лингвистике исследования образа семьи и на паремиологическом материале. Так, Э. Флудра рассматривает образ семьи на базе паремий русского и польского языков, отмечая сходство представлений двух этносов о семье [Флудра 2020].

В более раннем труде об образе семьи на материале русской, белорусской и немецкой паремиологии Н.Л. Дружина и В.А. Маслова также делают вывод о сходстве этих трех лингвокультур в представлениях о семье. При этом исследователи отмечают, что для носителей лингвокультур может различаться периферия образа как модели семейных отношений, однако одинаковым остается отношение к семье как образу [Дружина, Маслова 2010].

Высокую ценность для настоящей диссертационной работы представляет исследование С.В. Грибач, рассматривающей образ семьи в языковом сознании [Грибач 2005]. На обширном языковом материале описывает концепт «семья» Н.Н. Занегина, в своем исследовании она

отмечает и сдвиги в представлениях о семье современных представителей культуры. В XX веке это, например, семейственность как термин, описывающий служебные отношения, основанные на предоставлении привилегий и уступок родственникам, друзьям и близким. Понятия «однополая семья», «семья Ельцина», «шведская семья» стали появляться в начале 21 века [Занегина 2011: 5].

В рамках нашего исследования огромный интерес представляет и работа Г.Х. Камалетдиновой, изучающей образ семьи на материале языка СМИ. Исследователь уделяет особое внимание конкретному временному срезу для формирования языкового образа семьи той эпохи. Весьма важной является и теоретическая база данного труда, выделяющая описание термина «языковой образ» [Камалетдинова 2016].

Существует множество исследований, рассматривающих концепт семьи в разных аспектах, языках и лингвокультурах [Рухленко 2005; Железнова 2009; Занегина 2011; Рахмат 2013; Чыонг Мань Хай 2017; Имомзода 2017 и др.]. Большой вес имеет исследование У Синьюй, где концепт «семья» преломляется в парадигме лингводидактики [Синьюй 2009].

Кроме того, отдельный интерес, с нашей точки зрения, представляет работа Го Пинтин, в которой разбирается репрезентация семейных отношений как в русской, так и в китайской языковых картинах мира [Го Пинтин 2016].

Очевидно, что за последние два десятка лет ученые уделяют повышенное внимание феномену «семья». Есть несколько факторов, мотивирующих такой интерес. Прежде всего, семья как социокультурный институт занимает ключевое место в жизни каждой личности и общества в целом. Кроме того, наблюдается изменение представлений о семье в языковом сознании современных людей.

Во второй главе нашей работы мы рассмотрим основные концепции и представления о семье, которые существуют в языковом сознании носителей русской и китайской лингвокультур.

Выводы по главе 1

В целях выстраивания теоретической базы настоящего исследования были рассмотрены положения и исследовательские методы когнитивной лингвистики и лингвокультурологии, обозначен терминологический аппарат для исследования представления о семье в русской и китайской лингвокультурах. К тому же, в рамках представления современных методов и подходов лингвокультурологии и когнитивной лингвистики были рассмотрены и такие понятия, как культурное познание, концептуализация, языковая картина мира, лингвокультура, концептосфера и др.

Для изучения определения понятия «концепт» были проанализированы исследования многих российских и зарубежных ученых, работающих в русле концептологии. Были отобраны несколько ключевых определений концепта с точки зрения лингвокультурологии и когнитивной лингвистики. Сопоставительный анализ языка и культуры в национальном поле обнаруживает изоморфность структуры образа на функциональном и иерархическом уровнях. Было определено, что термины концепт и образ не являются синонимами, поскольку понятия, которые они обозначают, не отождествляются, а пересекаются. Под концептом мы понимаем «всё, что индивид знает, предполагает, думает о реалии окружающей действительности» [Пищальникова 2003 с. 7], а в понятие «языковой образ» включаем объективацию через язык (языковые знаки и их сочетания) знаний, восприятий и взглядов на данную реальность. Следуя Л.Б. Никитиной [Никитина 2011], под «образом» (или языковым образом) мы подразумеваем языковое отражение семантической универсалии (ментального объекта) – концепта. Так, в термине «языковой образ» заключено утверждение о существовании ментального объекта как предмета концептуализации (категоризации), чей процесс и итоги находят свое выражение в языковой системе.

Основной ментальной единицей исследования была выбрана «концептосфера», под которой мы понимаем упорядоченную и особым

образом организованную совокупность концептов, концентрирующую в себе особенности определенной лингвокультуры и обладающую одновременно универсальными характеристиками. Важным фактором для изучения концептосферы является необходимость анализа национальной картины мира (характер, модель), языкового (этнокультурное) сознания и менталитета носителей. Каждая категория включает в себя так называемый национальный компонент, что весьма важно в настоящем исследовании.

В главе также была представлена краткая история исследования образа семьи в гуманитарных науках, отмечены современные тенденции в исследованиях данного феномена в российском и китайском языкознании. Образ семьи – основная культурная универсалия. Собственно лингвистическое исследование данного феномена началось в последние два десятилетия. Большая часть исследований посвящена синхронному и диахроническому описанию феномена семьи в русском и других языках, его сопоставительному анализу в разных культурных традициях. При этом остаются исследовательские вопросы, ответам на которые посвящена настоящая работа.

ГЛАВА 2. КОНЦЕПТОСФЕРА СЕМЬЯ /家 В ЯЗЫКОВОМ СОЗНАНИИ НОСИТЕЛЕЙ РУССКОЙ И КИТАЙСКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУР

2.1. Семья /家: объем лексикографической информации

Общеизвестно, что не существует культур, языковые картины которых бы полностью совпадали. Многие для понимания смыслового содержания, структуры концептосферы СЕМЬЯ в русской и китайской лингвокультурах может дать лексикографическая информация, когнитивная интерпретация лексемы «семья» в разных языках, обсуждение результатов ряда экспериментальных методик, проведенных нами с целью выявления коннотативных смыслов, прагматического значения и других семантических оттенков слова.

Определим содержание лексемы «семья» в русском и китайском языках. Обзор словарей русского и китайского языков позволяет это выявить.

Согласно этимологическому анализу русского слова «семья», славянский термин *sěm'ja* происходит от индоевропейского слова, обозначающего территориальное сообщество (сравните с родственным словом *сябёр*, **sębrǫ* и первоначальным индоевропейским **kei-* «лежать») [Трубачев 1959, с. 164]. По М. Фасмеру, слово «семья» в народной речи иногда означает «жена». В украинском языке это слово звучит как «*сім'я*». В древнерусском языке «*сѣми*» означает «челядь», «домочадцы», а также «муж» и «жена». Есть и такое слово как «*сѣмьца*», что означает «младший член семьи». В русско-церковнославянском «*сѣмь*» переводится как «человек», а «*сѣминь*» - как «раб» или «домочадец». Считается, что «*сѣмья*» произошла от слова «*сѣмь*», аналогично слову «*братия*». Также есть родственные слова в других языках: в литовском «*šeimà*» и «*šeimyna*» означают «семья» и «челядь», в латышском «*sāime*» - «семья» и «домочадцы», в древнепрussком «*seimīns*» - «челядь». В готском языке «*haims*» переводится как «селение», в древневерхненемецком «*heim*» - как «родина», а в греческом «*κόμη*» также означает «селение». К этому же ряду можно отнести древневерхненемецкие слова «*hîwo*» и «*hîwa*», означающие

«супруг» и «супруга» соответственно, латинское «cīvis» - «гражданин» и древнеиндийские «çēvas» и «çivás», переводимые как «дорогой» и «любезный» [Фасмер 2006]. По мнению Фасмера, слово «семья» может быть рассмотрено как производное от числительного «семь», которое в свою очередь символизировало единицу семьи – отца, матери и пяти детей. Следовательно, исходное значение слова «семья» можно связать с древними религиозными представлениями, в которых число семь символизировало связь между земным и небесным миром. В древнерусском языке существовало также слово «семьца», которое означало «семейство, племя или род». От этого слова, возможно, произошло слово «семья» в более современном значении.

В балтийских языках корень слова, связанного с понятием семьи, имеет следующие проявления: в литовском языке это слово «šeimyna», которое означает «семья», «родня» или «челядь», а в латышском - «sàime», что переводится как «челядь» или «большая семья» [Ларин 2013, с. 8]. По мнению Б.А.Ларина, первоначальное значение этого слова было «группа людей, связанных родственными отношениями», и оно включало в себя даже дальних родственников. Такое широкое понимание семьи было характерно для родо-племенных структур общества, например, для кланов в кельтских языках или родов в славянских языках. Однако с разрушением родо-племенных связей и появлением феодализма понятие «семья» стало включать в себя и такие значения, как «слуги», «челядь» и «домочадцы» – люди, служившие главе дворянского дома, но не являющиеся его родственниками.

Исследуя тексты XVI–XVII веков, Б.А. Ларин определяет три дополнительных значения слова «семья». От изначального понимания слова как «группа людей, состоящая из родственников и неродственных лиц, объединенных хозяйственной деятельностью», произошло расширение значения. Так, слово стало использоваться в смысле «группа людей, объединенных общими взглядами или целями и действующих совместно».

Кроме того, через метонимический перенос слово «семья» стало также обозначать «жену». В настоящее время употребление слова «семья» в значении «жена» сохраняется в диалектах и в устном народном творчестве [Ларин 2013, с. 8].

Таким образом, слово «семья» в славянской лингвокультуре было достаточно обширным по семантике, охватывающим своим значением не только родственников по крови, но и всех тех, кто жил в доме, в число которых входили и слуги, и «невольники», и др. Со временем семантическое содержание слова сузилось и стало обозначать только родственников по крови. Согласно словарю В.Даля, «семья» является производным от слова «смейство», которое употреблялось в то время чаще всего. Речь идет об определенном изменении социальных отношений на макро- и микроуровне, связанным с изменением характера, уровня производства, позволяющего существовать все более обособленно. В «Толковом словаре живого великорусского языка» В.Даля семья определяется как «совокупность близких родственников, живущих вместе» [Даль 2006].

В энциклопедическом словаре читаем: «...основанная на браке или кровном родстве малая группа, члены которой связаны общностью быта, взаимной помощью и моральной ответственностью. ...Подавляющее большинство браков заключается по личному выбору будущих супругов, а семейные отношения характеризуются их равноправием» [Прохоров 1993, с. 1205]. Здесь акцентируется внимание на ограниченном числе членов, входящих в состав «семьи». Это контрастирует с подходом В.И. Даля в его словаре, где под семьей подразумевается группа с большим количеством участников. В словаре Даля для обозначения такой большой группы родственников чаще используется термин «смейство». В «Толковом словаре русского языка»: «1. Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми). Дружная семья. Глава семьи. 2. перен. Единство, объединение людей, сплоченных общими интересами (высок.). В семье трудящихся. 3. Группа животных, птиц, состоящая из самца, самки и

детенышей, а также обособленная группа некоторых животных или растений одного вида. Семья медведей. Семья языков – в языкознании: группа родственных языков» [Ожегов 1999, с. 711].

По И.А. Ширшову: «1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе. 2. Перен.: Группа людей, объединённая общей деятельностью, общими интересами. 3. Группа животных, состоящая из самца, самки и детёнышей, живущих вместе. 4. Лингв.: Группа родственных языков» [ТССРЯ 2004, с. 787]. В этом словаре также представлены 11 производных форм от лексемы *семья*: *семейка*, *семейный* (прил.), *семейный* (сущ., например: санаторий для семейных), *бессемейный*, *по-семейному*, *семейно*, *семейство*, *семейственный*, *семейственность*, *семьянин*, *семьянинка*.

Семья – это «1. Группа живущих вместе родственников (муж и жена, родители с детьми). 2. Перен., позитив., высок.: Единство, объединение людей, сплочённых общими интересами» [ТС-ЯГРТ 2008, с. 593].

На основании вышесказанного мы можем построить схему семантического поля концептосферы СЕМЬЯ в русской лингвокультуре (рис. 1), которое должно подтвердиться разноаспектным лингвистическим анализом.

Рис. 1. Семантическое поле концептосферы СЕМЬЯ в русской лингвокультуре: схема

В «Толковом словаре русского языка начала XXI века. Актуальная лексика» отмечено новое значение слова: «Публ. неодобр. О ближайшем окружении Б.Н. Ельцина, сформировавшемся в высших властных структурах России в последние годы его президентского правления (1991–1999 гг.). – На Сицилии «семьей» называют мафию» [ТСРЯ-XXI 2008, с. 902-903].

В китайском языке слово «семья» представлено иероглифом 家(jiā), который состоит из двух элементов: «宀» (mián), что означает «крыша дома», и «豕» (shi), переводящееся как «свинья» [汉典 2015]. В китайской культуре, в отличие от европейской, свинья всегда была окружена особым почетом и до сих пор считается символом достатка, богатства и смелости. С древних времен разведение свиней было особенностью китайских семей, и практически не было семей, которые не занимались разведением этих животных. Интересно, что Китай, как очень древнее государство и культура,

имеет глубокие корни традиционного общества, это проявляется на данный момент в достаточно большом искреннем уважении традиций. И не зря один из важнейших концептов данной культуры имеет специфическую базовую сему «свинья». Дело в том, что аграрное общество с акцентом на животноводстве мотивировало разведение свиней, которых держали дома. Теплый климат не препятствовал и размножению хищников, которые могли утащить свиней; также древние животноводы боялись кражи животных людьми – эти причины склоняли китайцев содержать свиней в непосредственной близости от себя, что повлияло на оформление слова «家» в китайском языке [个人图书馆 2019]. Подобный подход к именованию подчеркивает образность мышления восточного этноса, стремление экспрессивно обозначить важное понятие.

Наше исследование словарных дефиниций «семьи» в китайском языке показало, что (иероглиф) 家 является многозначным и может иметь несколько значений в зависимости от контекста, в котором он используется. Одно из наиболее распространенных значений 家 в китайском языке – это «семья» или «дом». Например, 家人 (jiā rén) означает «члены семьи», а 家庭 (jiā tíng) – «семья». «1. Основанная на браке или кровном родстве единица общества, включающая родителей, детей и других живущих вместе родственников. 2. Жилище, дом, место, где живет семья. 3. В армии или учреждении это место, где работает человек. 4. Семья или человек, занимающий какими-то видами работ (например, 家 может быть частью таких слов и фраз, как 医家 (yī jiā) – «медицинский специалист» или 书家 (shū jiā) – «мастер каллиграфии»). 5. Человек, обладающий каким-то знанием или занимающий какими-то науками («专家» / «специалист», «作家» / «писатель»). 6. Различные направления в науке и искусстве (Например, 在家 (zài jiā) – это «буддийская школа Чан», а 儒家 (rú jiā) – «конфуцианство» «儒家» / конфуцианство). 7. Сторона или группа (трехстороннее соглашение). 8. Проявление скромности при назывании старшего родственника в

присутствии других людей («家母» / «моя мать», «家父» / «мой отец»). 9. Вскормленные (противопол. дикие) домашние животные («家畜» / «скот», «家禽» / «домашняя птица»). 10. Фамилия» [Словарь современного китайского языка 1996, с. 653].

Помимо основных толкований, у 家 выделяют еще значения: «8. Клан чиновника в древнем Китае. 9. Человек. 10. Счетные слова. 11. Употребление в отношении себя» [Словарь китайского языка 2002, с. 1677].

На основе данного материала, общего знания китайской культуры, социально-философского, культурологического моделирования мы можем схематично построить семантическое поле концептосферы 家 для китайской лингвокультуры.

Рис. 2. Семантическое поле концептосферы 家 в китайской лингвокультуре: схема
У Синьей подчеркивает, что семья в китайской лингвокультуре обладает уникальными характеристиками, включая долговременность и

совместные социально-экономические интересы членов семьи, проживающих вместе. С древних времен потребности семьи имели приоритетное значение перед личными интересами, и эти принципы сохранились до настоящего времени, оказывая значительное влияние на современную семейную жизнь китайцев [У Синьют 2009, с. 11].

Таким образом, и в русском, и в китайском языках *семья* / 家 обозначает группу кровных родственников, живущих вместе. Но в русском языке у слова есть значения, которых нет в китайском языке (группа животных; группа родственных языков), также как и в китайском языке наблюдается большое число уникальных значений (числительные; обращение к старшему члену семьи; специалист и др.).

2.2. Термины родства как средство лексической объективации концептосферы СЕМЬЯ /家 в русском и китайском языках

Характерным проявлением системной концептосферы являются семантические объединения, которые исследователи называют различными терминами, такими как лексико-семантические группы, тематические группы, семантические, ассоциативные, понятийные поля, инвариантные классы и т.д. Эти полевые структуры, представляющие собой семантически связанные группы слов, начали изучаться в лингвистике на рубеже XX-XXI вв. (исследования А.Б. Бондарко, Л.М. Васильевой, Ю.Н. Караулова, Л.Г. Бабенко, Л.А. Новиковой, Н.Е. Сулименко, Л.Н. Чурилиной и др.). Мы в своем исследовании оперируем понятием «семантическое поле». Актуализация термина «семантическое поле» происходит на фоне антропоцентризма в лингвистике, так как, как правило, под данным термином подразумевается «совокупность содержательных единиц (например, лексем), включающая конкретную сферу человеческого опыта» [Ахманова 2008, с. 334].

Ключевым этапом в изучении теории семантических полей стали исследования Й. Трира, который предложил деление семантических полей на

лексические и понятийные. При этом понятийные поля исследователь рассматривал как макросистему, чьим ядром являются наиболее значимые для людей понятия, как, например, *семья*. Лексические же поля рассматриваются как микросистема, чьим ядром являются отдельные лексемы [Trier 1931].

Семантическое поле, будучи системой, по сути своей является организованной структурой. В работах Ю.М. Караулова отмечается необходимость дифференциации различных сфер словарного состава на уровне семантических полей, лексико-семантических групп, тематических групп, синонимических рядов и ономаσιологических групп. Например, можно выделить семантическое поле «семья», лексико-семантическую группу «семейные связи», тематическую группу «наименования членов семей». Важность данного подхода заключается в возможности более детального анализа языковых структур и семантических отношений между словами. Кроме того, Караулов выделяет синонимические ряды, например, ряд с инвариантным значением «родной», а также ономаσιологические группы, где понятие «кровное родство» выражается именами существительными в русском языке [Караулов 1976, с. 314].

Структура полей обусловлена отнесенностью доминанты к лексике, морфологии или синтаксису. Существуют как поля с доминантой, так и микрополя без доминанты. Вокруг доминанты обычно сгруппированы наиболее тесно с ней связанные конститuentы, образующие ядро поля. Составляющие элементы, отдаленные от ядра, расположены на периферии поля.

Как уже указывалось ранее, согласно представлениям современных носителей русской и китайской лингвокультур, семья представляет собой группу людей, объединенных близкими родственными узами, включающая супругов, детей и других членов, проживающих вместе.

Анализ материала показал, что имеют важное значение следующие когнитивные признаки, характеризующие концептосферу СЕМЬЯ /家: семья

основана на чувствах взаимной любви, заботы друг о друге (*любовь, понимание, забота* и др.); члены семьи совместно проживают в определенном общем пространстве (*в доме, вокруг домашнего очага* и т.д.); это фундаментальное звено общества, которое характеризуется единством, эмоциональной близостью, гармонией (*брак, союз, взаимопонимание* и др.). При более детальном анализе семантических атрибутов, свойственных концептосфере СЕМЬЯ, говорят о «жизненном цикле» семьи (*свадьба, бракосочетание, развод*), включают конфликты внутри семьи (*ссоры, разногласия, проблемы*), а также учитывают семантические признаки, связанные с бытовой лексикой, ассоциированной с образом семьи. Таким образом, концептосфера СЕМЬЯ / 家 объединяет ключевые лексические единицы, которые отражают коллективное понимание и социокультурный опыт общества в России и Китае, связанные с семьей и семейными ценностями.

Предметом исследования данного раздела является сложная, открытая система концептов, составляющих концептосферу СЕМЬЯ / 家, вербализованных терминами родства и отражающих стереотипизированные образы членов семьи, структуру семьи и общую родственную организацию в русском и китайском социумах. Термины, связанные с родственными отношениями, составляют определенную часть лексикона любого языка, во многих языках мира присутствуют относительные (релятивные) слова, указывающие на родственные связи между индивидами. Одно и то же лицо может одновременно именоваться в качестве сына, внука, дяди, племянника и деда в зависимости от родственных отношений [Имомзода 2017, с. 54].

В русской лингвокультуре содержание концептосферы СЕМЬЯ включает концепты, связанные с родственными отношениями по крови и по свойству (например, ОТЕЦ, МУЖ, МАТЬ, ЖЕНА, ДОЧЬ, СЫН, ДЕТИ). Они «...демонстрируют не только сложность и разветвлённость традиционной системы родственных отношений (степень сложности различна в различных традициях), но и характерные для славян способы их осмысления» [Николич,

Новоспаская 2013, с. 74–78]. В этом контексте представлены исследования [Харузина, Чибисова 2015; Добровольская 2005; Близнюк 2006; Терпак 2006; Матвеева 2007; Железнова 2009; Занегина 2011; Баландина 2013 и др.]. Следует отметить, что в современных номинациях, вербализирующих концептосферу СЕМЬЯ, можно наблюдать упрощение терминологии, особенно на уровне разветвленных родственных отношений.

В БТСРС описан полный перечень лексических единиц группы «Термины родства» [БТСРС 2005]. При этом Т.А. Михайлова отмечает выход из употребления многих терминов категории родства, особенно в отношении сиблингов [Михайлова 2013, с. 77-85]. Данные нашего ассоциативного эксперимента, представленного дальше, подтверждают это, в большинстве случаев при описании концептосферы СЕМЬЯ информантами использовалось только 14 слов-терминов родства (*дедушка, бабушка, отец, мать, дядя, тётя, муж, жена, брат, сестра, сын, дочь, родители, дети*). В данном контексте ключевыми являются понятия родства по крови, включая слова *отец, мать, ребенок, сын, дочь, брат, сестра*. Нисходящая линия: *внуки, правнуки*, восходящая линия: *дедушка, бабушка* и так далее. Также существуют термины *дяди* и *тети*, указывающие на родство по отцу или матери. Отдельные исследователи также включают в эту категорию разнообразные термины, выражающие приравнивание неродственных лиц к кровнородственным, такие как *отчим, мачеха, пасынок, падчерица*. Данные лексические единицы относятся к ядерной зоне концептосферы СЕМЬЯ в русском языковом сознании. Они широко распространены среди носителей русского языка с детства и часто используются в различных дискурсах, особенно в обиходно-разговорном, эти слова обладают эмоциональной значимостью и способны вызывать схожие мысленные образы у говорящих на русском языке.

Безусловно, смыслообразующими концептами, ядром концептосферы СЕМЬЯ /家 в русской и китайской лингвокультурах являются *мать* и *отец* / 母亲, 父亲. В русском языке для их обозначения используются

разнообразные производные формы, которые могут иметь различные стилистические оттенки и эмоциональную окраску: *мама, мать, мамочка, матушка, мамаша / мамашка; папа, батя, батюшка, папаша / папашка*. В толковых словарях они часто даются с пометами «ласк.», «разг.», «шутл.», «высок. стиль» и др. [Львов 1984]: Данные лингвистические факты, с одной стороны, отражают повышенную эмоциональность русской речи и доброту как культурное качество русских, с другой стороны, свойственную им специфическую «грубость». Лексемы *мать* и *отец* являются нейтральными, принятыми в официально-деловом стиле речи.

Китайские термины кровного родства в абсолютном большинстве является структурно сложными. Только несколько терминов, обозначающих наиболее близкую степень родства, к которым относятся и 母 (мать), и 父 (отец), отличаются простой структурой. Такие термины в литературе условно называются «элементарными» [Цюй Юян 2016]. Всего существует 10 терминов, имеющих простую структуру: 母 (мать), 父 (отец), 妹 (младшая сестра), 弟 (младший брат), 姐 (старшая сестра), 兄 (старший брат), 女 (дочь), 子 (сын), 孙 (внук), 侄 (племянник).

Остальные китайские термины, связанные с кровным родством, как правило, состоят из двух частей: элементарного термина и одного или нескольких детерминативов. Такие термины условно называются «составными». Элементарный термин в структуре составного термина теряет своё первоначальное значение и приобретает более общее, классификационное значение. Например, элементарные термины 母 (мать) и 父 (отец), используемые с соответствующими детерминативами, не обозначают конкретных отца и мать, а служат для обозначения родственника: 外祖父 (дед по матери), 外祖母 (бабушка по матери), 舅父 (брат матери), 姨母 (сестра матери). Другой детерминатив указывает на отношение родства к отцовской линии: 曾姑祖母 (сестра прадеда), 姑祖母 (сестра деда), 姑母 (сестра отца) [Бао Хайтао 1988, с. 205].

Двоюродное родство в китайском языке слова обозначается суммой иероглифов, обозначающих родство по линии отца 堂 или матери 表, и самих терминов «племянников» и «племянниц», которые в свою очередь различаются по тому, кто является их родителем, брат или сестра. В итоге, одному русскому термину соответствует восемь китайских эквивалентов: 堂侄 (сын двоюродного брата), 堂甥 (сын двоюродной сестры) (по линии отца), 表侄 (сын двоюродного брата), 表甥 (сын двоюродной сестры) (по линии матери), 堂侄女 (дочь двоюродного брата), 堂甥女 (дочь двоюродной сестры) (по линии отца), 表侄女 (дочь двоюродного брата), 表甥女 (дочь двоюродной сестры) (по линии матери) [Цюй Юян 2016, с.87].

Термины родства второго нисходящего поколения образуются путем объединения термина 孙 (в случае мужского пола, то есть внук) или 孙女 (в случае женского пола, то есть внучка) с детерминативами, используемыми в терминах предыдущих поколений. Например, 侄孙 (внук брата), 侄孙女 (внучка брата), 外甥孙 (внук сестры).

Очевидно, что в китайском языке гораздо больше синонимов и вариантов обращения, чем в русском, так как в китайском языке термины родства основаны на генеалогической системе и иерархии возраста.

Согласно китайским представлениям, понятие 家 (jiā) не ограничивается просто семьей из трех поколений, живущих под одной крышей. Это понятие обозначает более широкий семейный клан, включающий множество близких и дальних родственников.

«О традиционно трепетном отношении к своим предкам, к ближним и дальним родственникам говорит и такая разветвлённая лексика, как: 家族 ‘род, клан; семья; родные, домашние’, 亲族родня, ‘родственники, родичи; сородичи’ (亲族血统 ‘кровное родство’, 亲族会议 ‘семейный совет’, 亲族关系 ‘родственные отношения’, 亲族回避 ‘избегать держать на службе родственников; стар. правило, что начальник и его подчинённые не должны

состоять в родстве'), 家 'семья, дом; род', 族 'род, клан; фамилия (族 'три рода (отца, матери, жены); сородичи; родственники', 合族 'весь род', 房 'ответвление семьи; ветвь рода', 长房 'старшая линия рода, старшая ветвь рода; потомство старшего сына', 房 'побочная линия, вторая ветвь рода', 宗 'род; семья; родня' (其宗十一族 'его родня составляет 11 ветвей'), 宗家 'род, клан; сородичи', 宗门 'род, семья, клан', 宗族 'сородичи, члены рода, родственники; клан» [Наумова 2022, с. 198].

Клановая структура является характерной чертой традиционной китайской семьи, и её основы уходят корнями в учение Конфуция. Данное учение формирует систему норм и этических принципов, регулирующую взаимоотношения внутри семьи и манеру общения с окружающими. Она включает в себя соблюдение семейно-родовых традиций и древних устоев, среди которых особое значение придается культу предков. В этом контексте возникают принципы уважения сына к отцу, подчинения младшего поколения старшему, а также уважения к возрасту и традициям.

В культуре семейных отношений и в терминологической системе выделяются ключевые смыслы, формирующие концептосферу СЕМЬЯ / 家. В Китае существует четкая возрастная иерархия, а также разграничение родственников на близких и дальних. Традиционно принято, что семья мужчины является основной для него, в то время как семья женщины после брака становится второстепенной. Когда девушка вступает в брак, она включается в семейный круг мужа, тем самым отделяясь от своей родной семьи и становясь полноправным членом семьи своего супруга. Иероглифы китайского языка отражают родственные отношения по женской и мужской линиям. Иероглиф 外 (wài) означает «внешний», «извне» или «наружный», в некоторой интерпретации он означает «чужой / не свой». Этот иероглиф широко используется для обозначения родственных отношений через женскую связь. В китайском языке существует детализированная система терминов для обозначения родственных связей. Например, племянник по

линии сестры называется 外甥 (wàishēng), внук через дочь - 外孙子 (wàisūnzi), материнская бабушка - 外婆 (wàipó), а материнский дедушка - 外公 (wàigōng). При этом в языке имеется 21 термин для обозначения родства по отцовской линии и 18 терминов для материнской линии [Наумова 2022, с. 199].

В китайской культуре переход женщины в новую семью рассматривался как прибавление нового члена семьи, обладающего всеми соответствующими правами и обязанностями. Это отношение к жене являлось важным принципом, способствовавшим укреплению семейных уз и укоренению семейных традиций китайского народа.

В китайском языке имеются специфические термины для обозначения родственных связей со стороны мужа и жены. Так, слово 娘家 (niángjiā) указывает на родительский дом или семью женщины после её замужества, в то время как 外家 (wàijiā) относится к семье её матери или, в более широком смысле, к семье её мужа, включая его родителей, а также вторую семью (на стороне), 岳家 (yuèjiā) – семью родителей жены, а 婆家 (pójiā) – семью мужа. Также существовали термины 男家 (nánjiā) или устаревший термин 坤宅 (kūnzhai), обозначающий семью невесты, или 乾宅 (qiánzhái) по отношению к семье жениха.

Мы видим, что связи между родственниками имели большое значение в китайском обществе и оказывали влияние на нормы поведения внутри семьи и правовое регулирование социальной сферы. Времена Конфуция характеризовались четким делением родственников на «родственников по внутренней линии» и «родственников по внешней линии». При этом предпочтение отдавалось первым, так как они были связаны с линией отца, в то время как вторые – с линией матери. Даже внутри «мужской ветви семьи» существовала дифференциация кровных связей: для связи между отцом и сыном использовалась лексема 肉骨 (ròugǔ), а для связи между братьями – 手

足 (shǒuzú)» [Цюй Юян 2016, с.88]. Дополнительно, в рамках мужской линии родства в семье применялись специфические термины для выделения различных кровных связей: отношения между отцом и сыном обозначались словом 肉骨, в то время как связь между братьями выражалась термином 手足.

В этикете китайской семьи одним из фундаментальных принципов является уважение к возрасту. В терминологии родства этот элемент также находит свое отражение. Обращение к братьям и сестрам отца определяется возрастным положением. Так, старший брат отца именуется как 大伯 (dà bó), в то время как его старшая сестра обозначается как 大娘 (dà niáng). В этом случае 大 обозначает «большой» и выражает статус «старшего» в терминологии родства. Ко второму дяде и второй тете применяются термины 二叔 (èr shū) и 二姑 (èr gū) соответственно, где 二 указывает на признак второго родства. Младшему брату отца присваивается иероглиф 小叔 (xiǎo shū), где символ 小 переводится как «младший».

В дополнение в китайском языке применяются символы для обозначения различных родственных связей: символ 堂 (táng) указывает на двоюродных родственников со стороны отца, в то время как символ 表 (biǎo) относится к двоюродным родственникам по матери. Так, 堂哥 (táng gē) означает старшего двоюродного брата от отца, в то время как 表妹 (biǎo mèi) используется для обозначения младшей двоюродной сестры по матери.

В [Ху Шиюнь 2007] отмечается также, что мужчина играет ключевую роль в определении родственных отношений в китайской терминологии. Это проявляется в следующих аспектах:

- Родственники материнской линии обозначаются специальными детерминативами. При этом родственники отцовской линии численно превосходят родственников материнской линии.

- Самая далекая степень родства по прямой линии в терминах китайской терминологии – это четвертое восходящее поколение, и она применяется только к родственникам отцовской линии.

Мужские родственники отцовской линии разграничиваются по возрасту, в то время как родственники женщины, а также мужчины по материнской линии, по возрасту не разграничиваются. Эти особенности терминологии родства отражают важность мужчин в определении родственных отношений и их статуса в китайской культуре.

Следовательно, в китайской культуре при обращении к родственникам важно указывать на их статус в возрастной иерархии, определять их линию родства и использовать соответствующие иероглифы. При изучении китайских обычаев и культуры важно углубиться в понимание многочисленных родственных связей в традиционной китайской семье.

В современном китайском языке можно выявить изменения, происходящие в функционировании терминов родства. Согласно некоторым источникам, эта система включает 274 термина [Ху Шиюнь 2007, с. 106]. Однако к концу 20-го века эти термины стали использоваться (особенно среди молодежи) в более широком контексте. Теперь они могут обозначать не только родственников, но и незнакомых людей старшего возраста или даже сверстников. Например, слова, которые раньше использовались исключительно для обращения к родственникам, такие как 阿姨 (āyí) или 伯伯 (bóbo), теперь могут быть употреблены при обращении к любой женщине или мужчине старше по возрасту, даже если между ними нет кровных связей. Это отражает изменения в социокультурной динамике и взаимоотношениях между поколениями в современном китайском обществе. Однако сейчас эти наименования родственных отношений широко включены в повседневный обиход молодежи, независимо от степени знакомства. Такие термины, как 大哥 (dàgē) – «старший брат», 哥哥 (gēgē) – «брат» и 妹妹 (mèimèi) – «сестра», вошли в употребление как в дружеских разговорах, так и при обращении к

собеседникам. Эти слова теперь имеют дополнительные значения: 大哥 – «Вы» или «ты» в дружеском контексте, 哥哥 – «парень» или «брат» с уважением, 妹妹 – «сестренка» или «девушка» при обращении к младшей собеседнице или той, кто ниже статусом или моложе.

Стираются возрастные различия у молодежи в случае, когда «родственники нисходящих поколений не дифференцируются по признаку относительного возраста» [Цюй Юян 2016, с. 79]. Сдвиги в терминологии родства отражают социокультурные изменения и эволюцию в обществе.

Анализ китайских терминов родства, которые существенно отличаются от аналогичных русских терминов, подчеркивает необходимость проведения специального сопоставительного исследования двух терминосистем. Такое исследование позволит выявить сходства и различия в подходах к обозначению родственных отношений в разных культурных контекстах. Кроме того, такой анализ может стать основой для создания справочных и учебно-методических материалов, которые будут полезны для изучающих русский и китайский языки и интересующихся культурой и обычаями этих народов.

Таким образом, в китайском языке присутствует более обширная система терминов для обозначения родственных связей по сравнению с русским языком. Это объясняется особенностями китайской культуры, где важную роль играют не только пол и возраст родственников, но и детализация родственных связей, включая различия в отношениях с родственниками по линии отца и матери. Эти особенности отражают глубоко укорененные этические нормы, менталитет, традиции семейной жизни, а также религиозные и философские убеждения, которые формируют уникальный социальный уклад китайского общества.

Итак, различия в терминологии родственных отношений между китайским и русским языками обусловлены глубокими культурными традициями, религиозными и философскими взглядами на мир. Эти различия приводят к семантической дифференциации конкретных понятий и структуре

их членения. Концептосфера СЕМЬЯ /家 формируется под воздействием разнообразных факторов, таких как мировоззрение, культура, религия, традиции и обычаи.

2.3. Результаты ассоциативных экспериментов. Когнитивная интерпретация результатов вербализации концептосферы СЕМЬЯ /家

Традиционные методы лингвистического анализа, такие как анализ семантики обозначений образа или концепта, анализ способов вербализации концептосферы в текстах, исследование фразеологии и паремиологии, обычно оказываются недостаточными для полного описания реального содержания концептосферы в современном языковом сознании. Ассоциативный эксперимент в этом случае играет важную роль. В современной науке существует обширное количество исследований, посвященных словесным ассоциациям, различным видам экспериментов и областям их применения. Анализ психологических процессов, лежащих в основе ассоциаций, находит свое отражение в работах А.А. Леонтьева, В.Ф. Петренко, Ю.Н. Караулова и других [см. обзор Рогожникова 2000, с. 133]. Эти исследования помогают более глубоко понять, как формируются и функционируют ментальные категории в языковом сознании. Для нашего исследования важно, что «ассоциативное поле – это не только фрагмент вербальной памяти (знаний человека), фрагмент семантических и грамматических отношений, но и фрагмент образов сознания, мотивов и оценок...» [РАС 2002, с. 6].

До описания собственного экспериментального исследования приведем результаты ассоциативного эксперимента, описывающего современное восприятие концептосферы СЕМЬЯ молодыми китайцами в [Баяндина 2020, с. 191-193]. Автор соответствующего исследования изучил интернет-блоги и форумы «Zybang» и «Duwenzhang», где представители китайской лингвокультуры высказывали собственное мнение о значении семьи. Пользователями, участниками указанных ресурсов в Китае (по

статистике информационного китайского агентства CNNIC) являются в основном молодые люди 20-29 лет, демонстрирующие современные тенденции восприятия концептосферы СЕМЬЯ. Результаты исследования приведены в виде схемы на рис.3.

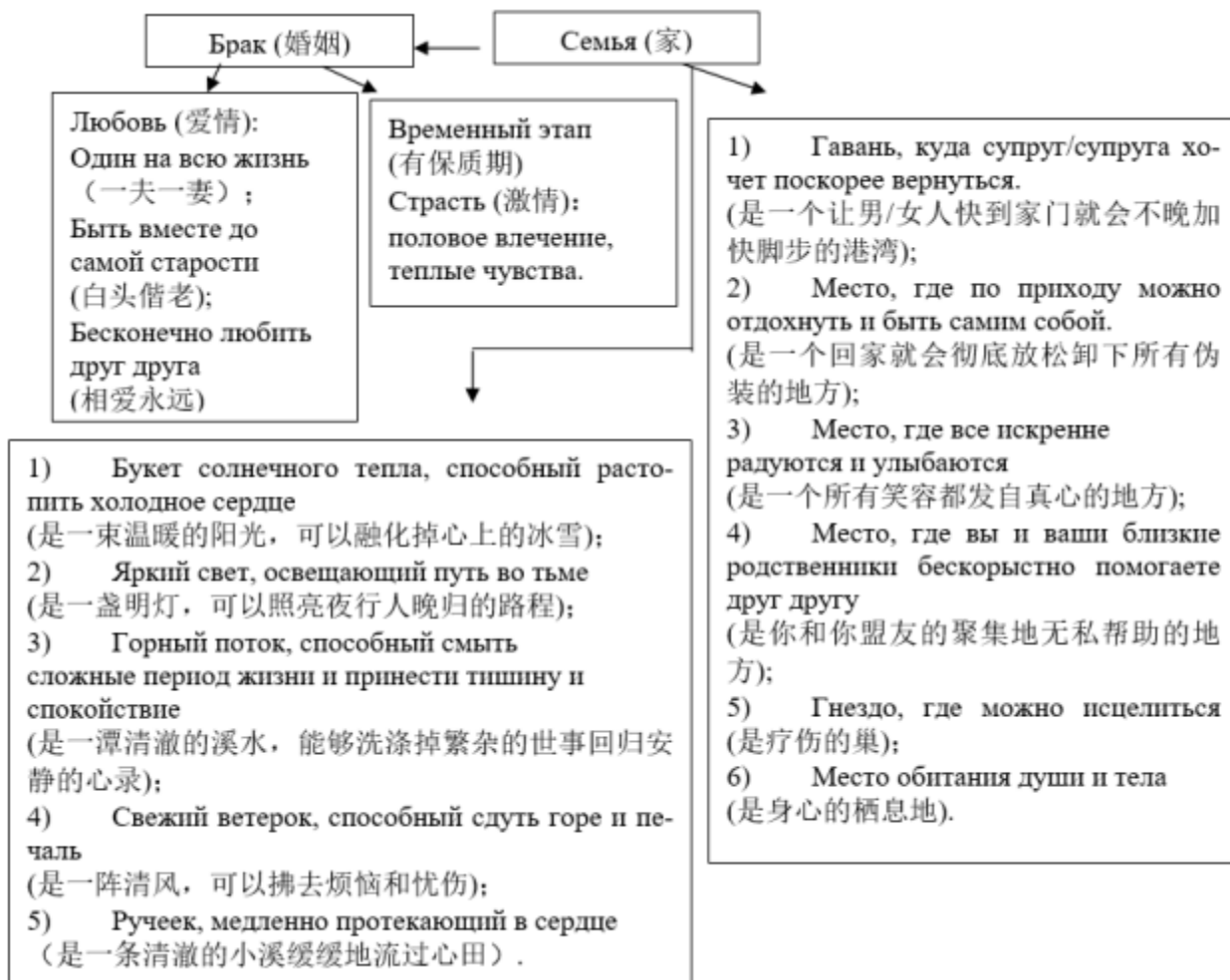

Рис. 3. По материалам сервисов «Duwenzhang» «Zybang» - содержание концептосферы СЕМЬЯ как результат ассоциативного эксперимента

Принимая во внимание заметные социальные и культурные изменения в Китае в отношении молодежного восприятия семьи и ее роли в обществе, данное исследование становится показательным. Оно явно выявляет, с одной стороны, традиционную восточную образность (ср. ассоциаты: *свежий ветерок, горный поток, ручеек*), с другой стороны, положительное, эмоционально-оценочное отношение к семье у молодых китайцев (*гнездо, где можно исцелиться; место, где все искренне улыбаются и радуются* и др.). Представление о семье связаны с бесконечной гармонией, благополучным

существованием, восприятием семьи как безопасного родового убежища. Положительные эмоции, конечно, диктует и молодой возраст, романтическое восприятие любви, которая (и это тоже показательно) присутствует в качестве базовой составляющей в представленных трактовках семьи.

Можно заметить, что молодежь в Китае в большой степени сохраняет и ценит духовные традиции своего народа, особенно уделяя внимание значимости семейных связей. В современном контексте это может проявляться в усиленной романтичности. Важно отметить, что опрошенные, которые еще не вступили в брак, опирались в своих ответах на опыт своих родителей, наблюдениях за окружающими и своих личных ожиданиях.

Что касается более традиционного и на сегодняшний день актуального содержания концептосферы СЕМЬЯ / 家 в китайской лингвокультуре, исследователи утверждают следующее. До середины 20-го века китайская культура отличалась тем, что индивидуальные интересы человека полностью подчинялись потребностям семьи, что до сих пор имеет место быть. Хотя в последние годы семейные традиции в Китае претерпели многие изменения, этот уникальный аспект культуры продолжает играть ключевую роль в семейных отношениях китайцев [У Синьуй 2009 (а), с. 110–115]. Вообще, если рассуждать о семье как о важном духовном начале (такое понимание семьи важно), то можно предположить, что и в индустриальном, и в постиндустриальном обществе может сохраняться истинно духовное, глубокое отношение к этому явлению. В перспективе развития современного китайского общества ценности семьи будут процветать. При этом заметное изменение социума должно показать и изменение концептосферы СЕМЬЯ / 家.

Некоторые ученые считают, что в китайской культуре преобладает «культ кровного родства» [Абрамова 2006]. Для китайцев на протяжении многих столетий кровные связи были более важными, чем личные достижения индивида. Если сравнивать с русской культурой, для которой в реальности кровнородственные связи еще достаточно важны (при этом

семейные связи в современном обществе, более близком к европейскому, часто терпят кризис), то, будучи христианской в своих основах, она больше ориентирована на понятие соборности, то есть духовного родства, коллективизма в связи с какими-то взглядами (например, религиозными) [Перевозникова 2004, с. 147-156]. Китайцы, ориентированные на конфуцианство, систему более социально-философскую, чем религиозную, придают большое значение иерархичности, порядку и патриотизму, которые ощущают как глубоко духовные и, можно сказать, семейные ценности. В рамках лингвистических методов вербализации концептосферы СЕМЬЯ / 家 отношения между родственниками отражаются в терминах, учитывающих их иерархический статус при обращении. Например, если у человека есть несколько дядей со стороны отца, то к самому старшему из них он будет обращаться как к «брату своего отца» (大爷), что в переводе звучит как «старший дядя». Следующий по возрасту дядя будет «вторым дядей» (二叔), после него идет «третий дядя» (三叔) и так далее. В китайском языке также присутствует четкое разграничение родственников по линиям отца и матери, что коррелирует с культурными особенностями Китая (подробнее мы описали это в п.2.2). Для обозначения родственников по материнской линии применяется иероглиф 外, что означает «внешний». Например, иероглиф 侄子 обозначает сына от родного брата. Если рассмотреть иероглиф 外甥 его значение будет трактоваться как сын родной. 孙子 - этот иероглиф переводится на русский язык как внук от сына. При этом 外孙子 означает внук от дочери. Бабушка со стороны матери – это 外婆, а дедушка – 外公 и так далее. В китайской культуре особое значение придается клановой принадлежности в рамках семьи.

В китайском языке иероглиф 家 имеет множественное применение в составе различных слов. Он может быть частью существительных, которые

указывают на профессию или занятие человека, как, например, писатель (作家), художник (画家), композитор (作曲家), музыкант (音乐家) или философ (哲学家). Этот иероглиф также может выражать уважительное отношение, как в словах родители, супруги (亲家), владелец или работодатель (东家) или эксперт в какой-либо области (行家). Дополнительно 家 может указывать на понятия, такие как «школа» или «направление», как в слове даосизм (道家) [У Синьей 2009 (а), с. 114]. Это подчеркивает важность концептосферы СЕМЬЯ в разнообразных аспектах китайской культуры.

Таким образом, понятийным содержанием концептосферы СЕМЬЯ / 家 и в русском и в китайском языках является значение кровнородственной общности. Но в культуре русского народа семья в настоящее время обычно имеет меньший размер, в то время как в китайской культуре она часто включает большее количество поколений. Это отражает социокультурные реалии: в Китае несколько поколений родственников могут проживать вместе, тогда как в России уже десятилетиями преобладает нуклеарная семья.

Также стоит отметить наличие значимых отличий в периферийных частях в рамках исследуемого семантического поля. В русском языковом контексте такие значения, как «тепло», «уют», «гармония», подчеркивают эмоциональные составляющие концептосферы, тогда как в китайской лингвокультуре в номинативном поле присутствуют элементы, ассоциирующиеся с наукой, искусством, а иногда даже с разведением диких животных. Это свидетельствует о функциональной направленности китайского представления о семье, акцентирующего внимание на практике. Примечательно, что, несмотря на то, что в настоящее время китайский образ семьи может восприниматься как менее эмоциональный, молодежь в Интернете демонстрирует более высокий уровень эмоциональности в своем понимании семьи. Возможно, это проявление ранее скрытых эмоций, так как семья без эмоциональной составляющей трудно представляется. Здесь можно

видеть именно тенденции изменения концептосферы СЕМЬЯ / 家 в китайской лингвокультуре.

По сравнению с русской картиной мира содержание исследуемой концептосферы шире в китайской лингвокультуре. Оно сохраняет особенности китайского общества, которые могут измениться под давлением современных социокультурных преобразований. Однако мы отчетливо понимаем, что прогноз на ближайшее будущее крайне затруднителен. При этом мы полагаем, что семейные ценности и роли могут начать меняться в связи с развитием городской культуры и экономическим прогрессом. Какие конкретные изменения могут произойти, пока остается неясным, но можно провести анализ возможных сценариев. Во-первых, можно исследовать, как изменения в экономическом статусе семьи могут повлиять на распределение власти и контроля внутри семейной иерархии. Например, возможно, что увеличение финансовой независимости младшего поколения может привести к большей автономии и самостоятельности в принятии решений, что может изменить традиционные представления. Во-вторых, развитие городской культуры может способствовать появлению новых ценностей и приоритетов у молодежи. Например, возможно, что молодые люди, живущие в городе, будут больше ценить индивидуальность и свободу выбора, в отличие от традиционных ценностей семьи. Такие изменения могут повлиять на динамику семейных отношений и ролей.

Учитывая своеобразную «семейность» в китайской культуре, распространяющуюся на все сферы жизни, можно ожидать более философско-эмоционального отношения к семье, влияющего на ее образ. Это также подтверждается когнитивным экспериментом, проведенным нами, который охватывал более взрослые слои населения. Результаты данного эксперимента представляем ниже.

Исключительно искреннее отношение китайцев к своему государству, рассматриваемому как расширенная семья, заслуживает восхищения и уважения. Это отношение, сочетающееся с особенностями культуры,

свидетельствует о глубокой гармонии в жизни и объясняет внушительные достижения Китая на различных этапах его истории. Следует отметить, что масштабность и универсальность «семейного» мышления сыграли немалую роль в этом контексте. Диахроническое движение китайского образа семьи вряд ли будет очень «бурным» даже в условиях современной жизни, скорее всего, эволюция будет незаметной и постепенной, с учетом традиций и стабильных ценностей китайского общества [Чжао Юаньцзэ 2022, с. 249]. Ясно, что здесь скорее надо искать проявление определенных тонкостей. Мы видим, что «психологизация» образа семьи, более эмоциональное (положительное) восприятие происходит здесь на глубокой почве.

Существует множество способов исследования реального содержания ментальных категорий и структур в языковом сознании представителей определенной лингвокультуры. Традиционные лингвистические методы, такие как анализ семантики номинаций и вербализации концепта в текстах, предоставляют важную информацию. Однако для более глубокого понимания ментальных конструкторов когнитивные эксперименты, к которым относится и метод ассоциативного эксперимента, становятся незаменимыми инструментами исследования.

В контексте национальной культуры, человек, будучи ее носителем, формирует свое понимание мира, которое отражается в языке. Этот процесс непосредственно связан с оценочными и мотивационно-прагматическими аспектами деятельности индивида. Этот аспект становится объектом анализа в рамках лингвокультурологических исследований, имеющих комплексный характер, появляющихся на стыке когнитивной лингвистики, психолингвистики, этнолингвистики и социолингвистики. «Языковое знание» (понятие введено И.А. Бодуэном-де-Куртене) не доступно для непосредственного наблюдения, оно скрыто в языковых фактах и существует в имплицитной, неявной форме, так как оно находится в области «языкового бессознательного». Большинство носителей языка не осознают глубокую

природу этого знания, однако действуют в соответствии с ним на уровне неосознаваемых переживаний различных интенциональных состояний.

Исследование ассоциативных полей слов-стимулов *семья/ 家* проводилось нами по методике З.Д. Поповой и И.А. Стернина [Попова, Стернин 2006, с. 219]. Рассматриваемые ассоциативные поля были образованы совокупностью ассоциатов (слов-реакций) на стимул – ключевую лексему *семья/家*.

При анализе ассоциативного поля слова-стимула *семья* в русской лингвокультуре мы опирались на материалы «Русского ассоциативного словаря» [РАС, 2002] (далее РАС) и собственного экспериментального исследования. «РАС» (Русский ассоциативный словарь) представляет собой ассоциативный тезаурус русского языка, разработанный на основе результатов продолжительного эксперимента. Данный словарь представляет собой уникальный инструмент для изучения русского языка, дополняя текстовые и системные методы его анализа. Он иллюстрирует феномен владения русским языком как родным, представляя модель ассоциативной сети слов, основанной на речевых знаниях носителей. В рамках десятилетнего эксперимента, который проводился с 1988 по 1997 год, студенты различных учебных заведений, для которых русский язык был родным, проходили процесс интервьюирования [Гибатова 2011, с. 283]. В словаре все слова-реакции упорядочены в зависимости от их частоты упоминания, причем частота каждого слова указана непосредственно после него. Это позволяет наглядно представить, какие ассоциации возникают у людей чаще всего. В общей сложности в словарной статье по слову-стимулу «семья» представлено 629 ассоциативных слов. Интересно отметить, что из этого числа 199 – это разные реакции. Кроме того, 4 респондента отказались давать какую-либо реакцию на стимул, а 138 слов были упомянуты лишь единожды, что подчеркивает индивидуальность ассоциативных реакций разных людей.

По данным РАС, самые частотные реакции на слово *семья* были следующие: *большая* (82); *дружная* (63); *дети* (37); *дом* (27); *моя* (27); *и школа* (22); *мама* (14); *крепкая* (12); *счастливая* (11); *любовь* (10); *распалась* (10); *ячейка* (10). Ассоциаты, актуализирующие синтагматический тип отношений: *родная* (7); *многодетная* (6); *хорошая* (5); *благополучная* (2); *здоровая* (2) и др. Среди синтагматических отношений, в свою очередь, выделяются оценочно-признаковые отношения: *счастливая* (11), *хорошая* (5); *плохая* (2) и др. Ассоциаты, актуализирующие парадигматический тип отношений: *мама* (14); *любовь* (10); *муж* (8); *очаг* (6); *брак* (5); *люди* (4); *родня* (3) и др. Помимо синтагматических и парадигматических типов отношений, также выделяется и тематические отношения. Мы выделили следующие укрупненные группы, в которых схожие по смыслу реакции были объединены. Когнитивная интерпретация данного эксперимента имеет следующий вид:

1. Межличностные отношения (111): *дружная* 63; *крепкая* 12; *распалась* 10; *дружба* 6; *дружный* 2; *здоровая* 2; *развод* 2; *вместе*; *гармония*; *дружно*; *единая*; *на всю жизнь*; *перед разводом*; *сплоченный*; *уважение*; *одиночество*; *скандал*; *прочная*; *развалилась*.

2. Чувства, оценка (86): *счастливая* 11; *любовь* 10; *родная* 7; *хорошая* 5; *тепло* 4; *веселая* 2; *плохая* 2; *радость* 2; *счастье* 2; *хорошо* 2; *благополучная* 2; *крепость* 2; *бедна*; *бремя*; *благополучие*; *в беде*; *война*; *голодная*; *идеальная*; *красивая*; *зачем*; *не хочу*; *неблагополучная*; *ненавижу*; *непонимание*; *несчастливая*; *нет*; *нормальная*; *обеспеченная*; *порочна*; *пошла*; *спокойная*; *стабильная*; *плохо*; *понимание*; *празднует*; *радость встречи*; *все что есть*; *любовь и радость*; *теплое понятие*; *омут*; *проблемы*; *хор*; *что надо*; *золото*; *благополучна*; *благочестивая*.

3. Размер (100): *большая* 82; *многодетная* 6; *маленькая* 3; *много* 2; *неполная* 2; *полная* 2; *одна*; *куча народу*; *6 человек*.

4. Состав (93): *дети* 37; *мама* 14; *муж* 8; *ребенок* 4; *родители* 4; *жена* 2; *и дети* 2; *из 3 человек* 2; *мать* 2; *мы* 2; *брат*; *в сборе*; *муж да я*; *жена дети*;

отец; папа; папа мама я; родители мой муж и я; сестренка; сын; член; члены; я ты ребенок; и мы; и я; ясли.

5. Место (а также признаки, связанные с домом) (52): дом 27; очаг 6; квартира 3; круг 2; скамья 2; круглый стол; домашний уют; живут вместе; и дом; ужин; уют; чай; стол; на прогулке; на работе; молоко; дом и семья.

6. Номинации (45): ячейка 10; ячейка общества 6; брак 5; люди 4; семья 4; родня 3; братство; звено общества; семья; союз любящих; дерево; коллектив; компания; родные, это семья; родственники; фамилия; образ; они.

7. Чья: лицо/ профессии (32): моя 27; наша 5; человека 2; Адамсов 2; военнослужащего 2; друг 2; друга 2; художника 2; человека 2; я 2; аристократов; брата; депутата; не моя; колхозников; машиниста; историков; соседа; офицера; твоя; тракториста; курсанта; знакомый; своя; филологов; учителей;

8. Другая характеристика (14): деревенская; обыкновенная; советская; социалистическая; цирковая; человеческая; гвоздь; жизнь; зной; разум; собака; удел; фотография (старинная) семьи; слов;

9. Макросоциум и микросоциум (28): и школа 22; общество 3; народ; народов; страна;

10. Имена собственные (6): Герострат; Гранде; Ивановых; Мариана; Ульяновых; Швеция.

11. Возраст (6): молодая 3; была всегда; молодых; начало.

12. Наличие (4): будущее 2; есть; скоро.

Анализ слов-ассоциатов указывает на заметную тенденцию к положительной характеристике образа семьи как группы близких, любящих и счастливых людей. В исследуемой концептосфере в первую очередь выделяются межличностные отношения в семье (*дружная, крепкая, распалась, скандал, веселая* и др.) и оценочные признаки (*счастливая, хорошая, ненавижу, идеальная* и др.), Важным фактором является структура семьи: стереотипная семья представляется большой, с обязательным наличием детей. Частые ассоциации связаны с составом семьи (*мама, жена,*

дети, родители, муж и др.). Семья в сознании носителей русского языка неразрывно связана с домом – местом, где живут члены семьи, которое олицетворяет для человека уют, комфорт и защищенность (*дом, очаг, квартира, тепло* и др.). Также отдельная группа ассоциатов выделяет профессии членов семьи (*военнослужащего, депутата, офицера* и др.). Поскольку лишь малая часть ассоциаций характеризует семью с отрицательной стороны, можно полагать, что институт семьи для носителей русского языка является значимой стороной жизни, незаменимой и вечной ценностью, характеризуется духовным благополучием.

Собственный свободный ассоциативный эксперимент был проведен среди студентов и преподавателей Ганьнанского педагогического университета (носителей китайской лингвокультуры) и среди студентов, преподавателей БашГПУ им.М.Акмуллы, Пензенского государственного университета, Пермского государственного института культуры и Тихоокеанского государственного университета (носителей русской лингвокультуры). Всего было опрошено 247 человек (120 носителей китайского языка и 127 носителей русского языка, валидных ответов было получено 247). Опрос проводился с помощью онлайн-формы, размещенной на специальной интернет-платформе. Мы попросили участников написать первые три слова, которые приходят на ум при восприятии слова-стимула *семья /家*. Нами были обработаны результаты с анализом наиболее часто встречающихся ассоциаций для выявления различия в восприятии образа семьи между носителями русской и китайской лингвокультур. Далее был выполнен этап выявления когнитивных признаков и когнитивная интерпретация результатов проведенных ассоциативных экспериментов. Когнитивное представление результатов нашего ассоциативного исследования можно охарактеризовать следующим образом: в процессе анализа ассоциатов они рассматриваются как лингвистические индикаторы определенных когнитивных характеристик. Ассоциаты с аналогичным семантическим содержанием объединяются в единый когнитивный атрибут.

При применении когнитивного подхода к результатам ассоциативного эксперимента, ассоциаты воспринимаются как вербальные репрезентации специфических когнитивных характеристик. Они связывают языковую форму и когнитивную структуру, обеспечивая глубокое понимание ментальных процессов. Согласно концепции З.Д. Поповой и И.А. Стернина, осуществляется процесс абстрагирования результатов анализа семантических значений языковых единиц на более высоком, абстрактном уровне. Этот процесс направлен на выделение и формализацию когнитивных признаков. Это позволяет представить когнитивные признаки, репрезентируемые значениями или семантическими компонентами языковых единиц, с целью окончательного моделирования содержания концептосферы [Попова, Стернин 2006, с. 200].

Представим когнитивную интерпретацию результатов нашего ассоциативного эксперимента:

1. Душевный комфорт. Этот признак отметило 102 носителя китайского языка и 61 носитель русского языка, что составляет соответственно 85% и 48% от числа испытуемых.
2. Отношения между родными людьми в семье. На это указало 55 носителей китайского языка и 50 носителей русского языка – 46% и 39%.
3. Счастье, любовь, радость и т. п. Яркие, сильные положительные чувства с образом семьи связывают 49 носителей китайского языка и 88 носителей русского языка, т.е. 41% и 69%.
4. Защищенность, опора. Семью как убежище, безопасное, защищенное место воспринимают 43 носителя китайского языка и 42 носителя русского языка, что составляет 36% и 33% соответственно.
5. Гармония, гуманизм. Гармонию, всепрощение и гуманизм ассоциируют с образом семьи 26 носителей китайского языка и 27 носителей русского языка – 22% и 21%.

6. Физический комфорт. Этот признак, а также образы домашней здоровой и вкусной еды ассоциируются с семьей у 20 носителей китайского языка и 4 носителей русского языка – 17% и 3%.
7. Макросоциум. Всего 7 носителей китайского языка связывают с семьей с макросоциумом (родным городом, страной) – 6% от общего числа испытуемых, тогда как носители русского языка не отметили в нашем эксперименте такую связь (но по данным РАС, подобные единичные ассоциации отмечены).
8. Ответственность. Этот когнитивный признак выявляется в ассоциативном поле у 4 носителей китайского языка и 7 носителей русского языка – 3% и 6%.
9. Философское восприятие семьи. Такой признак как вечность отметил 1 носитель китайского языка – 0,8%.

Проведенный анализ позволил представить содержание исследуемой концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах, выделить существенные, отличительные признаки. Согласно представленным данным, главное место в структуре концептосферы СЕМЬЯ / 家 для современных китайцев занимает ощущение понимания и душевного комфорта, которое дает семья. Ассоциации, выявленные у представителей китайской культуры, указывают на их скромность и стремление к гармонии и равновесию, что является сложной задачей в реальной жизни. Именно поэтому они стремятся сохранить взаимосвязь между любовью, браком и семьей, подчеркивая значимость традиционных форм семейных отношений.

Для современных русских же наиболее важным элементом концептосферы СЕМЬЯ / 家 является понятие «любовь», которое выделили 63 респондента. Интересно, что среди китайских респондентов любовь указали только 20 носителей. Однако такие понятия, как счастье, радость, веселье, связывают с образом семьи примерно одинаковое количество русских и китайцев.

Интересные тенденции наблюдаются среди ответов в когнитивной категории «Защищенность»: наиболее важным элементом для китайцев стало убежище, в то время как русские респонденты выделили такой когнитивный признак, как забота.

Среди носителей китайского языка явственно выделяется категории гармонии, гуманизма, что объясняется идеями конфуцианства, имеющего отношение к китайской культуре. Для носителей русского языка наиболее важным в этой категории является элемент «понимание», который выделили 23 респондента.

Человек существует в микросоциуме и макросоциуме: эти «подструктуры» требуют сложного гармоничного соединения. Мы видим, что в ассоциативном поле представителей китайской культуры категории рода, долга превалируют над эмоциональными индивидуальными переживаниями и поглощаются понятиями страны и нации. В нашем эксперименте русские респонденты совсем не связывали концептосферу СЕМЬЯ /家 с элементами, представляющими макросоциум. Хотя в РАС подобные единичные реакции отмечены. Тем не менее, очевидно, для носителей русского языка микросоциум семьи существует отдельно от макросоциума и мало с ним взаимодействует.

Следует указать также на то, что, несмотря на несколько ярких различий в ассоциативных связях с образом семьи русских и китайских респондентов, большая часть элементов выбранных категорий совпала для носителей обоих исследуемых нами языков. Это демонстрирует определенное сходство русской и китайской лингвокультур в представлениях о семье. Семья считается основной единицей общества. Семья воспринимается как место, где люди находят поддержку и любовь. В обеих культурах ценятся традиционные семейные ценности, например, такие как уважение к старшим и забота о близких.

2.3. Результаты лексико-семантического эксперимента «Семья есть семья»

Для выявления устойчивых признаков и современных культурных представлений при актуализации концептосферы СЕМЬЯ /家 в России и Китае нами был проведен специальный лексико-семантический эксперимент среди носителей русского и китайского языков. Основная цель данного исследования заключалась в процессе извлечения инференциального значения из высказываний, которые имеют форму псевдотавтологии, то есть конструкции, где один и тот же элемент повторяется (*X есть X*).

Н.Д. Арутюнова назвала такие псевдотавтологии «интерпретируемыми аномалиями» [Арутюнова 1999, с. 346], «в своем буквальном значении высказывания вида *X есть X* абсолютно неинформативны, но обычно, интерпретируя «тавтологическое» высказывание, адресат речи как бы переосмысливает его, и высказывание, неинформативное на уровне того, что буквально выражено, приобретает смысл на уровне того, что имплицитно» [Булыгина, Шмелев 1997, с. 504-505]. В нашем эксперименте испытуемым было предложено раскрыть смысл фразы *Семья есть семья*. В тесте участвовали две группы студентов и преподавателей, носителей китайского и русского языков, по 100 человек. По результатам мы видим относительное единообразие в интерпретации данной псевдотавтологии, значит, образ семьи устойчиво ассоциируется в сознании представителей китайской и русской лингвокультур с определенным рядом признаков.

При интерпретации фразы *Семья есть семья* среди носителей китайской культуры получено закономерное имплицитное знание, включающее в себя следующую информацию: *Семья – это убежище от невзгод* (家—就是个避风港); *Семья – это безопасное место, где ты счастлив* (家就是让你感觉永远安全和幸福的地方); *Семья дает ощущение спокойствия и гармонии* (家永远给予你安心与和谐的感觉); *Существует*

семья, значит существую я (有家-就有我); Семья – ожидание и любовь (家 – 是永远有人等你和爱你的地方); Семья – сердечное место (家 一个心安的地方); Семья – обитель родителей (有父母在的地方就是家); Семья – мягкая постель, добродушные родители, сытный ужин (家-父母的的笑容, 热腾腾的晚); Семья – быть вместе (在一起就是家); Семья – крыша во время дождя и полушубок в мороз (家就是严寒中的暖衣, 风雨中的伞); Семья – безопасное место, где ты счастлив (家就是让你感觉永远安全和幸福的地方); Семья – искрящаяся любовь, родителя и дитя (家-妈妈, 爸爸, 我和爱); Семья – это место, которое дает спокойствие, тепло (家是永远给予你安心的地方); Семья – это убежище, где бы ты ни был (家就是你任何地方都不能比拟的避风港); Семья – навсегда безопасное и доступное место (家-永远的避风港); Семья – место, где ты чувствуешь себя в безопасности и спокойствии (家就是永远让你觉得安全与安心的地方); Семья – место, где ты чувствуешь себя в безопасности и спокойствии (家就是永远让你觉得安全与安心的地方); Семья – в кругу близких (有家人在的地方); Семья – где родные собираются под одной крышей (家就是人们凝聚在一个屋檐下); Семья – мир, любовь и здоровье (家-和睦, 关爱与健康); Есть любовь – есть семья (有爱-有家); Место, наполненное счастьем (被爱充满的地方); Крепкое убежище и надежные люди (坚固的避风港与值得依靠的人); Что бы ни случилось, семья всегда примет, успокоит (无论发生什么事, 家都会包容的地方); Счастье в кругу близких (有家人在的地方); Жизнь, вышитая нитями любви (用爱编制的生活); Когда родные вместе (有家人在的地方); Где сердцу спокойно (家就是心安的地方); Убежище от невзгод (避风港); В кругу родных (和亲人在一起); Что бы ни случилось, семья всегда примет, успокоит, и ничто не заменит семью (无论发生什么事, 家都会包容的地方, 不可代替的地方); Место, где царит мир, тепло и уют (个被爱, 温暖所包围的地方); Есть родные – есть любовь (有亲人-有爱); Место, где тебе не надо притворяться

(一个不需要伪装的地方); *Семья – это зонт от дождя* (家就是雨中的伞); *Место, где можно спрятаться от дождя и ветра, где тебя ждут и любят* (家就是为你遮风挡雨且永远有人等候与关爱的地方); *Спокойное место, где тебя ничто не потревожит* (家就是永远都不会有人打扰你的地方); *Убежище для души* (心灵的避风港); *Хлебосольный дом* (将你养大的地方); *Место, где тепло и уютно* (温暖舒适的地方); *Где родители – там семья* (父母在的地方就是家); *Семья – жизненный вектор развития, удобное место* (家就是给予你航线避风港); *Где родные – там семья* (有亲人就有家); *Семья – это маленькая родина, стабильность* (家就是一个稳定的小国家); *Запах еды смешивается с дымом костра* (家就是充满饭香味的地方); *Семья – это гнездо для ласточки* (家-就是燕儿的巢); *Люди, которые всегда с тобой* (和永远在一起的人生活的地方); *Место, где тепло и уют* (温暖舒适的地方); *Убежище от ветра и дождя* (遮风避雨港); *Разделять трапезу* (共享-餐的地方); *В кругу близких* (和亲人在一起); *Место, где тихо и спокойно* (家是安静与宁静的地方); *Семья – это убежище* (家就是避风港); *Когда ты далеко от дома, семья – это то, что греет душу* (家就是每个游子心中最温暖的地方); *Семья – это надежда для сердца* (家就是心灵的寄托); *Это надежное место* (家-可以信赖和依靠的地方); *Не важно где, папа, мама и я – это семья* (不重要在哪, 只要有父母在就是家); *Убежище для каждого человека* (每个人的避风港); *Семья – это убежище для души* (家 –心灵的避风港); *Счастье в кругу близких* (家就是亲人的爱); *Убежище, где прошло твое детство* (渡过美好童年的地方); *Убежище от невзгод* (避风港); *Надежное место* (值得信赖依靠的地方); *Семья дает ощущение спокойствия и гармонии* (家永远给予你安心与和谐的感觉); *Семья – это безопасное место, где ты счастлив* (家就是让你感觉永远安全和幸福的地方); *Есть семья – есть я* (有家就有我); *Семья – это место, где тебя ждут и любят* (家 –是永远有人等你和爱你的地方); *Место, где тебе не надо притворяться* (不需要伪装的地方); *Семья –*

убежище на все времена (家就是永恒的避风港); *Семья – быть вместе* (家就是永远在一起); *Спокойное место, где тебя ничто не потревожит* (宁静且不会有人打的地方) и др.

Результаты эксперимента показывают отношение китайцев разного возраста к семье. В первую очередь, выделяются смыслы, связанные с понятием безопасности, спокойного убежища (*убежище от невзгод; зонт от дождя, спокойное место, где тебя ничто не потревожит* и др.). Ряд когнитивных признаков связывает семью с душевным комфортом, ощущением счастья, тепла (*место, где тебе не надо притворяться; место, где тепло и уютно; где ты счастлив* и др.). Представление о семье связаны с бесконечной гармонией, благополучным существованием, восприятием семьи как безопасного родового убежища, что объясняется идеями конфуцианства, имеющего отношение к китайской культуре. Исследование демонстрирует и традиционную восточную образность: *«семья – это гнездо для ласточки; семья – это зонт от дождя; жизнь, вышитая нитями любви»* [Чжао Юаньцзэ 2022, с. 250]. Интерпретация псевдотавтологии указывает на заметную тенденцию к положительной характеристике образа семьи как группы близких, любящих и счастливых людей (*где родные – там семья; счастье в кругу близких; семья – быть вместе* и др.). Также у носителей китайского языка с семьей ассоциируются образы домашней здоровой и вкусной еды (*где пахнет домашней едой; где тебя вкусно накормят* и др.).

Таким образом, анализ компликативного (приращенного) содержания выявил следующие устойчивые признаки концептосферы СЕМЬЯ / 家 у носителей китайской лингвокультуры: это убежище, там тепло, уютно, безопасно и спокойно; это близкие и родные люди; место, где вкусная домашняя еда.

Анализ интерпретаций фразы *«Семья есть семья»* среди носителей русского языка, позволил нам выявить имплицитное знание, которое включает следующую информацию:

Семья – это награда; Семья – это то, что меня бережёт; Семья – это то, что мне необходимо всегда; Семья – это круг людей, на которых я могу опираться и которым я всецело доверяю; Семья – это родные и близкие люди, которые примут тебя всегда, это место силы, наполнения, это ценный дар; Семья – это те люди, которые примут меня любой, помогут со всеми проблемами и не осудят; Семья – это люди, к которым хочется возвращаться; моменты, которые не забываешь и уют, который бережешь и которым дорожишь; Семья – это люди, которые любят меня просто за то, что я есть; Семья – это любимые близкие люди, которым нужен ты и которые важны тебе; Семья – это самое важное, что есть в мире; Семья – это то, ради чего стоит жить; Семья – место, где тебе всегда рады; Семья – это место, где тебя всегда ждут и любят; Семья – это люди, которые связаны не только кровными узами, но и взаимопониманием, взаимоуважением; Семья – это то, куда я могу прийти и меня примут такой, какой я есть; Семья – это там, где поддерживают; Семья – это самые лучшие люди на земле; Семья – это самые родные души; Семья – это папа, мама, муж, дети и Я; Семья – это надёжный тыл; Семья – это когда люди ведут совместное хозяйство, имеют общее жильё и доходы; Семья для меня – это уют и счастье; Семья – это люди, которым ты нужен; Семья – это место, где тебе всегда помогут, хоть и не всегда поймут; Семья – это люди, которые всегда рады тебя видеть; Семья – это мое королевство!; Семья – это бесценный дар, который нужно хранить; Семья – родные люди; Семья – это то, что должно быть у каждого; Семья – это самое главное в жизни; Это маленький мир, который мы создаём сами; Семья – это целостность, то есть единое целое; Семья – это смысл жизни; Семья – это то, что даёт мне силы быть лучше; Семья – это самые близкие для меня люди; Наша дружная семья всегда собирается вечерами за чаепитием; Семья – это подарок Бога; Семья – это самые родные наши люди; Семья – это кровные узы; Семья – это каждодневный труд над самим собой; Семья – это то, чем я дорожу, то, что заставляет меня двигаться вперёд,

приобретать новые знания, умения; Семья – это самое ценное, что есть в моей жизни; Семья – это люди, которые любят тебя просто за то, что ты есть; Семья – это те люди, которые меня поддержат в трудную минуту; Для меня семья это те, к кому можно прийти в любой момент и получить необходимую поддержку и теплоту; Семья – это там, где тебе легко и хорошо; Семья – это те люди, которые меня вдохновляют; Семья– это то, что делает меня сильнее и оберегает; Семья – это тыл; Семья – это там, где поддерживают; Семья – самое главное в жизни; Семья – это то, что я продолжаю, учась у своих предков; Семья – это забота друг о друге; Семья – это там, где тепло и уютно, где тебя принимают таким, какой ты есть; Семья – группа людей, живущих вместе, ведущие общее хозяйство, связанные родством или браком; Семья – это духовно и кровно близкие люди; Семья – это самое важное в жизни нормального человека; Семья – это мой мир, моя вселенная; Семья – это те люди, кто всегда будут на твоей стороне; Семья – это там, где я чувствую себя в безопасности; Семья – самое ценное в жизни человека; Семья – материальная защита и большое счастье; Семья – это моя крепость; Семья – это люди, которые всегда готовы поддержать, люди, которым ты доверяешь; Семья – это дорогие и любимые люди; Семья, в моем понимании, это те люди, которые очень много для вас значат, те, для кого много значите вы; Семья – это самое родное в жизни; Семья – это те, кто пойдут за мной по первому зову куда бы я не шёл; К кому я могу обратиться в любую трудную минуту; Семья – это то, что делает меня сильнее; Семья – это то, что даёт силы жить и радоваться жизни; Семья – это место, куда хочется сбежать с работы; Семья – это самые близкие для тебя люди; Семья – это моя жизнь; Семья – место, куда хочется возвращаться; Семья – это где ты нужен в радости и горе, где тебя поддержат в нужную минуту, опора и поддержка!; Семья – это самые надёжные и близкие люди; Семья – это то, о чем я забочусь; Семья – это самые близкие, родные люди, которых мы очень любим, которые помогают в сложных ситуациях и всегда ждут дома;

Семья – та, которая у меня была, когда была жива Мама; Небольшой круг самых близких лиц; Союз людей, одна команда; Семья – это родные люди; Семья – место, где тебя примут и постараются помочь; Союз между двумя людьми, которые любят друг друга; Семья – это сообщество родных людей; Семья – это там, где тебя любят, всецело принимают и ждут; Семья – ячейка общества, где люди любят друг друга; это люди, с которым ты можешь быть самим собой и делить свою любовь с ними; Семья – это, где можно быть собой, где тепло и уютно; Семья – люди, которым интересно с друг другом. И которые в эпоху ковида не поубивали друг друга в замкнутом пространстве; Семья–это уют, взаимное понимание, любовь, забота о любимых и любящих людях, верность, поддержка друг друга как в счастье, так и в горе и неудачах; Семья – это любовный союз двух людей, не зависимо от пола, вероисповедания и национальности; Семья – любовный союз двух людей, ячейка общества; Семья – место, где царит любовь; Семья – это место, где ты чувствуешь себя комфортно и отдыхаешь душой; взаимная заинтересованность друг в друге, любовные чувства, общие ценности; Быть поддержкой для друг друга и жить в гармонии и любви; Группа людей, которые связаны кровным родством; Группа людей, связанная близкими родственными связями (мама / папа / дети); Семья – единение людей, когда весь мир воспринимает их как одно целое; Семья для меня – это дом, полный любви, с общими заботами, радостями и делами; Семья – это ради чего всё; Семья – это группа людей, в не зависимости от пола, расы и религии, которая будет с тобой всегда; Семья – это любимые и родные люди рядом, здоровые родители, взаимопонимание и трепет в отношениях друг с другом; Семья – это дети, для которых вы будете примером правильной семьи; Семья – это то, что делает нас счастливее, сильнее и является отлично поддержкой; Интересный жизненный проект; Семья – это для меня искренняя любовь и поддержка своей возлюбленной в радости и в горе; Семья – это то, что я хочу сберечь; Семья – это те люди, которые всегда ждут твоего возвращения; Семья – это опора, источник тепла и мотивации;

Семья – это неотъемлемая часть общества, которая способствует формированию личности человека, помогает приобрести чувство любви, уважения и дружбы к людям и животным; Семья – это место, где тебя любят таким, какой ты есть, и ты можешь дарить свою заботу родным людям; Семья про понимание и поддержку, про любовь. Где можно чувствовать себя самим собой, не скрывая чувств и эмоций. Там, где тепло и уютно, когда хочется возвращаться домой; Союз двух людей, уважающих друг друга, которые сознательно идут на самоограничения во благо общей цели: построения здоровой счастливой семьи; Семья – это любовный союз двух людей, независимо от пола, вероисповедания, которым весело и интересно проводить вместе время; Это кровные родственники, а также люди, не связанные кровными узами, но договорившиеся жить вместе и ведущие совместный быт; Люди, которые не напрягают ; Семья – те люди, которые всегда поддержат; Ячейка общества, где царит любовь ; Семья – это близкие, любящие друг друга люди, живущие вместе ; Семья – это союз двоих людей, которые любят, поддержат друг друга; Семья – люди, которые принимают Вас таким, какой Вы есть, и любят; Семья – родители с детьми, живущие счастливо и любящие друг друга; Маленькое государство, где царит любовь, со своими политическими конструкциями и др.

Мы выделили следующие укрупненные группы, в которых схожие по смыслу реакции были объединены.

1. Межличностные отношения. В первую очередь образ семьи среди носителей русской лингвокультуры связан с близкими и родными людьми (*Семья – это круг людей, на которых я могу опираться и которым я всецело доверяю; Семья – это родные и близкие люди, которые примут тебя всегда; Семья – это те люди, которые примут меня любой, помогут со всеми проблемами и не осудят; Семья – это люди, к которым хочется возвращаться; Семья – это люди, которые любят меня просто за то, что я есть; Семья – это дорогие и любимые люди и др.*)

2. Положительные чувства, оценки (*Семья – это ценный дар; Семья – самое ценное в жизни человека; Это место, где царит любовь; Семья про понимание и поддержку, про любовь; Это то, что делает нас счастливее, сильнее и является отлично поддержкой и др.).*

3. Состав. Ряд ассоциаций связан с составом семьи (*Семья – та, которая у меня была, когда была жива Мама; Семья – родители с детьми, живущие счастливо и любящие друг друга; Семья – это дети, для которых вы будете примером правильной семьи; Семья – это любовный союз двух людей, независимо от пола, вероисповедания, которым весело и интересно проводить вместе время и др.).*

4. Место. Семья в сознании носителей русского языка неразрывно связана с домом – местом, где живут члены семьи, которое олицетворяет для человека уют, комфорт и защищенность (*Семья – это когда люди ведут совместное хозяйство, имеют общее жилье и доходы; Семья для меня – это дом, полный любви, с общими заботами, радостями и делами; Семья – это там, где я чувствую себя в безопасности; Семья – материальная защита и большое счастье; Семья – это моя крепость и др.).*

5. Номинации. Некоторые испытуемые дали подробные определения объекту (*Семья – это неотъемлемая часть общества, которая способствует формированию личности человека, помогает приобрести чувство любви, уважения и дружбы к людям и животным; Это ячейка общества; Группа людей, которые связаны кровным родством; Группа людей, связанная близкими родственными связями (мама / папа / дети) и др.).*

Анализ компликативного содержания позволил выявить следующие устойчивые смыслы у семьи среди носителей русского языка: это близкие, любимые люди; это большая ценность; это тыл, крепость, поддержка и опора; это ячейка общества.

Источник счастья и основные жизненные ценности часто ассоциируются с семьей, которая является базовым элементом в жизни

многих людей. Концептосфера СЕМЬЯ занимает важное место в русском национальном сознании и является одной из ключевых в культурной традиции этого народа. Важность концептосферы СЕМЬЯ в контексте культурных и социальных особенностей России не может быть недооценена.

С использованием лексико-семантического эксперимента для экспликации закодированных смыслов из псевдотавтологий, мы имеем возможность выявить специфическое содержание анализируемой концептосферы и стереотипные представления китайского и русского народов о семье. Эти представления уходят своими корнями к опыту языковой личности, выполняющей субъективно-модальную и «рефлектирующую» функции в процессе интерпретации и восприятия образов [Гибатова 2011, с. 276].

Выводы по главе 2

Во второй главе представлены «лексикографические портреты» лексем *семья* /家 в русском и китайском языках, дается общая характеристика терминов родства как средств лексической объективации анализируемой концептосферы. На основе анализа 70 лексем, 486 паремий и 447 реакций, полученных в ходе ассоциативных экспериментов, мы провели глубокое системное исследование концептосферы СЕМЬЯ /家. Это позволило нам выявить актуальные когнитивные признаки и семантические «обертоны» анализируемого объекта. В рамках нашего исследования мы применяли методы лексико-семантического и психолингвистического анализа, что позволило определить устойчивые характеристики, культурные образы и ассоциации, возникающие в уме носителей языка при актуализации данной концептосферы.

На основе лексикографических источников разного типа мы провели сопоставительный анализ содержания лексемы *семья* в русском и китайском языках. Изучение этимологии привело к пониманию, что корень праиндоевропейского происхождения *kei-, означающий 'лежать', лежит в основе русского слова «семья». Этот корень часто применялся в

номинативных системах древних этносов для создания терминов, обозначающих поселения, жилища, места пребывания: готское *haims*, что означает 'поселение', древнеисландское *heimr*, переводимое как 'родина, мир', или немецкое *heim*, имеющее значение 'дом, семейный очаг' и др. Далее было проанализировано смысловое наполнение концептосферы СЕМЬЯ / 家 по данным основных лексикографических источников русского и китайского языков.

Было выявлено, что, и в русском, и в китайском языках *семья* / 家 обозначает группу кровных родственников, живущих вместе. При этом в русском языке у слова есть значения, которых нет в китайском языке (группа животных, группа родственных языков), также как и в китайском языке наблюдается большое число уникальных значений (числительные; обращение к старшему члену семьи; специалист и др.).

Концептосфера СЕМЬЯ / 家 включает концепты МУЖ, ЖЕНА, ДЕТИ, РОДИТЕЛИ и др., вербализованные терминами родства и отражающие стереотипизированные образы членов семьи, структуру семьи и общую родственную организацию в русском и китайском социумах. Термины, связанные с родственными отношениями, составляют определенную часть лексикона любого языка и отражают структуру семьи и общую родственную организацию в разных обществах. Во многих языках мира присутствуют относительные (релятивные) слова, указывающие на родственные связи между индивидами. Одно и то же лицо может обозначаться одновременно как сын, внук, дядя, племянник и дедушка в зависимости от родственных отношений [Имомзода 2017, с. 54].

Для описания реального содержания концептосферы в языковом сознании современных носителей русского и китайского языков был проведен ряд когнитивных экспериментов.

Материал ассоциативных экспериментов среди студентов и преподавателей Ганьнанского педагогического университета (носителей китайской лингвокультуры) и среди студентов, преподавателей БашГПУ

им.М.Акмуллы, Пензенского государственного университета, Пермского государственного института культуры и Тихоокеанского государственного университета (носителей русской лингвокультуры) дал возможность выявить максимальное количество когнитивных признаков концептосферы СЕМЬЯ / 家. Базовый смысловой объем концептосферы составили сформированные нами 12 укрупненных групп выявленных когнитивных признаков, а когнитивный эксперимент с псевдотавтологическими высказываниями позволил верифицировать полученные данные.

В целом проведенный анализ выявил существенные характеристики концептосферы СЕМЬЯ / 家 в китайской и русской культурах, общие базовые смыслы ее концептуального содержания. Следовательно, этот ментальный конструкт в национальном языковом сознании обладает определенной «культурной разработанностью» (А. Вежбицкая). Он органично вписан в систему национальных ценностей и атрибутов. Подобное положение присуще и другим ключевым универсалиям рассматриваемых культур.

ГЛАВА 3. РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ КОНЦЕПТОСФЕРЫ СЕМЬЯ /家 В РУССКИХ И КИТАЙСКИХ ПАРЕМИЯХ

Данная глава посвящена лингвокультурологическому описанию концептосферы СЕМЬЯ /家 на материале русских и китайских паремий. В современных научных работах [Ломакина 2018; Семененко 2011 и др.] термин «паремия» применяется в качестве универсального наименования для обозначения разнообразных форматов народной мудрости, включая пословицы, поговорки, афоризмы, приметы, загадки, а также присловия, прибаутки и пр. Это подтверждает понимание паремии как прецедентного текста, который является широко узнаваемым и цитируемым в определенной культурной среде и отражает в себе ключевые культурные ценности данного общества.

Широкого понимания данного термина придерживался Г.С. Воркачѳв, который в качестве видов паремий признавал не только пословицу и поговорку, но и загадку, присловье, афоризм. Однако среди всех паремий наиболее распространены и тщательно изучены пословицы, именно поэтому в этом разделе в качестве иллюстративного материала в основном будут использоваться пословицы. Интерес к паремиологическому корпусу языков и пословицам, как наиболее часто используемому классу паремий, объясняется тем, что их анализ позволяет выявить и уточнить дополнительные смыслы, связанные с национально-культурной семантикой. Через паремии общество демонстрирует свои взгляды на различные аспекты жизни, такие как религия, быт, мораль, социальные отношения, семейные ценности и так далее. Эти народные наблюдения позволяют оценить и интерпретировать различные явления реальности, создавая устойчивую систему представлений о мире, природе и социокультурном контексте.

Как известно, основополагающая концепция лингвокультурологического подхода утверждает, что языковые знаки служат хранилищем и передатчиком культурной информации, которая не только раскрывает прошлое, но и способствует прогнозированию будущего

[Ковшова 2019, с. 14]. Лингвокультурологическое исследование тесно переплетается с этнолингвистическим анализом Н.И. Толстого [Ковшова 2019, с. 5]. В.Н. Телия, являясь основателем в области лингвокультурологического изучения фразеологических единиц, рассматривает пословицы как уникальный национальный «код» или языковое выражение повседневной культуры. Этот «код» формировался на протяжении веков и передавался из поколения в поколение, отражая ключевые элементы жизненного мировоззрения и культурные ориентиры определенного этноса [Телия 1996, с. 214]. Лингвокультурологическое комментирование, дополняющее лексикографическую детализацию паремий, играет ключевую роль в предотвращении ошибок при толковании соответствующих единиц [Бредис 2019, с. 23].

Таким образом, сопоставительный лингвокультурологический анализ фразеологических единиц языка, включающий выделение «особенностей восприятия мира и его концептуализации в различных фрагментах картины мира» [Ковшова 2019, с. 16], содержит большой потенциал для анализа стереотипов и мыслительных образов, позволяет выявить уникальные характеристики и особенности национального сознания. В свою очередь, изучение языковой картины мира дает возможность понять, как нация воспринимает и интерпретирует окружающий мир. Все эти компоненты, объединенные вместе, предоставляют богатый материал для лингвокультурологических исследований [Биктагирова 2006, с. 107-112]. Как отмечает Р.Х. Хайруллина, важность «сопоставления языков и культур, в том числе и в научном освещении, обусловлена общественным развитием – усилением международных контактов, активизацией межкультурной коммуникации в разных сферах жизни людей, формированием единого информационного пространства посредством интернет-коммуникаций» [Хайруллина 2014, с. 12].

В китайском языкознании подход к паремиям достаточно широкий, они подразделяются на несколько классов. Например, в диссертации Имомзады

[Имомзада 2017] даётся обзор исследований по классификациям китайской фразеологии, которые существенно отличаются от аналогичных классификаций в русском языке. А.Л. Семенас, например, разделяет китайские фразеологические единицы (短语) на следующие категории: стандартные выражения 标准语, привычные выражения 惯用语, пословицы 谚语, поговорки 俗语, а также усечённые выражения и недосказанные аллегории 歇后语. С другой стороны, О.А. Корнилов классифицирует фразеологизмы на 俗语 – поговорки, 谚语 – пословицы, а также двухчастные аллегорические высказывания, первая часть которых является неким образным выражением (аллегорией), а вторая – его объяснением или интерпретацией. Если такое высказывание используется в сокращённой форме, его называют недосказанной аллегорией. Ещё один исследователь, Ван Дэчуню, выделяет афоризмы, крылатые выражения, поговорки и гуаньюньюй. Ма Гофань классифицировал китайские фразеологизмы следующим образом: 1) ченьюй 语汇 (yu hui) – идиомы; 2) яньюй 俗谚 (su yan) – пословицы; 3) сехоуэй 语句 (yu ju) – аллегории; 4) гуаньюньюй 常态语 (chang tai yu) – фразеологические сочетания; 5) суюй 民谣 (min yao) – поговорки. Эти типы отражают накопленный опыт китайского общества в виде особого феномена устного народного творчества, представляя собой своего рода «энциклопедию жизни» [崔希亮 2005, с. 256].

Паремии, репрезентирующие концептосферу СЕМЬЯ / 家, являются довольно объёмной группой и в русском, и в китайском языках, поскольку семья является культурно значимым фрагментом картины мира в обеих культурах. Методом выборки из разных лексикографических источников мы отобрали для анализа 277 русских и 209 китайских пословиц, посвящённых тематике семьи. Пословицы затем были подвергнуты сравнительно-сопоставительному и лексико-семантическому анализу. Это позволило выявить общие и национально-специфические характеристики в данной тематической группе.

Сначала нами был сформулирован смысл каждой пословицы (так как данное значение может быть не сразу очевидным для представителя другой культуры). Если говорить о китайских пословицах, то они часто опираются на традиционные сюжеты, которые сложно понять не знавшим их. Например, 孔融让梨 (означает быть почтительным к старшим) исходит из притчи о Кун, который в детстве всегда отдавал груши старшим братьям и родителям, 孟母三迁 (переезд три раза – когда родители трудятся изо всех сил, чтобы хорошо вырастить своих детей) исходит из произведения «Биографии добродетельных женщин» Лю Сяна о том, как мать в заботе о детях переезжала в три разных места. Или русская пословица «Яблоко от яблони недалеко падает» означает, что дети приняли на себя все недостатки родителей и похожи на них. Однако в китайском языке яблоки не символизируют взаимоотношения между родителями и детьми, в китайской лингвокультуре взаимоотношения между родителями и детьми обозначаются через образы персиков и персиковых деревьев: 千朵桃花一树生 (тысячи цветков персика рождаются одним деревом, являются детьми одной матери). Таким образом, взаимоотношения части и целого в русском и китайском языках способствуют восприятию пословиц о детях и родителях.

В процессе анализа пословиц мы выделили различные смыслы, объединив их в когнитивные признаки. Эти когнитивные атрибуты служат индикаторами того, что в определенном явлении признается ключевым, при этом учитывается, что паремии являются отражением коллективного опыта нации. Когнитивные признаки, которые часто встречаются, определяются как основные, так как они подчеркивают центральные элементы мировоззрения общества. Мы обозначили такие признаки термином «ядерные». Те смысловые атрибуты, которые связаны с ядерными, но имеют меньшую важность, мы классифицировали как «околоядерные». Они играют второстепенную роль в национальной картине мира. Те признаки, которые представлены лишь в нескольких пословицах (1-2), были определены как

«периферийные», мы отмечаем их меньшую релевантность для культурного контекста.

В следующих параграфах описано, какие аспекты традиционного представления о семье были выявлены в результате анализа китайских и русских паремий.

3.1. Концептосфера СЕМЬЯ /家 в русской паремике

В области русской лингвистики существует множество работ, посвященных анализу концепта «семья». Данный концепт был рассмотрен с различных сторон в диссертационных работах Е.В. Добровольской, Ю.В. Железновой, Н.Н. Занегиной, Д.В. Жигулиной, М.В. Матвеевой, А. Рахмата и других [Добровольская 2005; Железнова 2009; Занегина 2011; Жигулина 2015; Матвеева 2007; Рахмат 2013 и др.]. В области изучения языковой репрезентации концепта «семья» в индивидуальных авторских моделях мира писателей значительный вклад внесли такие ученые как Г.Ш. Кузьмина, С.А. Кушу, Е.З. Киреева, С.Ш. Схалыхова, Т.В. Пьянкова и С.А. Кидямкина [Киреева 2008; Схалыхова 2008; Пьянкова 2012; Кидямкина 2014; Кушу 2004; Кузьмина 2005 и др.]. Отдельное внимание уделялось исследованию концепта «семья» в контексте семейных хроник А.А. Павловой и Н.Н. Рухленко [Павлова 2004; Рухленко 2005].

Существует также много исследований концепта «семья», выполненных на материале русского языка в сопоставлении с иностранными языками (турецким, английским и др.) [Баландина 2013; Щеголихина 2015; Гуняшова 2007; Трушинская 2009; У Синьёй 2009; Кострубина 2011; Терпак 2006; Гулканян 2010; Биктагирова 2007; Бутто 2010 и др.] и языками народов России (башкирским, татарским и др.) [Гибадуллина 2012; Мержоева 2009 и др.].

Есть работы, посвященные вербализации концепта «семья» в русской паремике. Поэтому в данном параграфе приведем обзор лингвокультурологических исследований образа семьи в русской культуре и определим основные когнитивные признаки исследуемого объекта на

материале паремий. В паремиологическом фонде русского языка немало паремий о семье, мы отобрали ряд из них, которые, на наш взгляд, формируют концептосферу СЕМЬЯ в сознании русского человека.

Е.В. Добровольская в своей диссертации пришла к выводу, что концепт семьи имеет этноспецифичный характер в русской языковой картине мира, выступая в русском сознании как основа понимания мира и устройства миропорядка [Добровольская 2005, с. 5]. Однако, несмотря на долгое существование этого концепта, его нельзя считать полностью сформированным, так как различные исторические изменения в общественном сознании влияют на его содержание и приводят к появлению новых репрезентантов [Железнова 2009, с. 7].

Ани Рахмат отмечает, что данный концепт объединяет в себе микроконцепты «отец», «мать», «муж», «жена», «дети» [Рахмат 2013].

В анализируемом концепте С.Ш. Схаляхова определяет следующие ценностные центры: 1) ценность семьи, 2) собственно супругов и их отношения между собой, 3) родители и дети, отношения между ними [Схаляхова 2008, с. 7].

В работе Чжан Циньхана [Чжан Циньхан 2022] было выделено 26 когнитивных признаков, отражающих различные аспекты концептуального содержания «семьи»: объединение людей на основе родственной близости, совместное проживание в одном доме, а также объединение по интересам и совместной деятельности – формируют основу понятия «семья». Однако смысловое содержание этого понятия может расширяться благодаря метафорическому переносу. Идея семьи может быть применена к биологическим объектам, различным языковым группам, этническим и социальным общностям. Даже машины и различные механизмы могут быть ассоциированы с понятием семьи, когда речь идет о тесной взаимосвязи и взаимодействии их компонентов.

Согласно мнению исследователей, в соответствии с эмпирическим восприятием русской культуры, образ семьи важен для русского мира

[Пьянкова 2012], в том числе в силу его достаточной традиционности, склонности к дружески-коллективным актам. В соответствии с нашими предыдущими замечаниями, в сознании представителей современной русской лингвокультуры семья ассоциируется с объединением людей, включая супругов, их детей и других родственников, которые проживают совместно в одном доме.

В работе Т.В.Пьянковой представлено ассоциативно-семантическое поле семьи в индивидуально-авторской картине мира современных русских писательниц Л. Улицкой и Л. Петрушевской [Пьянкова 2012]. С одной стороны, здесь играет роль гендерный аспект – более близкий к семье в силу естественных социально-биологических причин; с другой стороны, писательницы, язык которых анализируется в указанной работе, так или иначе близки к направлению «городской» прозы [Шаравин 2001], отражающей философию урбанизма, «нейтрализующего» гендер, традиции и, быть может, этничность. Для нашего анализа интересно, что современные писательницы, с текстами которых работал автор цитируемой научной работы, представляют «последний вариант» образа семьи в русской культуре. В исследовательской работе Т.В. Пьянковой при анализе произведений Л. Улицкой автором выделяются следующие ключевые макрополя, характеризующие ассоциативно-семантическую структуру текста:

1. «Время семьи», в рамках которого рассматриваются такие микрополя, как «Время существования семьи», «Семейные традиции и обычаи», а также «Род и наследственность».
2. «Взаимоотношения в семье», где основное внимание уделяется микрополям «Единство в семье» и «Любовь членов семьи».
3. «Состав семьи».
4. «Пространство семьи и домашний очаг».

При анализе произведений Л. Петрушевской Пьянкова акцентирует внимание на таких макрополях, как:

1. «Время семьи».

2. «Пространство семьи».
3. «Родственные отношения».
4. «Любовь-ненависть в семье», включающее в себя микрокомпоненты «Противоестественность любви» и «Одиночество, разъединенность».

В рамках диссертации анализ проводился с применением методов лингвокультурологии с опорой на данные из различных словарей и материалы «Национального корпуса русского языка».

При детальном изучении русской лингвокультуры в концептосфере СЕМЬЯ можно выделить следующие ключевые макро- и микрополя. Одно из них – это поле абстрактных концепций, которое включает в себя такие понятия как *родина, отечество* и другие абстрактные идеи, тесно связанные с национальной идентичностью, культурным наследием и основными ценностями общества. Эти концепции играют ключевую роль в формировании общественного сознания и национального самосознания. Другое важное поле касается семейных отношений. Это область, где основное внимание уделяется взаимодействию между членами семьи: *отцом, матерью, детьми, братьями, сестрами и другими родственниками*. В этом контексте рассматриваются различные роли, обязанности и ожидания, связанные с каждым членом семьи, а также особенности взаимоотношений внутри семейного круга. Кроме того, существует поле обиходно-бытовой жизни, которое охватывает все аспекты повседневного существования, начиная от предметов домашнего обихода и заканчивая традициями и обычаями, связанными с повседневной жизнью. Эта область отражает культурные особенности, привычки и стандарты, которые формируются на протяжении многих поколений и передаются из одного поколения в другое (*дом* как символ уюта и защиты, *печь*, ассоциирующаяся с теплом и семейным очагом, *хлеб-соль* как символ гостеприимства и традиций, *каша*, представляющая собой образ питания и заботы о близких и др.). Таким образом, каждое из этих полей отражает определенные аспекты семейной жизни и культурных особенностей русского народа, их взгляды на мир,

ценности и приоритеты [Ян Ван 2013].

На основе схемы Ю.Г. Кузнецовой [Кузнецова 2017, с. 104] и структурной модели макро- и микрополей А.Е. Гусевой [Гусева 2008, с. 21-22] мы выделили три макрополя на базе инвариантного содержания анализируемого материала и 12 микрополей, комплексно отражающих концептосферу СЕМЬЯ / 家 и вербализованных соответствующими пословицами русского языка:

1. Макрополе «Семейное проживание»: микрополя «Семейная иерархия», «Бытовое поведение членов семьи», «Семейные традиции и правила», «Семейное воспитание».

2. Макрополе «Семейный дом»: микрополя «Родина, родные места», «Родной дом, родовые владения», «Ведение семейного хозяйства», «Животные как члены семьи / средство поддержания семьи».

3. Макрополе «Семейные отношения»: микрополя «Уважение и почтение в семье», «Любовь мужа к жене / жены к мужу», «Любовь родителей к детям / детей к родителям», «Любовь к братьям / сестрам».

В результате исследования было получено следующее распределение паремиологического материала русского языка по макрополям (МАП) и соответствующим микрополям (МИП):

МАП 1 «Семейное проживание».

МИП 1/1 «Семейная иерархия».

Главенство мужа:

- *«В своей семье всяк сам большой»* подчеркивает авторитет главы семьи.
- *«Без мужа жена всегда сирота»* акцентирует важность мужа для женщины.
- *«Муж в дому, что глава (что крест) на церкви»* сравнивает роль мужа с символом веры и защиты.
- *«Где муж, там и жена»* подчеркивает зависимость жены от мужа.

- «*Без мужа, не жена*», «*Жена без мужа – всего хуже*» акцентируют внимание на том, что статус женщины определяется наличием мужа.

Ведущая роль жены как отклонение от нормы:

- «*Худо дело, коли жена не велела*» указывает на нежелательность доминирования жены.
- «*Кто жене волю дает, сам себя окрадывает или бьёт*» предупреждает о последствиях передачи решающего слова жене.
- «*Худо мужу тому, у которого жена большая в дому*» подчеркивает негативное восприятие ситуации, когда жена занимает доминирующее положение в семье и др.

Можно обнаружить такие представления, как семейная ответственность «вышестоящих» в иерархии членов семьи (*старшие в семье, родители, муж*) по отношению к «нижестоящим» (*дочь, жена*). Данные паремии отражают патриархальный уклад предыдущих поколений и могут не сочетаться с современными представлениями о семье в российском обществе. С другой стороны, в группе паремий, обозначающих отношения разных поколений, ярко выражен смысл, что мать воспринимается как центральная фигура в семье, источник тепла, заботы и любви. Она символизирует домашний уют, безопасность и стабильность:

Центральная роль матери:

- «*Без отца полсироты, а без матери и вся сирота*» подчеркивает незаменимость матери в жизни ребенка. Отсутствие матери воспринимается как полное сиротство, в то время как отсутствие отца – лишь как частичное.
- Уникальность матери: «*Отцов много, а мать одна*»: мать невозможно заменить. Она уникальна и неповторима для каждого человека.
- Мать как символ родины: «*Одна у человека родная мать, одна у него и Родина*» сравнивает мать с Родиной, подчеркивая их одинаковую значимость и близость к сердцу человека.

- Мать как наилучший друг: «*Лучше матери друга не сыщешь*» говорит о том, что мать – это самый верный и преданный друг, который всегда придет на помощь и поддержит в трудную минуту.
- Важность матери для всей семьи: «*Вдовец – деткам не отец, а сам круглый сирота*» подчеркивает, что даже для взрослого мужчины отсутствие жены, матери его детей, делает его сиротой в эмоциональном плане.

МИП 1/2 «Бытовое поведение членов семьи». Данные пословицы и поговорки отражают различные аспекты бытовой жизни семьи в русской культуре:

- Разделение обязанностей: «*Муж в долгу, а жена в шелку*» подчеркивает различие в материальной ответственности мужа и жены. Муж как традиционный кормилец может столкнуться с долгами, в то время как жена может позволить себе некоторую роскошь.
- «*Муж в поле пахать, а жена руками махать*» и «*Муж вези гуж, а жена шей рубашки*» отражают традиционное разделение труда в семье: муж занимается тяжелым физическим трудом, а жена — домашними делами.
- Экономические аспекты: «*Муж возом не навозит, что жена горшком наносит*» и «*Муж возом не навезет, что жена рукавом растрясет*» говорят о том, что женщины могут быть более расточительными или неэффективными в экономическом плане по сравнению с мужчинами.
- Семейные конфликты: «*В семье разлад, так и дому не рад*» подчеркивает, что домашние конфликты могут отравить атмосферу в семье.
- «*Муж в тюрьме, а жена в сурьме*» говорит о том, что проблемы одного члена семьи могут отразиться на других.
- Значимость семейного согласия: «*Семейное согласие всего дороже*» и «*Семья крепка ладом*» акцентируют внимание на важности гармонии и взаимопонимания в семье.

- Дети в семье: *«Без детей тоскливо, с детьми – водливо»* отражает радости и трудности родительства.
- Бытовые привычки: *«Семейный горшок всегда кипит»* говорит о том, что в семье всегда есть какие-то дела, заботы и проблемы.

В целом, эти пословицы и поговорки отражают национальный опыт и народную мудрость, накопленные на протяжении веков. Они демонстрируют особенности русской лингвокультуры, ее ценности, нормы и стереотипы в отношении семейной жизни.

МИП 1/3 «Семейные традиции и правила».

В настоящем МИП отражены сложившиеся за множество поколений традиции и правила поведения в семье:

- Роль семьи как опоры: *«Семья – опора счастья»* подчеркивает, что именно в семье человек находит счастье и утешение.
- *«Семья крепка ладом»*: семья — это крепкий союз, основанный на взаимопонимании и гармонии.
- *«В семье и каша гуще»* говорит о том, что вместе семья может преодолеть любые трудности.
- Семья как источник силы и уверенности: *«Дома и стены помогают»* подчеркивает, что дом — это место, где человек чувствует себя в безопасности и защищенности.
- *«Дерево держится корнями, а человек семьей»*: семья — это корни человека, его опора и источник силы.
- *«Вся семья вместе, так и душа на месте»* говорит о том, что когда семья вместе, человек чувствует себя уверенно и спокойно.
- Роль мужчины в семье: *«Муж дому строитель, нищете отгонитель»* подчеркивает роль мужчины как строителя и защитника дома.
- *«Любишь жену, люби и детей кормить»* подчеркивает ответственность мужчины за благосостояние семьи.
- *«Без хозяина двор и сир и вдов»* говорит о том, что без мужчины дом и семья теряют свою опору и защиту.

Эти пословицы отражают традиционные ценности русского общества, где семейная идентичность имеет первостепенное значение. Женщина традиционно ассоциируется с материнством и заботой о доме, а мужчина – с ролью защитника и кормильца семьи.

Отдельная группа пословиц описывает традиции вступления в брак:

- «*Жениться – не воды напиться*» и «*Жениться – не лапоть надеть*» подчеркивают серьезность и ответственность этого шага.
- «*Женился скоро, да на долгое горе*», «*Женился на скорую руку, да на долгую муку*», «*На резвом коне жениться не ездят*», «*Жениться не напасть, да как бы жениться, не пропасть*», «*Замуж выходи, в оба гляди*» предостерегают от поспешных решений в выборе супруга или супруги.

В русской культуре выбор супруга или супруги обычно связан с психологической и нравственной совместимостью, а не с социальным преуспеванием. Это отражает значимость личных качеств и взаимоотношений в русской культуре, по сравнению с китайской культурой, где выбор супруга может иметь большее социальное значение. В русской культуре межличностные отношения и нравственная совместимость имеют большой вес и обычно оцениваются выше социального статуса или благосостояния. Тем не менее, одна из главных установок русской культурной традиции, что у человека должна быть семья.

- Значимость брака и семьи: «*Не женат – не человек*», «*Хоть за старца, лишь бы в девках не остаться*», «*Земля без воды – мертва, человек без семьи – пустоцвет*», «*С мужем – нужна, без мужа и того хуже*» и др. подчеркивают важность создания семьи для полноценной жизни человека.
- «*Семья – опора счастья*»: семья является источником радости и счастья.

- Почитание старших и воспитание детей: *«Не оставляй отца-матери на старости лет»*, *«Дети родителям не судьи»* и др. говорят о необходимости уважения к старшим и их мудрости.
- *«Кто родителей почитает, тот во веки не погибает»* подчеркивает благословение, которое приносит уважение к родителям.
- *«Живы родители – почитай, померли – поминай»* акцентирует важность традиционного поминовения ушедших родителей и сохранения памяти о них.

Эти пословицы и поговорки отражают основные ценности русской культуры в отношении семьи, брака и взаимоотношений между поколениями. Они служат напоминанием о важности сохранения семейных традиций, уважения к старшим и ответственного отношения к выбору жизненного партнера.

МИП 1/4 «Семейное воспитание» в русской культуре традиционно занимает важное место. В настоящем МИП отражены стереотипы о воспитании детей, о его последствиях, об ответственности родителей:

- Роль семьи в воспитании: *«Добрая семья прибавит ума»* и *«Родительское слово мимо не молвится»* подчеркивают значение семьи в формировании личности ребенка.
- *«Родители трудолюбивы, и дети неленивы»*, *«Каков отец, таков и молодец»*, *«Какова matka, таковы и детки»*, *«Как отец относится к матери, так и дети относятся к ней»*, *«Дурной рыбац – дурные сети, дурная мать – дурные дети»*; *«Каков отец, таковы и дети»* и др. указывает на важность родительского примера в воспитании детей.
- Отношение к детям: *«Кто матери не слушает – в беду попадет»*, *«Добрый сын – отцу радость, а худой – печаль»*, *«Послушному сыну отцов приказ не ломит спину»*, *«Не та родна дочь, что бежит от дела прочь, а та дочь родна, что на всякой работе видна»*, *«Не та мать, что родила, а та, что вырастила»*, *«Не тот отец, что вспоил, вскормил, а тот, что уму-разуму научил»*, *«Сын хорошим не родится,*

а воспитывается», «Слава сына – отцу отрада» говорят о значении послушания и уважения к родителям.

- *«И от доброго отца рождается бешена овца», «Глупому сыну и родной отец ума не пришьет», «Отец богатый, да сын неудатный», «В глупом сыне и отец не волен», «Глупому сыну не в помощь наследство (не впрок наследство)», «Блудный сын – ранняя могила отцу»* указывают на то, что не всегда дети соответствуют ожиданиям родителей, даже если родители делают все возможное для их воспитания.
- Влияние родителей на детей: *«Отец рыбак – и дети в воду смотрят»* и *«Мать худому не научит»* подчеркивают роль родителей как основных наставников и примеров для подражания.
- *«Как отец относится к матери, так и дети относятся к ней»* говорит о том, что отношения между родителями служат образцом для детей.
- Воспитание в строгости: в средневековой Руси строгость в воспитании детей считалась нормой. Это подтверждают такие поговорки, как *«Наказывай детей в юности, успокоят тебя в старости», «Пусти детей по воле, сам будешь в неволе; кого журят, того и любят», «Без строгости и щенка не вырастишь».*
- Большое влияние на воспитание мальчиков оказывал отец как образец настоящего мужчины: *«Умный сын – отцу замена, а глупый – не в помощь», «Слава сына – отцу отрада», «Из-за плохого сына бранят и отца», «Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял», «Сын запоёт – и отец не уймёт»* и др.

Таким образом, среди множества социальных ролей, которые мужчина играет в русской культуре, одной из самых важных является роль отца-воспитателя. Также отметим, что в русских примерах заметно отражение более значимой роли воспитания в сравнении с генетическим наследством. Русская культура придает большое значение роли семьи и родителей в воспитании детей. Пословицы и поговорки служат свидетельством того, как

важны семейные традиции, уважение к родителям и строгость в воспитании для формирования личности ребенка.

Итак, содержание МАП 1 «Семейное проживание» включает представления о правилах совместного проживания, поведения в семье, о воспитании потомства, а также частично устаревшие представления об иерархии в семье.

МАП 2 «Место проживания». Данное макрополе формируют 4 микрополя:

МИП 2/1 «Родина, родные места». Это МИП содержит представления носителей русской лингвокультуры о родной земле и ее связи с семьей.

- Любовь к родной земле: *«Всякому мила своя сторона», «Родина любимая – мать родимая»* и др. подчеркивают глубокую привязанность человека к месту своего рождения. Это место, где он чувствует себя наиболее комфортно и защищенно.
- *«Рыбам – море, птицам – воздух, а человеку – отчизна»* говорит о том, что также как рыбам нужно море и птицам воздух, так и человеку необходима его родина. Это его естественная среда обитания, где он чувствует себя свободно и уверенно.
- Ответственность перед Родиной: *«Родина – мать, умей за нее постоять»* и др. подчеркивает, что родина, как и мать, нуждается в защите и уважении. Человек должен быть готов защищать свою родину, также как он бы защищал свою семью.
- Значение родины в жизни человека: *«Береги землю родимую, как мать любимую»*: родная земля является неотъемлемой частью жизни человека, источником его силы и вдохновения.

В целом, в русской лингвокультуре родина воспринимается как священное место, источник силы и гордости. Она сравнивается с матерью, которую нужно любить, уважать и защищать.

МИП 2/2 «Родной дом, родовые владения» акцентирует внимание на значении семейного очага, домашнего уюта в семье:

- Значение семейного дома: *«Семья сильна, когда над ней крыша одна»* и *«Без хозяина дом сирота»* подчеркивают важность семейного очага и его роли в жизни каждого человека. Дом – это место, где семья объединяется, где она находит уют и защиту.
- Ответственность хозяина: *«Дом не старше хозяина»*, *«Дом без призора – яма»* и *«В доме хозяин больше архиерея»* говорят о том, что хозяин дома несет ответственность за свое хозяйство и за благополучие своей семьи.
- Противопоставление дома и внешнего мира: *«В гостях хорошо, а дома лучше»*, *«Дома солома едома, а в гостях и овес не едят»*, *«Дома как хочу, а в людях как велят»*, *«Дом дому не указывает»*, *«В своем доме как хочу, так и ворочу»* и др. акцентируют внимание на том, что, несмотря на все прелести внешнего мира, нет ничего лучше родного дома.
- *«Дом с детьми – базар, без детей – могила»* данная пословица подчеркивает, что дети приносят в дом жизнь и счастье, делая его настоящим семейным очагом.
- Поведение в доме и в обществе: *«В людях добро, а дома вольно»*, *«В своем доме и стены помогают»* и др. говорят о том, что дом – это место, где человек может быть самим собой, где он чувствует себя наиболее комфортно.
- *«Когда нет семьи, так и дома нет»* подчеркивает, что дом без семьи теряет свое значение, становится просто зданием со стенами и крышей.

В целом, в русской лингвокультуре родной дом воспринимается как символ семейного уюта, тепла и безопасности. Он ассоциируется с местом, где человек может найти покой, любовь и поддержку. Содержание данного МИП близко к содержанию МИП 1/2 и МИП 1/3.

МИП 2/3 «Ведение семейного хозяйства». Данное МИП содержит представления о семейной экономике, семейном бюджете, семейной ответственности за благосостояние всех членов семьи, о важности труда как

средства поддержания этого благосостояния. Если в китайской лингвокультуре мы видим большое количество примеров, демонстрирующих серьёзную озабоченность семейным благосостоянием и вероятностью разорения семьи, то русские примеры, скорее, отражают необходимость ежедневного вклада в домашний очаг для поддержания благополучия семьи.

- *«Дом дело найдёт», «Дом вести – не лапоть плести», «Дом невелик, да лежать не велит», «Домок невелик, да садиться не велит»* и др. подчеркивают, что ведение домашнего хозяйства требует постоянных усилий и внимания.
- Семейная экономика: *«Всякий дом по большую голову стоит»* и *«Дом вести – не вожжами трясти, а надо концы с концами свести»* акцентируют внимание на важности управления семейным бюджетом и необходимости контролировать расходы.
- Ответственность за благосостояние семьи: *«Не велика семья, а все едоки»* подчеркивает, что каждый член семьи вносит свой вклад в семейное благосостояние и имеет свои потребности.

МИП 2/4 *«Животные как члены семьи / средство поддержания семьи»*: *«Кому свинья, а нам – семья», «Корова на дворе – харчи на столе»; «Казак сам не поест, а лошадь покормит», «И собака помнит, кто её кормит»* и др. Настоящее МИП немногочисленно, и русские поговорки гораздо более образны, чем китайские примеры. Так, первый обозначенный пример отражает включение домашних животных в семейный круг родства, в то время как китайские выражения просто описывают домашних животных как часть семейного быта.

Таким образом, МАП 2 *«Место проживания»* включает представление о родной стране и семейном доме как о месте проживания. Данное макрополе также содержит представления о признаках семьи как дома и дома как семьи, представления о семейном бюджете и семейной экономике. Еще в настоящее МАП включены представления о животных, которые для некоторых носителей русской культуры могут включаться в члены семьи.

МАП 3 «Семейные отношения». Эти пословицы и поговорки отражают ценностные представления русского народа о семейных отношениях.

МИП 3/1 «Уважение и почтение в семье». В русской лингвокультуре акцентируется внимание на важности гармонии, уважения и взаимопонимания между членами семьи. Приведем примеры:

- *«В семье дружат – живут не тужат», «Вся семья вместе, так и душа на месте», «Человек семьею крепок», «В своей семье всяк сам большой», «В семье дружат – живут не тужат», «В родной семье и каша гуще», «Где семья дружна, не страшна беда», «В недружной семье добра не бывает», «Вся семья вместе, так и душа на месте», «Хоть тесно, да лучше вместе», «В семье согласно, так идет дело прекрасно», «Русский человек без родни не живет», «Согласье в семье – богатство», «Семья сильна, когда над ней крыша одна», «В дружной семье и в холод тепло», «Семейное согласие всего дороже», «Согласие да лад – в семье клад», «Согласную семью и горе не берет» и др.* подчеркивают, что гармония и согласие в семье являются ключевыми факторами благополучия.
- Значение семьи для человека: *«Дерево держится корнями, а человек семьей», «Земля без воды мертва, человек без семьи – пустоцвет»* и др. акцентируют внимание на том, что семья является неотъемлемой частью жизни человека, его опорой и источником силы.
- Даже пословицы с негативной оценкой подчеркивают важность нахождения гармонии в семье, особенно когда ее нет: *«В недружной семье добра не бывает», «Когда нет семьи, так и дома нет», «Не будет добра, коли в семье вражда», «В семье разлад, так и дому не рад», «Намеки да попреки – семейные пороки».*

В целом, эти пословицы и поговорки отражают традиционные представления русского народа о семье как о крепком союзе, основанном на взаимном уважении, любви и поддержке. Они также подчеркивают важность

сохранения гармонии и согласия в семье для обеспечения ее благополучия и процветания.

МИП 3/2 «Любовь мужа к жене/жены к мужу».

Данное МИП описывает исключительно отношения между такими членами семьи, как муж и жена:

- Доверительные отношения: *«Птица крыльями сильна, жена мужем красна», «Муж с женой как рыба с водой; есть что – вместе, чего нет – пополам»* – муж и жена делят все радости и трудности жизни, *«Жена красна мужем, а муж – женой с детьми», «За хорошим мужем жена молодеет», «Муж крепок по жене, а жена крепка по мужу», «Всякая жена мужем красна, а муж женою славен», «Муж с женой бранится, да под одну шубу ложится»* и др.

В содержание МИП включены представления носителей русской культуры о супружеских отношениях, которые описываются как партнерские и взаимные. Наиболее часто отмечены примеры, где подразумевается обязательность взаимодействия в отношениях супругов. Многие русские пословицы и поговорки подчеркивают важность жены в семейной жизни.

- Жена играет ключевую роль в семейной жизни: *«Без мужа что без головы, а без жены что без рук», «Дом с хорошей женой – рай; хорошая жена – юрта»*: хорошая жена создает уют и комфорт в доме, *«Муж – голова, жена – шея», «У мужа полтина, и у жены половина», «Не надобен и клад, коли у мужа с женой лад», «С доброй женой горе – полгоря, а радость вдвойне», «Хозяйка в дому – что олады в меду», «Умная жена, как нищему сума (все сбережет)», «Добрую жену взять – ни скуки, ни горя не знать»* и др.
- Негативное поведение и отношение: *«И дура жена мужу правды не скажет», «Муж не знает, где жена гуляет», «Железо уваришь, а злой жены не уговоришь», «Дважды жена мила бывает: как в избу введут, да как вон понесут»* и др.

- Патриархальные взгляды, отражающие двойные стандарты в отношении мужчин и женщин: *«Мужнин грех за порогом остается, а жена все домой несет», «Муж согрешил, так в людях грех, а жена согрешила, домой принесла».*
- Отношение к разводу: *«Женитьба есть, а разженитьбы нет»* – развод осуждается, и семейные узы считаются священными.

Отношения между мужем и женой являются ключевыми для семьи и отражены во множестве русских пословиц и поговорок. Они подчеркивают важность взаимопонимания, поддержки и гармонии в семье, а также освещают различные аспекты семейной жизни, включая патриархальные взгляды.

МИП 3/3 «Любовь родителей к детям / детей к родителям»: в русской лингвокультуре подчеркивается особая связь и глубокие чувства между родителями и их детьми.

- Бесконечная любовь и забота родителей: *«При солнце тепло, а при матери добро», «На свете все найдешь, кроме отца да матери», «Коли есть отец и мать, так ребенку благодать»* и др. говорят о том, что родительская любовь и забота не имеют границ. *«Материнская душа кривая, материнская любовь слепая», «У сына заболит пальчик, а у матери – сердце», «Нет такого дружка, как родимая матушка», «У матери дети, что на руке пальцы: за который ни укуси, все больно», «Материнская забота в огне не горит и в воде не тонет», «Материнская молитва со дна моря вынимает», «Для матери плохих детей не бывает», «И рябая дочь, да родимая, а и красавица, да чужая», «Материнская ласка конца не знает», «Что материнской рукой дано, то впрок пойдет»* и др. подчеркивают безусловную любовь матери к своему ребенку.
- *«На что и клад, коли дети идут в лад», «Семья без детей что цветок без запаха», «Всякому свое дитя милее»* и *«Дитя хоть криво, да отцу, матери мило», «Дитя хоть гнило, а отцу с матерью всё мило», «Свое*

дитя и горбато, да мило» и др. подчеркивают важность гармонии и уважения в отношениях между родителями и детьми, особую привязанность родителей к своим детям, независимо от их внешних или внутренних качеств.

Уважение к старшим в русской культуре занимает особое место. В русском языке много пословиц, которые выражают почтение к своим родителям:

- *«Не оставляй отца и матери на старости лет, и Бог тебя не оставит»*, *«Отца с матерью почитать – горя не знать»*, *«Родителям воздай почет – твой сын тебе его вернет»* и *«Кто родителей почитает, тот век не погибает»*.
- Влияние родителей на детей: *«От лося – лосята, от свиньи – поросята»*, *«Яблоко от яблони недалеко падает»* и *«Родители трудолюбивы – и дети не ленивы»* подчеркивают значение воспитания и примера, который родители дают своим детям.
- Значение характера и наследства: *«За что батька, за то и детки»*, *«Орёл орла плодит, а сова сову родит»*, *«Один у Мирона сын, да и тот Мироныч»* и др. говорят о том, что дети часто повторяют путь своих родителей, следуя их примеру и наследуя их черты характера.

Таким образом, русская народная мудрость подчеркивает важность уважения к старшим, особенно к родителям, и роль, которую родители играют в жизни и воспитании своих детей. Эти ценности передаются из поколения в поколение и остаются актуальными на протяжении веков.

МИП 3/4 «Любовь к брату / сестре». Настоящее МИП содержит представления носителей русской культуры об отношениях между братьями и сестрами:

- Взаимная поддержка и солидарность: *«Своя родня по сапогам видна»* и *«Брат за брата, сват за свата»* подчеркивают, что родные всегда поддерживают друг друга, даже в самых трудных ситуациях. *«Дерись, бранись, а за своего держись»* и *«Брат с братом на медведя ходят»*.

- Сходство характера и поведения: *«Каков брат, такова и сестра»* и др.
- Ценность родственных отношений: *«Доброе братство милее богатства»* подчеркивает, что настоящие родственные отношения намного ценнее материальных благ. *«Брат брату головой в уплату»* говорит о готовности братьев жертвовать собой ради друг друга.

В то время как русская культура акцентирует внимание на глубокой привязанности и поддержке между братьями и сестрами, другие культуры, например китайская, могут подходить к родственным отношениям иначе, особенно когда речь идет о финансовых вопросах. Тем не менее, в любой культуре отношения между братьями и сестрами остаются одними из самых важных и ценных.

Таким образом, МАП 3 «Семейные отношения» включает представления носителей русской культуры об отношениях между такими членами семьи, как муж и жена, родители и дети, братья и сестры. Отметим, что если представления об отношениях между супругами, между родителями и детьми у двух исследуемых нами народов довольно похожи, то в представлениях об отношениях между братьями и сестрами есть разница: носители русской культуры считают эти отношения более ценными, чем носители китайской лингвокультуры.

Таким образом, паремии отражают традиционные взгляды русских на семью, на семейное благополучие, которое основано на согласии и ладе, на национальные идеалы мужа и жены, на иерархию отношений между супругами, родителями и детьми, а также оценочные реакции на различные аспекты семейной жизни.

Итак, анализ русского паремиологического материала позволил нам выявить следующие когнитивные признаки, характеризующие традиционный образ семьи: брак оценивается положительно; семья служит опорой и поддержкой во всех начинаниях; семейное счастье в гармонии, согласии и ладе; подчеркивается главенство мужа в семье и его первостепенная роль в обеспечении материального достатка; хорошая жена – это хорошая хозяйка;

хорошая жена бережет честь мужа; отец ответственен за воспитание сыновей; мать, в первую очередь, ассоциируется с эмоциональной теплотой, безоговорочной привязанностью к своим детям, заботливостью и добросердечием; воспитание детей – одна из главных функций семьи; любовь родителей к детям – безусловная, но дети должны воспитываться в строгости; дети должны почитать старших; семья ассоциируется прежде всего с родным домом, родными местами; семья – это совместное проживание, одно хозяйство (то есть в образ могут быть включены не только близкие родственники, но и другие люди, слуги и домочадцы, а также животные).

Так как пословицы отражают традиционные взгляды русской культуры на семью и содержат устоявшиеся трактовки различных явлений, формировавшиеся на протяжении многих лет, кажется интересным исследовать отношение современных представителей русской культуры к паремиологическому наследию языка. В исследовании [Иванова 2019] представлены результаты экспериментального опроса среди 40 российских студентов Северо-Восточного федерального университета имени М.К. Аммосова. Участникам исследования предлагалось выразить свою степень согласия или несогласия с предложенными пословицами. Результаты исследования показывают, что большинство респондентов согласны с традиционными взглядами на семью, выраженными в русских пословицах. Например, 89% участников абсолютно согласны с утверждением *«Русский человек без родни не живет»*, и 78,5% абсолютно согласны, что *«Семейное согласие всего дороже»*. Однако некоторые пословицы вызвали более разнообразные реакции. Так, только 15,5% абсолютно согласны с утверждением *«Птица в гнезде до осени, дети в семье до возраста»*, в то время как 50% респондентов не согласны с этим утверждением. Это может указывать на изменение традиционных взглядов на длительность пребывания детей в семье или на их самостоятельность. Как видим, данные этого

исследования коррелируют с результатами наших ассоциативных экспериментов (см. главу 2).

3.2. Концептосфера СЕМЬЯ /家 в китайских паремиях

Китайская культура также придает огромное значение концептосфере СЕМЬЯ / 家. Как отмечают исследователи китайской культуры Н.А. Абрамова [Абрамова 2006] и Ж.-Л. Доменак [Доменак 1991], китайская культурная парадигма характеризовалась доминированием семейных интересов над индивидуальными, где личность была полностью поглощена семьей. Например, в древнекитайском языке слово «жэнь» (человек) имело уникальное значение. Его использовали исключительно по отношению к членам семьи или семейного клана, что подтверждается известными китайскими притчами 孔融讓梨 и 孟母之教.

Рассмотрим, как представлена данная концептосфера в китайской лингвокультуре на материале паремий. Известно, пословицы, будучи народной мудростью, отражают устои традиционного общества. При этом наше исследование до сих пор не показало значительное отступление от образа семьи, сформировавшегося в течение веков в Китае, на современном этапе. Современные тенденции при осмыслении семьи акцентируют внимание на положительных переживаниях личности, что подчеркивает издревле сложившееся отношение к семье в восточном обществе. Кроме того, высказывания «простых» людей – не то же самое, что мудрость, собранная веками. В последнем случае мы имеем в виду не только «сиюминутное» отношение к определенному явлению, но и взвешенную, собранную из многочисленных высказываний «простых» людей афористическую мудрость.

Стоит отметить, что существуют исследования, которые анализируют китайский образ семьи на материале паремиологического фонда языка [Дулуба 2015]. Согласно этим исследованиям, семья должна состоять из

некоторого числа близких родственников, при этом отмечается наличие и духовного родства. Известно, что в разных этносах семья считалась самым крепким и надежным социальным звеном, способствующим сохранению национальной культуры.

Проанализировав исследования китайского провербиального фонда, китайские словари пословиц и поговорок, мы сформировали выборку из 209 пословиц, демонстрирующих специфику китайской культуры. Китайцы придают большое значение своим семьям. Семья занимает очень важное место в сознании китайского народа. Мы выделили следующие группы паремий, отражающие осмысление данной концептосферы: «семейные отношения», «родители-дети», «муж-жена», «близкие родственники», «любовь, брак», «дальние родственники», «семейные традиции, дом». В процессе анализа паремий, связанных с концептосферой СЕМЬЯ/家, и их символического значения с учетом этнокультурных особенностей был выделен ряд когнитивных характеристик. Эти когнитивные атрибуты представляют собой ключевые элементы для понимания культурных кодов и ментальных установок исследуемой культуры. Важнейшими из этих когнитивных, концептуальных признаков концептосферы СЕМЬЯ/家 являются следующие:

1. Семья – это одна из основных жизненных ценностей человека.

Китайцы уверены, что один человек очень одинок без семьи: «独木难活» (Одно дерево тяжело растет); «孤雁难飞» (Один гусь далеко не летает); «没有妻子, 没有猫, 没有丈夫, 没有狗» (Когда нет кошки, когда нет мужа, когда нет жены, когда нет собаки) – жизнь в одиночестве представляется трагедией. Представление о семье как родстве «костей и плоти» выражено паремией «骨肉之亲». В культурном и социальном контексте семья традиционно рассматривается как основа общества, предоставляющая духовное убежище и социальную поддержку. Этот аспект подчеркивается во множестве народных пословиц и поговорок, которые отражают глубокие

ценностные ориентиры и ментальные установки народа Китая. Семья служит не только физическим, но и духовным пристанищем, где каждый член семьи может найти понимание, любовь и поддержку. Пословицы и поговорки, связанные с семьей, служат своеобразным отражением общественного сознания и культурных традиций, подчеркивая роль семьи как непреходящей ценности «家在千日好,出门一日难» (Внутри семьи порядок, а снаружи не все гладко); «在家千日好 出门半日难» (Тысяча дней в семье радость, полдня без семьи – печаль); «家有千口, 主事一人» (Сколько бы ни было в семье людей, один лишь старший в ней). «家和万事兴» (Все идет на спор и лад, когда в семье мир и дружба царят), «一家人不说两家话» (В семье никто не говорит двумя языками) – в данных пословицах отражается совместное преодоление проблем, указывается на роль душевной атмосферы в семье для решения самых разных вопросов. Семьи в китайской культуре были очень большие, исторически по пять поколений могли жить под одной крышей. Это позволило сравнить семью с тремя армиями: «家半三军» (Семья – это как половина из трех армий, так как китайская армия также была большой и делилась на три части: пехоту, кавалерию и военно-морской флот).

2. В семье главное – гармония.

С древних времен Китай был страной, которая ценит семейную гармонию, многие китайские пословицы и поговорки отражают концепцию семьи, стремящейся к гармонии. «家和百事成, 不和万事空» (Семья в гармонии – все будет успешным, а не в гармонии – все пустым); «家和万事兴» (Если в семье царит мир, то все процветает); «家有一心, 黄土变成金» (Когда семья в единстве, земля превращается в золото); «家不和, 外人欺» (Когда в семье не ладят друг с другом, посторонние люди пользуются этим).

3. Семья – это родной дом.

Многие китайские пословицы показывают, что даже если родной дом очень ветхий и бедный, он дорог для китайца: «金窝银窝不如自己的草窝»

(Дом соломенный, но свой, дороже золотого, но чужого). Эта пословица о том, что независимо от привлекательности и комфорта других мест, родной дом всегда будет местом, где человек чувствует себя наиболее защищенно, комфортно и спокойно. Она подчеркивает ценность семейного очага, тепла и уюта, который может предоставить только родной дом. В широком контексте эта пословица также может быть интерпретирована как призыв ценить свои корни, традиции и культурное наследие; «在家千日好, 出外一时难» (В доме родном дни летят безмерно, за порогом мгновенье вечностью станет); «家书抵万金» (Весточка из родного дома дорогого стоит); «吃尽滋味盐好, 走遍天下家好» (Самое вкусное в мире – соль, самое лучшее место – дом). Все в родном доме дорого: «梁园虽好, 不是久恋之家» (Сад императора Ляо-сяо не сравнится с родным домом), даже старые вещи: «家有敝帚, 享之千金» (Своя ломаная метла метет, за тысячу золотых монет не отдам). Ничто не может сравниться с уютом своего дома, даже великолепные сады императора Ляосяо, и даже старые предметы домашнего обихода ценятся очень высоко: даже поврежденную метлу, принадлежащую семье, не отдадут за тысячу золотых монет.

4. Семьи бывают разные, но проблемы должны решаться внутри семьи.

«各家都有自己的难处» (В любой семье есть сложности); «家家有本难念的经» (В каждой семье есть человек, который трудно читает молитву) – это также более мягкий вариант русской пословицы «*В семье не без урода*». Следующие паремии выражают смысл, что все проблемы должны решаться внутри семьи без посторонних: «家丑不可外扬» (Сор из избы не выносить); «清官难断家务事» (Домашние проблемы даже чиновнику не разобрать) – ср.: русскую пословицу «*Не выносить сор из избы*»; «兄弟明争暗斗, 但在外人面前团结一致» (Братья могут ссориться между собой, но перед посторонними они объединяются).

5. Не стоит вступать в брак слишком рано.

Значимо то, что в контексте китайской культуры, под влиянием конфуцианского принципа параллелизма между семьей и государством, благосостояние семьи воспринимается как социальное дело, требующее участия всех ее членов, тогда как вопросы любви и заботы могут быть отодвинуты на второй план. Именно поэтому так важно выбирать «подходящего» супруга или «подходящую» супругу. «只要嫁得好，不要嫁得早» (Выходи замуж за правильного человека, а не в раннем возрасте). В китайском языке есть пословицы и поговорки о том, что женщины будут крайне неосмотрительны при раннем вступлении в брак, они должны вступать в брак по собственной воле и прислушиваться к своему сердцу: «男怕入错行，女怕嫁错郎» (Девушка боится выбрать неправильного мужа, а парень боится выбрать неправильный труд); «结婚不宜早，只要配的好» (Жениться нельзя слишком рано, обязательно нужно подходить друг другу); «强迫不成买卖，捆绑不成夫妻» (Принуждение не подходит для торговли, связывание не подходит для супружеской пары).

6. В семье должны быть любовь и согласие между супругами.

Большое количество поговорок об отношениях между мужем и женой, о гармонии в браке: «夫妻一心，其利断金» (Когда муж и жена единомышленны, их сила разрывает золото); «白头偕老» (Седеть вместе до старости – о счастливом браке); «宁拆一座庙，不毁一桩婚» (Лучше разрушить храм, чем разрушить брак); «患难夫妻恩爱多» (Нуждающаяся пара любит друг друга.); «有情人终成眷属» (Тот, кто любит, в конце концов станет семьей); «夫唱妇随» (Кто поет – тот муж, кто подпевает – та жена); «男主外，女主内» (Жена ведет быт, а муж – внешние дела); «风雨同舟» (Укрываться одним одеялом – «Вместе преодолевать трудности»); «少年夫妻，老来伴» (Молодая супружеская пара, вместе в старости); «情话如酒，甜而又醉» (Слова любви как вино: сладкие и пьянящие); «金玉良缘» (Союз золота и драгоценных камней – об идеальном и благословенном браке); «三生三世，恒河沙数»

(Три жизни, три мира, число песчинок в вечной реке – о бесконечной и вечной любви); «心心相印» (Отпечатки сердец – о глубокой связи между людьми); «如胶似漆» (Муж и жена подобны клею – о неразрывности и связанности супругов); «情如海深» (Любовь глубока как океан); «爱情崇高, 如山巍峨» (О величии и устойчивости истинной любви); «患难夫妻真情深» (В беде раскрываются чувства между супругами); «日夫妻, 百世恩怨» (О прочности супружеских уз); «真爱如酒, 越陈越香» (Истинная любовь как вино – со временем становится только лучше); «缘分天注定» (Судьба предопределена небесами). Пословиц о любви как глубоком личном отношении в китайской культуре не так много, поскольку межличностные отношения в традиционном обществе зачастую менее выразительны. Интересно, что понятие любви здесь, как и во многих представленных выше высказываниях китайцев, отражается не только как чувство мужчины и женщины, но и в более широком смысле.

Ряд паремий выражают отрицательные оценки: «情深不寿» (Глубокая любовь не длится долго); «婚姻是爱的坟墓» (Брак – это могила любви); «成家容易养家难» (Семью создать легко, но содержать труднее).

Китайцы придают большое значение отношениям между мужем и женой и верят, что только если муж и жена живут в любви и гармонии, жизнь может быть счастливой. Например: «一日夫妻百日恩» (Однажды став супругами, нужно быть нежными и заботливыми друг к другу всю жизнь); «夫妻恩爱苦也甜» (Муж и жена взаимно любят друг друга, даже если жизнь тяжелая, они чувствуют себя сладко); «亲不过两口» (Муж и жена – самые близкие).

7. Мужу в семье отводится главная роль.

В следующих пословицах подчеркивается доминирующее положение мужа в китайской традиционной семье: «男尊女卑» (Муж руководит женой); «天命不可逃, 夫命不可违» (Невозможно избежать судьбы, приказ мужа не

должен нарушаться); «嫁鸡随鸡嫁狗随狗» (За кого замуж выдадут, с тем нужно и жить); «夫唱妇随» (Муж начнет песню, жена вторит ей, ведь за мужем шагает жена, как тень за днем); «在家从父, 出嫁从夫» (До свадьбы отцу внимай без смирненно, а после – мужу следуй, как звезде на небесах); «夫者, 妻之天也 男主外» (Небеса для любящей жены – это ее муж).

В древней конфуцианской культуре особое внимание уделялось уважению к старшим, что считалось фундаментальным долгом каждого человека. Эта идея была настолько важной, что даже слово «отец» в китайском языке представлялось иероглифом, изображающим руку, держащую топор – 父. Этот символ подчеркивал авторитет и власть отца в семье, а также его роль как защитника и опоры для всех членов семьи.

Старший мужчина в семье, обычно отец, имел особый авторитет, и его слово было законом для всех членов семьи. Это включало в себя право принятия решений относительно брака детей, а также других важных семейных дел. Эта иерархическая структура была основой общественного порядка и была отражена во многих аспектах китайской культуры, включая язык. Самым главным в иерархическом устройстве семьи в Китае считался старший в роду.

8. Родители являются самым дорогим, что есть у каждого человека.

В китайской культуре почитание родителей стоит на первом месте: «百善孝为先» (Из всех добрых дел почитание родителей стоит на первом месте); «水有源, 树有根, 不认爹娘如畜生» (Дерево имеет корень, река имеет исток, родителей не почитает только животное); «树欲静而风不止, 子欲养而亲不待» (Дерево хочет продолжения, но ветер не останавливается; ребенок хочет заботиться о родителях); «高尚的智者, 贤良的达官, 善良的父亲, 孝顺的儿子» (Сановники честны, мужья умны, отцы добры, сыновья уважительны); «若孩子不听从父母, 其伤害显而易见» (Непослушание детей приводит к беде); «羊有跪乳之恩, 鸦有反哺之义» (Материнское молоко

спасёт ягнёнка); «对父母养育之恩的报答, 也是对人类劳动尊重» (Родителей почитать – людской труд уважать); «百善孝为先» (Главное качество юношей – любовь к отцу и матери); «忘恩负义的孩子是丑陋的» (Без благодарности дети звереют); «儿不嫌母丑, 狗不嫌家贫» (Сын не думает о красоте матери; собака никогда не укусит своего хозяина). Роль памяти к культуре и роль памяти к близкому, подарившему биологическую и социальную жизнь, убедительно отражены в значении данных пословиц. Философское отношение к семье обусловлено большой духовной глубиной восточного сообщества, вынужденного решать проблемы в основном на духовном уровне, поскольку социальный уровень в традиционном социуме носит достаточно деспотичный характер. Пословицы также демонстрируют жесткое отношение к нарушителям социальной нормы уважения к родителям.

9. Любые дети – лучшие для своих родителей: «刺猬认为自己孩子的皮肤. 是柔软的» (Люди часто не видят недостатков своих детей из-за сильной привязанности к ним); «别人家的米好, 自己家的孩儿好» (Рис у соседа хорош, а свои дети все равно краше). Дети – наше богатство: «瘦犬是主人的荣誉, 智慧的儿子是父母的自豪» (Неупитанная собака – позор хозяину, умный сын – гордость для родителей). Дети приносят счастье: «有儿女就有欢笑» (Где дети, там и смех). Дети – лучше любых богатств: «为何需要财富, 当你有出色的孩子?» (Что может быть ценнее, чем великолепные дети?). «有好儿子比有钱好» (Хороший сын лучше больших денег). Важность многодетности в семье акцентируется следующими высказываниями: Одна ветка не даст большого пламени, как и один сын требует особого внимания: «一根木棍难以燃烧, 一个儿子难以教育» (Одинокая ветка слабо горит, одного сына сложнее воспитать). Как дерево

питается через корни, так и человек через своих детей: «树通过根部生长, 人通过子孙繁衍» (Дерево живет благодаря корням, человек – благодаря потомкам). Однако существует и другая точка зрения, подчеркивающая качество, а не количество: Если у тебя уже есть сын, зачем еще один?: «有一个出色的儿子, 为何还需更多»? Есть также пословицы в китайском языке, которые, выражая отношения между родителями и детьми, показывают, что родители не избегают своих детей, даже если у них есть недостатки. Например: «父亲最懂儿子» (Отец лучше всех понимает своего сына). «母亲的眼中最了解女儿» (В глазах матери – наилучшее понимание дочери); «孩子再丑也是自己的» (Неважно, насколько уродлив ребенок, важно, что он свой); «儿女都是父母身上肉» (Дети как мышцы на теле родителей, они являются их частью). Содержание 21% выделенных нами пословиц о семье связано с родителями. Представители китайского народа считают своей святой обязанностью содержание родителей в старости. В рамках этой культуры принято считать, что люди, способные проявлять глубокую заботу о родителях, включая сложные обстоятельства, в отношениях с другими поведут себя честно, не проявят неблагодарность.

10. Мать – символ любви и заботы.

«鸡可能不会有三条腿, 但母亲的心总是为她的孩子加倍» (У курицы не может быть трех ног, но сердце матери всегда удваивается для ее детей). «猫爱她的家, 狗忠于主人, 孩子永远依赖母亲» (Кошка любит свой дом, собака верна своему хозяину, а дети всегда зависят от своей матери). «即使孩子不说话, 母亲也能理解他的心声» (Даже если ребенок молчит, мать может понять его внутренний голос). «母亲的爱如同清澈的溪流» (Любовь матери подобна чистому ручью) – подчеркивает нескончаемую и чистую любовь

матери к ее детям; «母亲的怀抱是最温暖的地方» (Объятия матери – самое теплое место) – так описывается ощущение безопасности и комфорта, которое дарят объятия матери; «母亲的话语, 如同晚上的灯火» (Слова матери похожие на свет лампы в ночи, т.е. всегда являются ориентиром в темные времена); «母亲的爱是无尽的» (Материнская любовь бесконечна); «舐犊情深» (Эта пословица выражает идею о глубокой материнской любви, сравнивая заботу матери о своих детях с той, которую корова проявляет к своему теленку, облизывая его); «母亲的爱如无尽的河流» (Любовь матери подобна бесконечной реке, что подчеркивает нескончаемую заботу и привязанность к своим детям); «手中的宝石» (Драгоценный камень в руке – о дорогом и любимом ребенке, в особенности о дочери); «母心如热烈的阳光» (Сердце матери подобно теплому солнцу, дарящему свет и тепло); «孩子的第一个导师是母亲» (Первый наставник ребенка – это его мать); «小鸟依赖母鸟» (Пташка зависит от своей матери, как растение от своего корня); «孩子走得越远, 母亲的心越担心» (Чем дальше ребенок уходит, тем больше мать переживает); «对于孩子, 母亲就像无边的天空» (Для ребенка мать подобна бескрайнему небу, она – его опора, его мир, его защитник. Она заботится о ребенке, питает его, оберегает его. Выражение подчеркивает неопределимую роль матери в жизни ребенка и то, как мать может повлиять на благосостояние и развитие ребенка); «孩子在母亲的怀抱中甜甜入睡» (В объятиях матери ребенок погружается в сладкий сон). «家中的珍宝是妈妈» (Мать – это драгоценность каждого дома). «孩子对母亲的需求如同植物对阳光的渴望» (Дети стремятся к матери так, как растения стремятся к

солнечному свету, выражение подчеркивает жизненную важность матери для благополучия детей). Большое количество пословиц говорит о ценности матери с точки зрения детей: «若有哺乳，便是母亲的温暖» (Если есть питание, то это тепло матери); «父亲是支柱，母亲是避风港» (Отец – это столп, а мать – убежище от бурь); «母爱深沉，孩子回报以孝道» (Материнская любовь безгранична, а дети отвечают ей почтением); «各找各妈» (Каждый ищет свою маму – это выражение обычно используется в ситуациях, когда люди заботятся только о себе, особенно в трудные времена. Это выражение подчеркивает индивидуализм и эгоизм, которые могут проявляться в кризисных ситуациях, когда люди могут быть более склонны заботиться о себе, а не о других. В данном контексте это подчеркивает значимость матери как кого-то, кто всегда является основным источником поддержки и заботы, несмотря на обстоятельства); «优质的种子产出优质的谷物，杰出的母亲培养出杰出的女儿» (Качественные семена дают качественные зерна; выдающаяся мать воспитывает выдающуюся дочь); «妈妈是孩子的第一任老师» (Мать является первым учителем своих детей, сердце которого наполнено любовью и бесстрашием); мать дает жизнь: «儿是娘身肉» (Дети – часть матушки); «母凭子贵» (Если мать родила сына, то она будет уважаема). Будучи строгой, мать помогает своему ребенку развиваться и становиться лучше подготовленным к будущим трудностям жизни. Это может включать в себя физическое наказание как метод коррекции поведения, хотя этот аспект стал более спорным в современном обществе: «妈妈打儿子 – 心中有数» (Мама бьет сына, имея в виду некоторую меру – паремия подчеркивает, что даже когда мать кажется строгой или наказывает ребенка, она делает это из любви и с тем, чтобы урок был выучен. Имеется в виду некий дуализм в роли матери, которая одновременно должна быть нежной и заботливой, но также строгой и настойчивой, когда это необходимо

для блага ребенка). Успешный сын поднимает авторитет матери в глазах окружающих: «子的成就是母的荣耀» (Достижения сына - гордость матери); «用笔描绘熊猫» (Искусство материнства) – это выражение используется для выражения глубокого уважения и признания роли матери в области воспитания детей. Фразеологизм основан на истории о матери Оуян Сю, известного государственного деятеля и поэта, которая преподавала ему, рисуя знаки на земле тростником. В китайской культуре, где образованию традиционно придается большое значение, способность матери передавать знания и навыки своим детям особенно ценится.

11. Отец – наставник, опора и защита семьи.

Во многих пословицах отражается уважение к жизненному опыту и знаниям отца: «父亲的智慧如海之深» (Мудрость отца глубока, как океан); «父亲的教诲如山之高» (Наставления отца высоки, как горы); «听从父亲的指引, 你不会迷路» (Следуя указаниям отца, ты не заблудишься); «父亲是家里的顶梁柱» (Отец – опора дома); «父亲的言语, 如同黄金» (Слова отца похожи на золото); «父亲是家的脊梁» (Отец является основой семьи); «良好的父亲胜过百名教师» (Отец – хороший руководитель); «父亲的言传身教, 永远是最好的教诲» (Личный пример и слова были всегда самыми лучшими уроками). Китайские паремии подчеркивают любовь отца к детям: «孩子是父亲的宝贝» (Ребенок – это сокровище отца); «父之翼, 子之天» (Крылья отца – это небо для ребенка); «父亲的心痛, 如刀割» (Боль отца как резка ножом) – о переживаниях отца за ребенка; «父爱如山, 母爱如水» (Любовь отца подобна горе, любовь матери подобна воде) – эта пословица подчеркивает крепкую любовь отца и мягкую, теплую любовь матери. О сложной и вместе с тем значительной роли отца в семье говорят следующие паремии: «父亲的责任重如山» (Обязанности отца тяжелы, как гора); «父亲的天堂是家, 孩子的天堂是母亲» (Семья – это царство отца, мир матери – это рай ребёнка). Группа паремий также репрезентируется признаком «отец

кормит, воспитывает и обеспечивает детей» (44 примера): «父亲在世时, 观察他的行为; 当父亲去世, 怀念他的遗愿» (Когда отец жив, наблюдай за его действиями; когда он ушел, помни его желания); «如果父亲不知道如何耕作, 儿子也不会播种» (Если отец не знает, как обрабатывать землю, сын тоже не будет знать, как сеять) и др.

В анализируемом материале насчитывается 88 пословиц с упоминанием слова «отец», что обозначает его центральное место в китайской семейной иерархии. Современные представители Китая также утверждают, что роль отца в процессе воспитания потомства является ключевой. Многие убеждены в том, что мнение отца для детей имеет первостепенное значение и отец, в свою очередь, должен быть образцом для своих наследников. Сопоставление данных ассоциативного эксперимента с классическими значениями паремий показывает: портрет отца претерпевает лишь незначительные изменения. Тем не менее, подобно образу матери, современное восприятие «отца» включает в себя больше оценочных аспектов.

12. Родители влияют на формирование характера и мировоззрения своего ребенка.

Почти 20% проанализированных нами пословиц связано с отношениями детей и родителей: «杂草铲除要趁早, 孩儿教育要从小» (Сорняки нужно удалять как можно раньше, а детей воспитывать с самого младенчества. Паремия подчеркивает важность раннего вмешательства или действий в обеих ситуациях: удалять сорняки, пока они еще маленькие и легко удаляются, и начинать воспитание детей на раннем этапе, пока они еще формируют свои привычки и характер); «春耕不好害一春, 教儿不好害一生» (Плохая весенняя посадка принесет вред всему урожаю весны, плохое воспитание ребенка принесет вред всей его жизни). Выражение подчеркивает важность качественной подготовки и заботы в начале процесса, будь то

возделывание земли или воспитание ребенка, так как это имеет долгосрочные последствия); «严是爱, 松是害, 不管不教要变坏» (данная пословица в китайском языке выражает идею, что строгость и дисциплина в воспитании детей являются проявлением заботы и любви со стороны родителей. Считается, что слишком мягкое воспитание может привести к негативным последствиям, в то время как недостаточное внимание к воспитанию детей также может привести к плохим результатам. Пословица подчеркивает важность баланса между строгостью и нежностью в процессе воспитания, чтобы обеспечить положительное развитие детей); «落叶归根» (Как листья возвращаются к своим корням, так и человек должен вернуться к своим истокам, своей родине или семье. Это выражение подчеркивает важность сохранения своих корней, культурной и идентичности, даже если человек находится вдали от своего родного места); «树欲静而风不止, 子欲养而亲不待» (Дерево желает покоя, но ветер не утихает; дитя стремится заботиться, но родители уже не рядом. Эта пословица отражает иронию судьбы и неизбежность времени, когда дети осознают свою ответственность перед стареющими родителями, но иногда это осознание приходит слишком поздно. Эта фраза отражает сложности и несовершенства взаимоотношений и жизни, где желания и реальность не всегда совпадают); «养儿防老, 积谷防饥» (призывает к заботе о детях и сохранению ресурсов для будущего. Она говорит о важности сохранения и инвестирования в детей, чтобы в будущем они могли поддержать и помочь своим родителям, а также о необходимости накопления запасов, чтобы справиться с трудностями и недостатками в будущем); «教无方, 如养兽» (Учить без метода, все равно, что выращивать зверя – пословица выражает мысль, что обучение и воспитание играют ключевую роль в развитии и формировании личности ребенка). Ряд пословиц отмечает, что дети во многом подражают родителям: «娘勤女不懒, 爹懒儿好闲» (Мать старательная – дочь не ленивая, отец ленивый – сын

бездельник); «好种出好苗» (От доброго семени – добрый всход); «父是英雄儿好汉» (Отец – герой, дети – молодцы). «孩子继承父母的特质: 父母的影子在孩子身上» (Дети несут тень своих родителей); «龙生小龙, 凤生小凤, 鼠子学会挖洞» (Маленький дракон рождается от дракона, маленький феникс рождается от феникса, а маленькая мышь учится рыть норы); «有其父必有其子» (Каков отец, таков и сын). Подчеркнем, что содержание всех выделенных нами 17 пословиц о детях отражает главное для китайцев в деле воспитания подрастающего поколения – дать достойное образование. Поскольку способный ребенок для жителя Поднебесной считается бесценным сокровищем, а юные создания воспринимаются как отражение родителей, акцент на тонкий интеллект показывает глубокую важность этого когнитивного признака.

В Китае родители придают большое значение воспитанию своих детей с раннего возраста: «小树不培育, 长大成弯木» (Если молодые деревья не культивируются, они гнутся); «苗要从小育, 人要从小教» (Саженцы нужно выращивать из маленьких ростков, человека нужно воспитывать с раннего возраста); «教子从小起, 治家勤俭始» (Воспитание детей должно начинаться с их раннего возраста).

Детей следует воспитывать в строгости: «孩子的伤, 母亲的痛» (Боль ребенка – это боль матери); «严格的教育培养孝顺的孩子, 过度的宠爱导致孩子的不孝» (Строгое воспитание формирует уважительных детей, избыточное лелеяние приводит к их неуважению к родителям); «三天不打, 上房揭瓦» (Не жалеете розги, испортите ребенка). Строгий подход к воспитанию детей более явно выражен в китайской лингвокультуре по сравнению с русской, вероятно, это связано с традиционными ценностями и социальными отношениями в китайском обществе. В древнем Китае и в семейной среде было распространено наказание детей, в том числе порка

нерадивых учеников. Даже существовал «обычай, по которому новый ученик, поступая в школу, предоставлял учителю завернутую в красную подарочную бумагу палку» [Малявин 2000, с. 551].

Воспитание сына сравнивается с выращиванием дракона, который является одним из могущественных символов в китайской мифологии: «期待儿子如龙» (Ожидать, что твой сын будет как дракон, что означает верить в его потенциал и способности); «父亲希望儿子有出息, 儿子希望父亲安息» (Отец желает, чтобы его сын достиг великих высот, а сын молится за благополучие отца на небесах); «龙的儿子仍是龙» (Сын дракона остается драконом – паремия выражает мысль о том, что достоинства передаются от поколения к поколению). Отцовская ответственность за будущее сына велика: «不教儿子, 是父亲的失误» (Если сын не образован, вина лежит на отце); «如果父亲不知道如何耕种, 儿子不会知道如何播种» (Если отец не знает, как обрабатывать землю, сын не научится сеять).

Одним из главных желаний отца было увидеть, как его сын создает семью и дарит ему внуков, что гарантировало достойную старость и заботу: «养子为了老年的安慰, 如同树木等待春天的新芽» (Воспитание детей ради благополучной старости сравнимо с деревом, ожидающим весенних побегов); «人为后代留下痕迹, 如同草为了保存其根» (Люди желают оставить после себя потомство, как и трава сохраняет свои корни); «为了老年养育孩子为了饥荒储备食物» (Воспитывать детей для поддержки в старости и накапливать продовольствие на случай неурожая).

13. Сыновняя почтительность.

В Китае основы семейных отношений и воспитания детей строятся на принципах конфуцианской этики, в центре которой стоит понятие «почтения

к родителям». Это означает, что с самого раннего детства детям внушается абсолютное повиновение и подражание отцу. В конфуцианской литературе понятие «孝» – «сыновняя почтительность» – занимает особое место среди всех моральных ценностей. Оно включает в себя уважение к родителям, старшим людям и предкам, признание их авторитета и подчинение. В свою очередь старшие берут на себя защиту младших, обучают их и оказывают помощь в жизни. Сыновняя почтительность для китайской культуры – это основа дружной и благополучной семьи. В следующей поговорке анализируемый образ связывают не только с почитанием родителей, но и с ответственностью, обязательством исполнения данной традиции детьми: «老吾老以及人之老，幼吾幼以及人之幼» (Уважай старших, как своих старших, и заботься о младших, как о своих младших). В китайской культуре неподчинение или агрессия в отношении родителей были неприемлемы. Пословица «永言孝恩，天经地义» (Помнить о своем долге перед родителями – это небесный закон и земное правило) подчеркивает важность благодарности и уважения к родителям. Даже после смерти родителей, по мнению китайцев, необходимо было уважать их память, так как «生前不父母吃，何必死后去祭坟» (Если не покормили живых родителей, зачем идти к могиле после их смерти).

Хотя моральные нормы требовали одинакового уважения и к отцу, и к матери, все китайское нравственное учение базировалось на принципе естественного авторитета отца и безусловного послушания сына. Таким образом, концепции конфуцианства «уделяли высший приоритет отцу как главе семьи» [Дашиева 2011, с. 83].

Итак, в культурной парадигме Китая уважение к старшему поколению представляется как фундаментальная ценность. Этот принцип, известный как «сыновняя почтительность», занимает ключевое место в конфуцианской доктрине и этике, становясь интегральной частью мировоззрения китайцев. Основываясь на постулате конфуцианства, который гласит: «Семья – это

микрокосм государства», можно утверждать, что уважение к старшим и поддержание связей между поколениями являются неотъемлемыми аспектами китайской культурной традиции. Культ предков в Китае не только является религиозным обрядом, но и приобретает значительное социокультурное значение. Для каждого, начиная от простого гражданина и заканчивая императором, быть добродетельным сыном означает посвящать свою жизнь служению родителям, независимо от их жизненного статуса. Этот принцип стоит в основе социальной структуры, интегрируя различные семейные ячейки в единое общество. Таким образом, преданность родителям трансформируется в преданность государству. Конфуцианство переосмыслило этот религиозный культ, превратив его в социальную доктрину с государственным значением. Иерархическая структура государства, где есть император и подчиненные ему, отразилась в отношениях внутри семьи.

Следовательно, в семейных отношениях в Китае присутствует жесткая иерархия, основанная на старшинстве. Даже в повседневных действиях, таких как распределение мест за столом, проявляется глубокое уважение к старшим. Они занимают свои места первыми, а затем присоединяются дети. Этот подход подчеркивает важность старшего поколения и поддержание традиционных ценностей.

В отличие от этого, в русской культуре, на наш взгляд, прослеживается «культ детей». За стол в первую очередь усаживаются дети, что выражает заботу о них и создает атмосферу дружелюбия. Таким образом, русская и китайская культуры демонстрируют различные подходы к организации семейных отношений и распределению ролей внутри семьи.

Китайская культура обогатилась множеством пословиц, которые подчеркивают важность того, чтобы дети были преданы своим родителям: «百善孝为先» (Из всех добродетелей важнейшей является почитание родителей); «子孝父心宽» (Когда сын уважает отца, сердце отца наполняется радостью); «爹养儿小, 儿养爹老» (Отец воспитывает своего сына в юности,

а позже сын содержит отца); «家有一老，如有一宝» (В семье, где есть пожилой человек, есть настоящее сокровище).

Во многих паремиях подчеркивается значимость уроков старших родственников: «祖父的经验是最好的教科书» (Опыт дедушки – лучший учебник); «老人的话是宝贵的财富» (Слова старика – драгоценное богатство); «祖母的故事是生活的指引» (Рассказы бабушки – уроки жизни); «听从老人的忠告，少走许多弯路» (Слушаясь советов старших, можно избежать многих ошибок). «家有一老，如有一宝» (Старый человек в семье – сокровище); «如果家庭是老人，那么这个家庭就有经验» (Если в семье старец – значит в семье есть опыт).

Под опекой дедушек и бабушек дети защищены: «老树的影子下最凉快» (Под тенью старого дерева наиболее прохладно); «祖父母的爱是无条件的» (Любовь дедушек и бабушек безгранична); «儿孙自有儿孙福» (Будущее детей и внуков зависит от их собственных усилий и благополучия).

14. Братья и сестры крепко связаны друг с другом.

Неразрывные семейные связи, крепкие взаимоотношения и поддержка между близкими родственниками, братьями и сестрами раскрываются в следующих пословицах: «父慈子孝，兄友弟恭» (Отец милостив, сын послушен; старший брат дружелюбен, младший – почителен); «兄弟如手足» (Братья и сестры – как руки и ноги); «兄弟同心，其力无坚不摧» (Когда братья единомышленны, нет непреодолимых явлений для них); «兄妹如枝叶，总在一棵树上» (Братья и сестры как листья, и это листья на одном дереве); «本是同根生» (Рождены от одного корня); «兄弟如脚手，失一不可» (Братья как руки, невозможно потерять одну); «虽有争执，兄妹情深» (Несмотря на разногласия, любовь между братом и сестрой глубока); «兄妹之情，胜过千金» (Ценнее, чем тысяча золотых); «手足之情» (Чувство рук и ног) – чувства между родными братьями и сестрами; «兄弟同心，其力断金» (Когда братья

и сестры объединены сердцем, их единство не может разрубить даже золото); «兄妹之间，言语无需多» (Между братьями и сестрами много слов не требуется); «孝子不医亲病，悌弟不共财» (Добрый сын не лечит родителей, хороший брат не делит с братом богатство). Интересное выражение «兄肥弟瘦» (Старший брат богат, младший брат беден) выражает ситуацию неравенства в благосостоянии в семье. Оно также может использоваться для описания семейных динамик, где один родственник успешен и процветает, когда другой испытывает трудности.

Ряд пословиц выражают предостережение о важности соблюдения гармонии внутри семьи: «兄妹不和，外人做官» (Когда братья и сестры не в ладу, посторонние получают пользу); «争斗的兄妹，比不上和睦的邻居» (Ссорящиеся братья и сестры не могут сравниться с гармоничными соседями); «骂在嘴上，爱在心上» (означает, что хотя слова ругани и насмешек могут быть произнесены вслух, но истинные чувства любви и заботы могут скрываться внутри сердца. Это выражение подчеркивает, что внешние высказывания могут быть негативными, но глубоко внутри человека может сохраняться истинная забота и привязанность. Оно указывает на необходимость различать внешнее поведение и истинные эмоции, которые могут быть более глубокими) и др. Пословицы об отношениях между близкими родственниками составляют 19% от общего числа анализируемых китайских паремий. Отношения между братьями занимают особое место в китайских пословицах, где они представлены как положительные (11 примеров), так и отрицательные (14 примеров). Например, в хороших отношениях братья могут быть связаны с семейным процветанием, как в пословицах «为了击败老虎，必须有兄弟的支持» (Для победы над тигром необходима поддержка братьев) и «当兄弟团结，家庭繁荣» (Если братья объединены, семья процветает). Однако конфликты между братьями могут иметь печальные последствия, как гласит пословица «当兄弟

关系紧张，他们的财富会消失» (Если братья разобщены, даже золото в их руках становится бесполезным). Отметим, что старший брат имеет особое значение в китайской культуре, занимает высокое положение в семье и нередко выполняет часть обязанностей отца.

Анализ данных провербиальных единиц показал огромную значимость родственников для китайской семьи. Не стоит отдаляться от близких, членов семьи, ведь благородные, умные потомки ценятся гораздо выше материального благосостояния.

15. Должна быть гармония в родственниках.

Некоторые пословицы вербализуют взаимоотношения между другими членами семьи: «爱花连盆爱，爱女疼女婿» (родители обычно очень заботятся о своих дочерях и невестках, подобно тому, как они ухаживают за цветами, которые растут в горшках. Данная метафора «любовь к цветам в горшках» олицетворяет нежное и заботливое отношение, которое родители испытывают к своим дочерям и их мужьям); «人亲骨肉香» (Это выражение означает, что для человека его родственники (родители, братья, сестры и т. д.) особенно близки и дороги, словно ароматный запах пищи, который ассоциируется с домашним уютом и комфортом); «远亲不如近邻» (Это выражение подчеркивает важность близких отношений с соседями или соседними домами в сравнении с отношениями с дальними родственниками. Оно указывает на то, что иметь хорошие отношения с соседями более ценно и полезно, чем иметь далекие родственные связи).

16. Понятие семьи входит в профессию.

Идеология семьи в соответствии с конфуцианскими принципами проникает в глубину китайской культуры и оказывает влияние на профессиональную сферу. В этом контексте китайцы, а также представители корейской и японской культур, переносят концепцию семьи на рабочее окружение, то есть для китайца руководитель предприятия становится образом отца, а само предприятие – как продолжение семейного круга:

«Один день учитель, пожизненно отец» («日为师, 终身为父»); «Чиновник как родитель» («父母官»).

17. Семья – это родная страна.

С древних времен у китайцев была концепция интеграции дома и страны. «Есть страна, есть дом» – это глубоко укоренившаяся позиция каждого китайца. Семья – это страна, страна – это семья. В семье может быть стабильность только тогда, когда в стране стабильность, но если страна находится в опасности, семья умрет. Например, «徇国忘家» (Для того, чтобы сохранить страну, нужно забыть о безопасности своей семьи); «忧国如家» (Забота о государственных делах – это то же самое, что думать о семье; «安国宁家» (Спокойствие в государстве, спокойствие в каждой семье) и др.

Таким образом, в китайском языке обнаруживается обширный ассортимент пословиц, посвященных семье. Приведенные выше примеры китайских пословиц отражают национальные ценности и убеждения. В результате анализа китайских пословиц мы выявили ключевые аспекты, характеризующие концептосферу СЕМЬЯ / 家, и сделали выводы о традиционных взглядах китайцев: настоящее одиночество связано с отсутствием семьи; в семье ценится гармония; сохранение всего, что связано с домом и семьей, имеет важное значение; вмешательство посторонних лиц в семейные дела нежелательно; уважение к родителям и старшим является постоянной составляющей китайской культуры; семья – это не только дом и близкие, но и вся страна. Важно отметить, что китайские пословицы часто включают исторические элементы. Можно предположить, что собственная культура и история занимают важное место в жизни китайского народа, так же как и семья. Ключевой аспект концептосферы СЕМЬЯ / 家 – это понятие «клан» или «род», а остальные характеристики формируют периферийную часть объекта.

Также необходимо отметить, что в [Иванова 2019] приведены результаты экспериментального исследования среди 40 носителей

современной китайской культуры. В ходе исследования респондентам было предложено выразить свою степень согласия или несогласия с некоторыми известными китайскими пословицами. Результаты опроса были сведены в таблицу, которая содержит информацию о степени одобрения или несогласия с каждой из предложенных пословиц.

Пословица	Абсолютно согласны	Согласны	Не согласны	Абсолютно не согласны
Кто родителей почитает, тот вовеки не погибает 入孝出悌	97,8	2,2	0	0
Муж – руководитель жены 父者子之天也, 夫者妻之天也	8,9	3,4	40,0	47,7
Не слушаешь слова старика, будешь в убытке 老生常谈	77,7	12,3	5,0	5,0
Дружная семья и землю превратит в золото 宜室宜家	67,8	24,7	5,5	2
Мужчина и женщина, муж и жена должны быть едины на всю жизнь 如胶似漆	34,7	49,6	13,5	2,2
Семья – это вся Поднебесная 天下为家	58,6	38,4	3,0	0,0
Старый человек в семье – сокровище 家有一老, 如有一宝	68,9	27,4	3,7	0,0

Мы видим, что современная китайская молодежь не всегда согласна с традиционными ментальными установками, например, сейчас активно оспаривается главенство мужа в семье, постепенно меняется и отношение к разводу, что, несомненно, можно объяснить явлениями глобализации и взаимопроникновением восточной и западной культур.

3.3. Универсальные и культурно-специфические характеристики концептосферы СЕМЬЯ / 家 в исследуемых лингвокультурах

Семья является базовой ценностью любой культуры, ведь именно она сохраняет и передаёт традиции из поколения в поколение. Ценности – это фундамент культуры, «её первотекст, формирующий ценностное ядро языкового сознания и в конечном итоге мировоззрение народа» [Перунова 2011]. При этом в каждой культуре формируется своя модель семьи, которая определяет межличностные отношения, иерархию, определённые правила и установки. Также наблюдается взаимосвязь семьи и государства: отношения

внутри семьи часто являются калькой государственной иерархии. Рассмотрение такого важной концептосферы, как концептосфера СЕМЬЯ в различных языках (тем более существенно различающихся по типологии, по культуре народов, формировавших языки), имеет немалый практический аспект. В частности, сопоставление русского и китайского языков и связанных с ними культур важно для современного экономического, политического, культурного взаимодействия народов России и Китая.

Итак, семья, семейные ценности важны для каждого человека и для каждого народа. Система этих ценностей отражается в пословицах, которые к тому же, как пишет М.В. Долгополова, рассматривая паремии о добре и зле, «помогают человеку расставить нравственные приоритеты» [Долгополова 2019, с. 127], формируют положительное отношение человека к своей семье. В пословицах «содержится информация о самых важных для носителей традиционной культуры ценностях» [Виноградова 2015, с. 53]. Важно, что пословицы являются «неисчерпаемым источником смыслов, которые можно извлечь в том случае, если есть соответствующие фоновые знания» [Долгополова 2020], то есть для того чтобы понять смысл пословиц, выявить с помощью них общие и уникальные черты русской и китайской лингвокультур, необходимо также обратиться к истории соответствующих народов, их культуре, миропорядку (подробнее см. параграфы 1, 2). Следовательно, пословицы и поговорки, находясь на стыке языка и культуры, отражают коллективное сознание и опыт народа, то есть его картину мира. Картина мира, по выражению В.И. Постоваловой, – это «представление о мире, отраженное в человеческом сознании» [Постовалова 1988, с. 8]. Также существует языковая картина мира, носителем которой является язык. Конечно, картина мира с течением временем может меняться, но есть концепты, которые остаются практически неизменными на протяжении многих веков. Одним из таких концептов и является концепт *семья*, входящий в исследуемую концептосферу СЕМЬЯ / 家.

В данном параграфе мы рассмотрим универсальные и культурно-специфические черты концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах.

У лексем «семья» и «家» в словарях выделяются следующие значения:

«1. Группа людей, состоящая из мужа, жены, детей и других близких родственников, живущих вместе: *многодетная семья, дружная семья.*

2. кого или какая. Группа людей, сплочённых общей деятельностью, интересами, дружбой: *школьная семья, живём как одна семья.*

3. Группа животных, состоящая из самца, самки (самок) и детёнышей, живущих вместе: *семья скворцов, волчья семья.*

4. Обособленная группа растений одного вида, произрастающих рядом: *семья кактусов, семья берёзок.*

5. Лингв. Группа родственных языков: *народы индоевропейской языковой семьи*» [Кузнецов 2000, с. 1175].

В китайском языке семантический объем лексемы «семья» шире, чем в русском: каждый из рассмотренных лексикографических источников китайского языка предоставляет на обозрение не менее 10 значений данной лексемы. Если их обобщить, то получится следующее:

1. «Группа близких родственников.
2. Дом.
3. Школа, направление (отсутствует в словаре древнего языка).
4. Знаток, специалист, мастер (значение «знаток» отсутствует в словаре древнего языка).
5. Кабинет или офис (отсутствует в словаре древнего языка).
6. Прилагательное «домашний» (есть не во всех словарях).
7. Счетное слово (не во всех словарях).
8. Фамилия (есть не во всех словарях).
9. Нация (есть не во всех словарях, в том числе отсутствует в словаре древнего языка).

10. Император или князь, императорское правительство (не во всех словарях).
11. Человек какой-либо профессии или на какой-либо должности, или человек, занимающийся чем-то (есть не во всех словарях, в том числе отсутствует в словаре древнего языка).
12. Внутренний (есть не во всех словарях, в том числе отсутствует в словаре древнего языка).
13. Имущество (только в словаре древнего языка).
14. Фирма (есть не во всех словарях).
15. Обращение супругов друг к другу (только в словаре древнего языка).
16. Скромное обращение (не во всех словарях)» [Жуфэн 2001].

Итак, можно отметить, что количество значений у китайской лексики значительно выше, есть уникальные узкие значения, связанные работой, офисом, нацией и государством (метафорические параллели: семья – работа, семья – государство). Таким образом, видно более широкое и глубокое восприятие семьи, действительно пронизывающее многие элементы социального уклада. Здесь определенным образом проявляются культ родства и почтительное отношение к старшим: через перенос значений на «мастера», «императорское правительство» и т. д. Заметим, что переносы не отличаются метафорически характером, как в случае русского языка, а, напротив (судя по культурному контексту), носят более конкретный характер исходя из восприятия семьи в китайском обществе. Более «официальное» отношение к семье проявляется в таком, например, значении, как «фирма», а уважительное – в «скромном обращении» и т. п.

Таким образом, данные толковых словарей показывают различного рода лакуны. Так, лакунарными для русских оказался 家: а) формы обращения (способы, как супруги называют друг друга, уважительное обращение); б) единица измерения (влияние концепции семьи на различные аспекты китайской культуры). В русском языке слово «семья» не

используется ни в каких формулах обращения, в китайском же языке наиболее распространённое приветствие – «大家好!» (Всем здравствуйте!), включающее в себя лексему 家. Это в том числе может указывать и на то, что образ семьи достаточно широк в китайском языке, и лексема 家 может обозначать не только семью в узком значении этого слова (мать, отец, ребёнок или муж и жена), а всех людей, к кому обращается говорящий и кто в данный момент находится в круге его общения.

Лакунарными для китайского языка, в свою очередь, стали значения слова «семья»: а) лингвистическая категория, представляющая собой группу родственных языков, объединенных общим происхождением и структурными особенностями; б) таксономическая группа в биологии, которая включает в себя ряд видов животных с общими генетическими и морфологическими характеристиками. Интересно отметить, что для обозначения «семьи» в контексте животных в китайском языке используется иероглиф «Во», который можно интерпретировать как «гнездо» или «дом животных». Это подчеркивает глубокую связь между понятиями «семья» и «природное пристанище» в китайской культурной и языковой традиции. Можно рассуждать о том, что русские люди и семью животных воспринимают более «социально», закономерно распространяя на братьев наших меньших более духовное понимание взаимоотношений, семьи, ср.: «братья наши меньшие», «Собака – друг человека»; «лебединая верность», «собачья преданность» и т. д. Подобные метафорические переносы могли возникнуть вследствие схожести семейного древа и генеалогического языкового древа, родо-видовые связи между животными также могут быть изображены в виде дерева. Таким образом, русское слово «семья» характеризует не только отношения людей, находящихся в кровном, физическом родстве, но и отношения субъектов, объединенных общей деятельностью или местом обитания.

Рассмотрим основные сходства и различия в концептосферах СЕМЬЯ / 家 в русской и китайской лингвокультурах на основе проанализированных ранее макро- и микрополей.

Так, в МАП «Место проживания» отмечаются следующие общие и различные черты: и для носителей китайского, и для носителей русского языка характерна забота по отношению к членам семьи, в понятие семья / 家 входят не только близкие, но и дальние родственники. Данным культурам традиционно характерно долгое совместное проживание родителей и детей в одном доме, забота о постаревших родителях. В русском языке в семью входят и домашние животные: *«Казак сам не поест, а лошадь покормит, Кому свинья, а нам – семья»* [Даль 2005]. От лошади зависело пропитание семьи, её благополучие. На лошади работали в поле, поэтому если была лошадь, был и хлеб, была возможность прокормить себя и большую семью. Корова также являлась полноценным кормильцем: в деревнях жили в основном за счёт домашнего хозяйства, корова давала молоко, из которого делали сметану, масло, творог и т.д. Такие домашние животные, как кошка, собака и по сей день считаются членами семьи, многие люди даже сравнивают их с детьми.

В МИП «Семейная иерархия» МАП «Семейное проживание» можно увидеть сходства и различия. В русской и китайской культуре прослеживается традиционное представление о доминирующей роли мужчины в семье. Это подтверждается такими высказываниями как: *«Муж в доме - как вершина на храме»* или китайским выражением, которое в переводе звучит как *«Когда муж начинает песню, жена подхватывает её»*, что символизирует гармонию и согласие между супругами, где жена следует за мужем. *«在家从父, 出嫁从夫»* (пока не вышла замуж – слушай отца, а когда вышла – слушай мужа), в то же время в русских поговорках положительно оцениваются тёплые, гармоничные отношения в семье: *«В семье дружат – живут не тужат»*; *«Хоть тесно, да лучше вместе»*; *«Согласье в семье – богатство»* [Даль 2005]. В русской языковой картине мира немаловажную

роль играют отношения мужа и жены, в пословицах мы находим своеобразные инструкции, как должна вести себя жена, каким должен быть муж. В китайских изречениях этому уделяется не так много внимания, семья рассматривается в целом как институт, а не как взаимоотношения двух людей. В китайской семье глава семьи – старший в доме, все остальные должны беспрекословно ему повиноваться и уважать его. При этом если в русской семье уважение к старшим расценивается как добровольное выражение почтения, как что-то, за что воздастся в будущем: *«Родителям воздай почет – твой сын тебе его вернет»*; *«Отца с матерью почитать – горя не знать»* [Даль 2005]; то китайская семья предполагает более строго регламентированные отношения между ее членами с вертикальной иерархией подчинения младших старшим: подчиняться нужно и должно, это обязанность более младших, это правило, а не совет.

Для китайцев дружба и гармония в семье – ключевые ценности, что подтверждается выражением: *«家和百事成，不和万事空»* (Если семья в гармонии, все дела идут успешно). Однако, следуя принципам конфуцианства, семья рассматривается как миниатюрное государство. Это означает, что принципы государственного управления должны проецироваться на семейные отношения: так же, как народ безоговорочно подчиняется власти императора, так и в семье младшие члены семьи следуют указаниям старших.

В китайской культуре особое уважение уделяется старшему поколению, что коренится в учениях конфуцианства и описывается как *«сыновняя почтительность»* [У Синьуй 2009, с. 112]. Этот культ старших нашел свое отражение в китайском языке через лексему 老 (lao), первоначально означающую ‘старый’ или ‘старость’. Но благодаря уважению к старшим, это слово приобрело положительные коннотации, превратившись в ‘уважаемый’ или ‘почтенный’. Примером может служить слово *«老师 (laoshi) - ‘учитель’»* [Словарь китайского языка 1999].

Пословицы обоих языков подчеркивают важность воспитания детей, подчёркивается, что именно от родителей зависит будущее детей, то, какими людьми они станут, как будут относиться к своим родителям, учителям, родной стране: *«Добрая семья прибавит ума»*; *«Родительское слово мимо не молвится»*; *«Родители трудолюбивы, и дети неленивы»* [Даль 2005]; *«杂草铲除要趁早, 孩儿教育要从小»* (Сорняки нужно выдёргивать как можно раньше, а детей воспитывать с самого раннего возраста). При этом русские пословицы также отмечают, что не всегда воспитание помогает детям вырасти хорошими людьми: *«Отец богатый, да сын неудатный»*; *«Что батюшка лопаточкой сгребал, то сынок тросточкою расшвырял»*; *«Дал Бог отца, что и родного сына не слушается»*; *«В глупом сыне и отец не волен»* [Даль 2005].

Уникальными в китайской лингвокультуре являются концепты «семья – работа, профессия» и «семья – государство», которые отмечены не только в значениях лексемы 家, но и в пословицах и поговорках: *«教一日, 父一生»* (Учитель на день, но отец на всю жизнь); *«官如父母»* (Чиновник в роли родителя); *«安国宁家»* (Спокойствие в государстве – спокойствие в каждой семье).

Отдельно отметим разную грамматическую оформленность русских и китайских пословиц: практически все русские паремии имеют форму наставления, совета, включая в себя глаголы в повелительном наклонении: *«Родителям воздай почет – твой сын тебе его вернет»* [Даль 2005]. Китайские пословицы в основном имеют форму мудрых изречений: *«安国宁家»* (Спокойствие в государстве – спокойствие в каждой семье).

Таким образом, в паремиях, содержащих концепт СЕМЬЯ и 家, можно найти много общего для русского и китайского языков, что является доказательством того, что семья – базовая ценность для всех народов, даже таких, казалось бы, разных, как русские и китайцы. Семья – важная составляющая культуры России и Китая, отражающая особенности

менталитета обоих народов. Различия, найденные в результате анализа пословиц русского и китайского языков, позволяют лучше понять миропонимание соответствующих народов, их образ мыслей и картины мира, что может способствовать более успешной межкультурной коммуникации. В целом если пословицы и поговорки отражают систему ценностей, организующую жизнь человека, то пословицы и поговорки о семье – систему ценностей, поддерживающую устойчивость всего человечества.

Выводы по главе 3

Семья, семейные ценности важны для каждого человека и для каждого народа. Система этих ценностей отражается в паремиях, которые к тому же, как пишет М.В. Долгополова, рассматривая пословицы о добре и зле, «помогают человеку расставить нравственные приоритеты» [Долгополова 2019, с. 127], формируют положительное отношение человека к своей семье. В пословицах «содержится информация о самых важных для носителей традиционной культуры ценностях» [Виноградова 2015: 53] Важно, что пословицы являются «неисчерпаемым источником смыслов, которые можно извлечь в том случае, если есть соответствующие фоновые знания» [Долгополова 2020], то есть для того чтобы понять смысл пословиц, выявить с помощью них общие и уникальные черты русской и китайской лингвокультур, необходимо также обратиться к истории соответствующих народов, их культуре, миропорядку (см. параграфы 1, 2). Следовательно, пословицы и поговорки, находясь на стыке языка и культуры, отражают коллективное сознание и опыт народа, то есть его картину мира.

Анализ концептосферы СЕМЬЯ / 家 в обеих исследуемых культурах выявил уникальные аспекты и сходства, связанные с историей, ценностями и традициями. Например, конфуцианская идеология оказала значительное влияние на восприятие семейных отношений в китайской культуре, в которой подчеркивается важность сыновней почтительности, уважения к старшим и соблюдения иерархии. Напротив, в русской культуре, в свою

очередь, наблюдается культ детей, что видно в повседневном поведении и бытовом дискурсе.

Исследование пословиц и поговорок в этом контексте оказалось показательным для выявления глубоких культурных ценностей и норм поведения в семейной сфере. Пословицы не только отражают мнения и взгляды на отношения внутри семьи, но и предоставляют возможность проникнуть в менталитет народов. Понятия такие, как сыновняя почтительность, уважение к старшим и забота о семейных отношениях, выражены в них компактно, но с глубоким содержанием.

Таким образом, анализ семейных пословиц позволил нам лучше понять, какие ценности и убеждения лежат в основе семейных отношений в русской и китайской культурах. Эти пословицы олицетворяют исторически сложившиеся нормы и нравы, подчеркивают важность семьи как базовой единицы общества и раскрывают традиционные взгляды на семейные ценности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Знание и понимание концептуальной картины мира какого-либо народа способствует успешной с ним коммуникации. Концептуальная картина мира отражает стандарты оценки и интерпретирует реальные жизненные явления. Эти стандарты фиксируются в различных языковых конструкциях, которые, в свою очередь, формируют определенную языковую картину мира.

Семья – важная часть картины мира любого народа. И для носителей русской и китайской лингвокультур концептосфера СЕМЬЯ / 家 также является актуальным стержневым элементом национального языкового сознания. Эта концептосфера имеет обширное номинативное поле, репрезентированное лексическими и паремиологическими единицами. Согласно проведённому нами анализу, в концептосфере СЕМЬЯ / 家 есть универсальные и национально-специфические характеристики, опирающиеся на культурно-исторические традиции, установки и ценности разных народов. Общими концептуальными признаками концептосферы СЕМЬЯ / 家 являются такие, как родство (кровное и духовное), защита, сплоченность, любовь и уважение друг к другу, наличие детей. Ряд универсальных ценностей и стереотипных представлений о семье отличается в рассматриваемых культурах в количественном и качественном отношении. Дополнительные признаки концептосферы СЕМЬЯ / 家, обладающие национально-культурным своеобразием, возникают вследствие влияния исторических и социокультурных особенностей этносов.

В современной концептосфере СЕМЬЯ / 家 для китайцев центральное значение имеет чувство понимания и душевного уюта, предоставляемое семьей. Ассоциации, выявленные у представителей китайской культуры, указывают на их скромность и стремление к гармонии и равновесию, что является сложной задачей в реальной жизни. Именно поэтому они стремятся сохранить взаимосвязь между любовью, браком и семьей, подчеркивая значимость традиционных форм семейных отношений. Носители китайского

языка также выделяют категории гармонии, гуманизма, что объясняется идеями конфуцианства, играющего важную роль к китайской культуре. Для современных русских же наиболее важным элементом концептосферы СЕМЬЯ / 家 являются понятия «любовь», «понимание». Однако такие понятия, как «счастье», «радость», «веселье», связывают с концептосферой СЕМЬЯ / 家 примерно одинаковое количество русских и китайцев. В целом, несмотря на несколько ярких различий в ассоциативных связях с концептосферой СЕМЬЯ / 家 и носителей русского и китайского языков, большая часть элементов совпала. Это демонстрирует определенное сходство русской и китайской лингвокультур в представлениях о семье. Семья считается основной единицей общества и воспринимается как место, где люди находят поддержку и любовь. В обеих культурах ценятся традиционные семейные ценности, например, такие как уважение к старшим и забота о близких.

Наблюдаются различия в терминологии родственных отношений между китайским и русским языками, которые обусловлены глубокими культурными традициями, религиозными и философскими взглядами на мир.

В настоящее время в русском языке многие термины, относящиеся к родственным отношениям, постепенно уходят из употребления, и в большинстве случаев при описании концептосферы СЕМЬЯ / 家 используется только 14 слов-терминов родства (*мать, отец, брат, сестра, муж, жена, сын, дочь, дедушка, бабушка, дядя, тётя, родители, дети*). Носителям русского языка эти термины доступны и понятны. Эти лексические единицы относятся к ядерной зоне концептосферы СЕМЬЯ / 家 в русском языковом сознании. Они широко распространены среди носителей русского языка с детства, часто используются в различных дискурсах, особенно в обиходно-разговорном, обладают эмоциональной значимостью и способны вызывать схожие мысленные образы у говорящих на русском языке.

В современном китайском языке также происходят изменения, происходящие в функционировании терминов родства: 10 терминов в китайском языке имеют простую структуру: 父 (отец), 母 (мать), 兄 (старший брат), 弟 (младший брат), 姐 (старшая сестра), 妹 (младшая сестра), 子 (сын), 女 (дочь), 侄 (племянник), 孙 (внук); а остальные в абсолютном большинстве являются структурно сложными, состоят из элементарного термина и одного или нескольких детерминативов. Такие детерминативы могут обозначать восходящую или нисходящую линию родства, линию отца или матери, пол, возраст и др. Например: 外祖母 (бабушка по матери), 姑祖母 (сестра деда), 堂甥 (сын двоюродной сестры) (по линии отца), 表甥女 (дочь двоюродной сестры) (по линии матери) и др. В китайской культурной традиции система родственных отношений демонстрирует глубоко укоренившиеся социокультурные нормы и ценности. Одной из выразительных особенностей этой системы является разграничение родственников по мужским и женским линиям, что отражает патриархальную структуру общества. В частности, при обозначении родственников по женской линии применяется иероглиф 外, который интерпретируется как «внешний» или «чужой». Это отражает концепцию, что женщина после замужества переходит в другую семью и становится ее частью. Примеры этого разграничения включают в себя термины: сын брата обозначается как 侄子, в то время как сын сестры – как 外甥. Внук по линии сына называется 孙子, тогда как внук по линии дочери – 外孙子. Это различие в терминологии подчеркивает социолингвистическую специфику китайского языка и отражает генеалогическую иерархию в контексте семейных связей.

Лингвокультурологический анализ паремий китайского и русского языков показал, что у китайцев концептосфера СЕМЬЯ / 家 отражает традиционные моральные ценности, обусловленные влиянием конфуцианства и буддизма, среди которых базовым является признак

«семейной гармонии». В данной культуре под семьей подразумевается более широкий семейный клан, прослеживается возрастная иерархия (культ старших) и четкое разделение родственников по внутренней (мужа) и внешней (жены) линиям, отождествление «семьи» и «государства». У русских в концептосфере СЕМЬЯ / 家 в первую очередь отражаются такие ценности внутреннего мира человека, как «любовь, вера и надежда», которые являются базовыми в данной языковой картине мира.

Пословицы обоих языков подчеркивают важность воспитания, при этом русские пословицы также отмечают, что не всегда воспитание помогает детям вырасти хорошими людьми: «*В глупом сыне и отец не волен*» [Даль 2005].

Таким образом, в русском и китайском языках можно найти много общего в паремиях, где присутствует концептосфера СЕМЬЯ и 家. Это доказывает, что семья – базовая ценность для всех народов, даже таких, казалось бы, разных, как русские и китайцы. Семья – важная составляющая культуры России и Китая, отражающая особенности менталитета обоих народов.

Различия, найденные в результате проведенного исследования, могут помочь лучше понять миропонимание носителей русского и китайского языков, их образ мыслей и картины мира, что может способствовать более успешной межкультурной коммуникации.

Дальнейшие исследования могут быть направлены на применение представленного интегрированного метода к анализу других когнитивных категорий (образов и концептов) и механизмов их отражения в языке. Кроме того, актуальным будет проведение сравнительных исследований ключевых базовых образов и лингвокультурных понятий, используя данные различных языковых систем.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абрамова, Н. А. Китайский этнос: от традиции к современности. – Чита: ЧитГУ, 2006. – 110 с.
2. Алексеев, А. И. Русские монастыри и практика общественного дисциплинирования России до начала Петровских реформ // Урал. ист. вестн. – 2011. – № 3 (32). – С. 50–54.
3. Алефиренко, Н. Ф. Лингвокультурология. Ценностно-смысловое пространство языка. – М., 2010. – 155 с.
4. Андросова, М.И., Афанасьева, Л. И., Матвеева, У. Е. Образ семьи в представлении студентов // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 61 (2). – С. 25–27.
5. Апресян, Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография / Ю.Д. Апресян. – М.: Языки русской культуры, 1995. – 767 с.
6. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. – М.: Наука, 1974. – 251 с.
7. Арутюнова, Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 895 с.
8. Аскольдов, С. А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. – М.: Антология. – 1997. – С. 28–44.
9. Бабушкин, А. П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 1996. – 104 с.
10. Багаева, О. Н. «Философская вера» Карла Ясперса как источник экзистенциальной коммуникации и возможность объединения людей // Труды НГТУ им. Р. Е. Алексеева. – 2011. – № 4. – С. 291–299.
11. Баландина, Е.С. Динамика образа семьи в языковом сознании носителей разных культур: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2013. – 234 с.

12. Башкова, И. В. Творческая языковая личность и вариативность русской языковой картины мира // Вестник ТГПУ. – 2015. – № 4 (157). – С. 112–116.
13. Баяндина, И. В. Концепт «семья» в китайской лингвокультуре // Молодой ученый. – 2020. – № 16 (306). – С. 191-193.
14. Баянова, Е. В. Структура семьи в западной и восточной культурах // Молодой ученый. – 2016. – № 9 (113). – С. 1014–1017.
15. Белова, Ю. А. Лингвокультурные знаки как носители смысла газетного заголовка // Вестник Башкирск. ун-та. – 2008. – № 4. – с. 937–940.
16. Беседина, Н. А. Морфологически передаваемые концепты: автореф. дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.04; 10.02.19. – Тамбов, 2006. – 201 с.
17. Биктагирова, З. А. Концепт «Семья» в паремиологии английского, турецкого и татарского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2007. – 228 с.
18. Биктагирова, З. А. Лингвокультурологические особенности паремий о семье (на материале английского, турецкого и татарского языков) / З.А. Биктагирова // Вестник Чувашского университета. Гуманитарные науки. – 2006. – №5 – С. 107-112.
19. Близнюк, О. В. Сопоставительный семантический анализ терминов родства в различных лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тверь, 2006. – 164 с.
20. Блох, М. Я., Асратян, З. Д. Коммуникативное воздействие высказывания // Мост. – 1996. – №1. – С. 2-5.
21. Богоявленская, Ю. В. Проблема типологии концептов в современной лингвистике // Лингвокультурология. – 2013. – № 7. – С. 6–16.
22. Бодрова, Е. А. Формирование образа семьи у дошкольников // Проблемы современного образования. – 2020. – № 6. – С. 219–227.
23. Болдырев, Н. Н. Когнитивная семантика. – Тамбов: Изд-во ТГУ, 2002. – 122 с.

24. Бредис, М. А., Димогло, М. С., Ломакина, О. В. Паремии в современной лингвистике: подходы к изучению, текстообразующий и лингвокультурологический потенциал // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. – 2020. Т. 11. – № 2. – С. 265—284.
25. Бредис, М. А. Человек и деньги: Очерки о пословицах русских и не только. – СПб: Петербургское Востоковедение, 2019. – 296 с.
26. Булдыгерова, Л. Н. История Китая. – Хабаровск, 2016. – 168 с.
27. Булыгина, Т. В., Шмелев, А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). – М.: Языки русской культуры, 1997. – 576 с.
28. Бутенко, Е. Ю. Базовые единицы лингвокультурологии // Вестник РГЭУ РИНХ. – 2008. – № 26. – С. 321–328.
29. Бутто, О. Л. Репрезентация концептов «семья», «брак», «жена» в итальянской лингвокультуре: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2010. – 189 с.
30. Быканова, А. С., Виноградова, А. И. Универсалии в культуре // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2014. – № 10. – С. 237–238.
31. Ван, Хайтао. Образ войны в русской и китайской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2018. – 226 с.
32. Ван, Цзянь. Даосизм как образ жизни // Вестник Бурятского государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 77–81.
33. Васильева, А. Н. Художественная речь. – М.: Русский язык, 1983. – 256 с.
34. Вельс, А. Е. Концепт и образ покоя // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2010. – № 6. – С. 12-16.
35. Витгенштейн, Л. Избранные работы. – М.: Территория будущего, 2005. – 440 с.

36. Власкина, О. Н., Сипягин, Н. А. Положение русской женщины эпохи Домостроя // Наука и культура России: материалы VIII Междунар. науч.-практич. конф. – Самара, 2011. – С. 22–25.
37. Волохина, Г. А., Попова, Д. С. Синтаксические концепты русского простого предложения. – Воронеж, 1999. – 196 с.
38. Воркачев, С. Г. К терминосистеме лингвокультурной концептологии // Известия ВГПУ. – 2015. – № 3. – С. 112–116.
39. Воркачев, С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические Науки. – 2001. – № 1. – С. 64–72.
40. Воркачев, С. Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
41. Воробьев, В. В. Лингвокультурология (теория и методы). – М., 1997. – 331 с.
42. Ворожбитова, А. А. Теория текста: антропоцентрическое направление. – М.: Высшая школа, 2005. – 367 с.
43. Воротников, Ю. Л. Языковая картина мира как лингвистическая категория // Материалы международной научной конференции «Язык и Культура». – М., 2001. – С. 316–320.
44. Гавров, С. Н. Семья в контексте традиционного российского общества: экономические и социокультурные аспекты // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2010. – № 11. – С. 12–19.
45. Гарипова, Г. Р. Воздействие процессов глобализации на построение современной информационной картины мира // Общество: Философия, История, Культура. – 2017. – № 11. – С. 17–20.
46. Геляева, А. И. Человек в языковой картине мира. – Нальчик: Кабардино-Балкарский государственный университет имени Х.М. Бербекова, 2002. – 177 с.

47. Гибадуллина, Л. З. Объективация концептов «любовь» и «семья» в татарской и русской языковой картине мира (на материале современной женской прозы): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.02; 10.02.20. – Тобольск, 2012. – 21 с.
48. Гибатова, Г. Ф. Ментальные сферы русского языка: мнение и оценка: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2011. – 392 с.
49. Го, Пинтин. Репрезентация семейных традиций в русской и китайской языковых картинах мира: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Уфа, 2018. – 275 с.
50. Гобозов, И. А. Особенности духовного кризиса на Западе. – М., 2003. – 419 с.
51. Голованова, Е. И. Введение в когнитивное терминоведение. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2011. – 224 с.
52. Грибач, С. В. Образ семьи в языковом сознании русских: гендерный аспект: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 – М., 2005. – 21 с.
53. Гулканян, М. К. Этнокультурная и языковая специфика реализации концептов FAMILY, СЕМЬЯ: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Казань, 2010. – 21 с.
54. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с.
55. Гумбольдт, В. Язык и философия культуры; пер. с нем. Г. В. Рамишвили. – М.: Прогресс, 1985. – 456 с.
56. Гуняшова, Г. А. Концепт FAMILIE в немецкой языковой картине мира (на материале текстов нормативного и публицистического дискурсов): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Кемерово, 2007. – 251 с.
57. Гусева, А. Е. Основы лингвокогнитивного моделирования лексико-фразеологических полей в немецком и русском языках: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.20. – М.: Изд-во МГОУ, 2008. – 44 с.

58. Дай, Чжаоин. Введение в лингвокультурологию. – Пекин: Филология, 1996. – 269 с.
59. Дашиева, С. Ц-Д., Алексеева И. Д. Концепты «мать» и «отец» в призме бурятской, русской и китайской фразеологии // Теоретическая и прикладная лингвистика [Электронный ресурс]. – 2021. – Вып. 7. № 4. – С. 39–46. –Режим доступа: https://doi.org/10.22250/24107190_2021_7_4_39_46.
60. Дейк, Т. ван. Дискурс и власть: репрезентация доминирования в языке и коммуникации; пер. с англ. Е. Переверзев, Е. Кожемякин. – М.: URSS, 2013. – 344 с.
61. Добровольская, Е. В. Концептуализация семьи в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Новосибирск, 2005. – 24 с.
62. Долгополова, М. В. Когнитивное пространство «добро – зло» в паремиях русского языка // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки.– 2019. – № 1 – С. 126-128.
63. Долгополова, М. В. Смысловое пространство «добро – зло» в русском языке: формирование и функционирование: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2020. – 252 с.
64. Доменак, Ж. Семейные отношения в Китае. – М.: Наука, 1991. – 216 с.
65. Домострой / Изд. подгот. В. В. Колесов, В. В. Рождественская; Отв. ред. Л. А. Дмитриев. – СПб.: Наука, 1994. – С. 88—133.
66. Дружина, Н. Л., Маслова, В. А. Национально-культурное своеобразие семьи в языковом и социокультурном пространстве (на материале русских, белорусских и немецких паремий) // Веснік МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2010. – № 3. – С. 90–93.
67. Дулуба, Е. С. Концепт «Семья» в китайской лингвокультуре // Интернет-конференции Сибирского юридического университета (27 мая 2015 года) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://conf.omua.ru/content/koncept-semya-v-kitayskoy-lingvokulture>.

68. Евсюкова, Т. В. Лингвокультурология. – М.: ФЛИНТА: Наука, 2016. – 480 с.
69. Евтушенко, О. В. Художественная речь как инструмент познания. – М., 2010. – 552 с.
70. Железнова, Ю. В. Лингвокогнитивное и лингвокультурное исследование концепта «семья»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Ижевск, 2009. – 27 с.
71. Жигулина, Д. В. Формирование концепта «семья» у древних русичей (по материалам славянских памятников X – XIV вв.): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Магнитогорск, 2015. – 20 с.
72. Жилинина, Н. А. Диалектика внешнего и внутреннего в восприятии брака и семейных отношений на Руси в допетровскую эпоху // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 37. – С. 62–68.
73. Залевская, А. А. Введение в психолингвистику. – М.: РГГУ, 2007. – 559 с.
74. Зализняк, А. А. Любовь и сочувствие: к проблеме универсальности чувств и переводимости их имен // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005. – С. 205–226.
75. Занегина, Н. Н. Концепт «семья» в русском литературном языке и принципы его описания: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2011. – 254 с.
76. Земская, Е. А. Активные процессы современного словопроизводства // Русский язык конца XX столетия. – М., 1996. – С. 302–307.
77. Знаменский, П. В. История русской церкви. – М., 1996. – 474 с.
78. Зуев, В. А. Семья и общество от Домостроя до наших дней: ментальность, трансформация, педагогические проблемы // Мир науки, культуры, образования. – 2021. – № 2. – С. 140–142.

79. Иванова, А. Я. Специфика концепта «семья» в русской и китайской лингвокультурах (на примере пословиц о семье) // Общество: социология, психология, педагогика [Электронный ресурс]. – 2019. – №7. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/spetsifika-kontseptta-semya-v-russkoy-i-kitayskoy-lingvokulturah-na-primere-poslovits-o-semie>.

80. Ильина, Л. Е. Динамика образа семьи в художественных текстах // Балтийский гуманитарный журнал. – 2019. – № 1. – С. 67–70.

81. Имомзода, М. М. Национальная специфика языковой объективации концепта «семья» в лексико-фразеологической и паремиологической системах таджикского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Душанбе, 2017. – 192 с.

82. Исрафилова, Д. Ш. Взаимосвязь языка и культуры – как основной объект лингвокультурологии // Вестник Татарского государственного гуманитарно-педагогического университета. – 2010. – № 2 (20). – С 217–220.

83. Кабанова, А. Б., Тажибаева, С. М. Роль словесного образа в создании художественного мира произведения // Кронос. – 2020. – № 4. – С. 50–52.

84. Казарина, В. И. Синтаксический концепт «состояние» в современном русском языке: автореф. дис. ... д-ра. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2003. – 42 с.

85. Камалетдинова, Г. Х. Языковой образ семьи в региональных печатных СМИ в 90-е годы XX века (на материале газет «Вечерняя Уфа» и «Советская Башкирия») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2016. – № 8. – С. 125-129.

86. Карасик, В. И., Красавский, Н. А., Слышкин, Г. Г. Лингвокультурная концептология. – Волгоград, 2009. – 116 с.

87. Карасик, В. И. Культурные доминанты в языке // Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 1996. – С. 166–205.

88. Караулов, Ю. Н. Общая и русская идеография. – М.: Наука, 1976. – 356 с.

89. Караулов, Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – М.: URSS, 2007. – 264 с.
90. Кармин, А. С. Культурология. – СПб., 2003. – 928 с.
91. Керов, В. В. Краткий курс истории России с древнейших времен до начала XXI века. – М., 2013. – 846 с.
92. Кидямкина, С. А. Семиосфера семейных аномалий в современной русской лингвокультуре (на материале текстов художественной литературы конца 20-го – начала 21-го вв.): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – М., 2014. – 177 с.
93. Киреева, Е. З. Концепт «Семья» в романе Л.Н. Толстого «Анна Каренина»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тула, 2008. – 198 с.
94. Киуру, К. В. Имиджевый медиатекст в политической коммуникации: дис. ... д-ра филол. наук: 10.01.10. – СПб., 2008. – 396 с.
95. Ковшова, М. Л. Лингвокультурологический анализ идиом, загадок, пословиц и поговорок. Антропонимический код культуры. – М.: Ленанд, 2019. – 400 с.
96. Козырев, В. А., Черняк, В. Д. Русская лексикография. – М., 2004. – 631 с.
97. Колесникова, С. М. Смыслообразующие начала понятия семья в русской лингвокультуре // Вестник Московского государственного областного университета. – 2018. – № 5. – С. 54–55.
98. Колесов, В. В. История русского языка в рассказах. – М.: Акалис, 1994. – 169 с.
99. Колшанский, Г. В. Объективная картина мира в познании и языке. – М.: Наука, 1990. – 108 с.
100. Корнилов, О. А. Языковые картины мира как отражения национальных менталитетов: автореф. дис. ... д-ра культуролог. наук: 24.00.04. – М., 2000.
101. Костомаров, Н., Забелин, И. О жизни, быте и нравах русского народа. – М.: Просвещение, 1996. – 576 с.

102. Кострубина, Е. А. Гиперконцепт Семья / Дом – Family / Home в русской и английской лингвокультурах: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Омск, 2011. – 159 с.

103. Красных, В. В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 128-133.

104. Кубрякова, Е. С. К определению понятия имиджа // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2008. – № 1. – С. 5–11.

105. Кубрякова, Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2004. – Вып. 1. – № 1. – С. 6–17.

106. Кубрякова, Е. С. Язык и знание. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

107. Кузнецов, А. М. Проблемы компонентного анализа в лексике: научно-аналитический обзор. – М.: ИНИОН АН СССР, 1980. – 58 с.

108. Кузнецова, Ю. Г. Лингвокогнитивное моделирование и лексикографическое описание лексико-фразеологического поля «Мыслительная деятельность» (на материале современного английского языка): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – М., 2017. – 24 с.

109. Кузьмина, Г. Ш. Синергетика концептосферы С.Т. Аксакова как русской языковой личности в диалогии «Семейная хроника» и «Детские годы Багрова-внука»: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Уфа, 2005. – 24 с.

110. Кульсарина, Г. Г. Репрезентация концепта «семья (гаилә)» в башкирской языковой картине мира (на материале фольклорных текстов) // Вестник Челябинского государственного университета. – 2014. – № 16 (345). – С. 52–58.

111. Курило, С. Н. Семья как объект социально-философского осмысления // Армия и общество. – 2015. – № 1. – С. 114–117.

112. Кушу, С. А. Лингвокультурные концепты как отражение языковой картины мира (на материале языка оригиналов и переводов произведений Т. Керашева с адыгейского на русский и английский языки): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Краснодар, 2004. – 203 с.

113. Лапухина, М. В. Эмоциональный уровень в индивидуальных представлениях человека о счастье (на примере эмоции радости) // Аналитика культурологии. – 2005. – № 2. – С. 93–97.

114. Ларин, Б. А. Из истории слов: лютый зверь, семья, кавардак // Русский язык – Первое сентября. – 2013. – № 5. – С. 6–10.

115. Ли, Сяндун, Ян, Сюйцзе, Чэнь, Гэ. Исследования по современному русскому языку и культуре; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2015. – 256 с.

116. Лихачев, Д. С. Петровские реформы и развитие русской культуры // Новости ЮНЕСКО: информационный бюллетень. – 1975. – № 1. – С. 10–16.

117. Логический анализ языка. Культурные концепты / отв. ред. Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1991. – 204 с.

118. Логический анализ языка. Ментальные действия / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Н.К. Рябцева. – М.: Наука, 1993. – 176 с.

119. Ломакина, О. В. Фразеология в тексте: функционирование и идиостиль / под ред. В.М. Мокиенко. – М.: РУДН, 2018. – 344 с.

120. Лотман, Ю. М. Семиосфера. – СПб.: Искусство-СПб, 2001. – 703 с.

121. Лю, Гуанчжун, Хуан, Сухуа. Русско-китайские лингвокультурные практики; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Пекин: Учебно-научное издательство иностранных языков, 1999. – 231 с.

122. Ляпунов, Б. М. Этимологические исследования в области древнерусского языка. – М.: Синод. тип., 1917. – 22 с.

123. Малявин, В. В. Китайская цивилизация. – М., 2000. – 632 с.

124. Мартынова, А. Н., Митрофанова, В. В. Пословицы. Поговорки. Загадки. – М., 1986. – 211 с.

125. Марченко, Г. И., Носков, И. А. Имидж в политике. – М.: Владос, 1997. – 208 с.
126. Маслова, В. А. Homo lingualis в культуре. – М., 2007. – 320 с.
127. Маслова, В. А. Введение в когнитивную лингвистику. – М.: Флинта, 2006. – 396 с.
128. Маслова, В. А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2010. – 208 с.
129. Матвеева, М. В. Концепт *семья* и его репрезентация в русском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Тамбов, 2007. – 249 с.
130. Медведев, С. Протопоп. Домострой [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://azbyka.ru/otechnik/Silvestr/domostroj>.
131. Мержоева, З. С. Концепты родства в молодежном языковом сознании русских и ингушей: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Саратов, 2009. – 159 с.
132. Михайлова, Т. А. ШУРИН или ДЕВЕРЬ, или «Ой, я всегда их путаю!» // Ритуал в языке и коммуникации: Сб. статей / сост. и отв. ред. Л.Л. Федорова. – М.: Знак; РГГУ, 2013. – С. 77–85.
133. Михалев, А. Б. Слои языковой картины мира // Материалы международной научной конференции «Язык и Культура» (Москва, 2001). – М., 2001. – С.108-109.
134. Мохова, С. Ю. Кросскультурное исследование семантических полей образов членов семьи // Гуманитарный вектор. – 2013. – № 33. – С. 157–161.
135. Мыщик, Ю. С. Культ семьи в конфуцианском учении на примере романа Ба Цзинь «Семья» // Молодой ученый. – 2013. – № 11 (58). – С. 824–826.
136. Наумова, К. М. К вопросу об изменении китайской языковой картины мира на примере функционирования лексем 家 цзя/ 家庭 цзятин ‘семья, дом’ // Litera [Электронный ресурс]. – 2022. – № 5. – С. 198-212. Режим доступа: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35646.

137. Ни, Бо, Гу, Берлин. Русская семантика; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Шанхай: Шанхайское учебное издательство иностранных языков, 1995. – 278 с.
138. Никитина, Л. Б. Языковой образ-концепт: о природе сложного термина // Вестник ЧелГУ. – 2011. – № 24. – С. 59–65.
139. Николич, М., Новоспаская, Н. В. Термины родства в русском и сербском языках // Вестник Российского университета дружбы народов. – 2013. – № 1. – С. 74–78.
140. Новикова, М. Л. Поэтика остранения. Словесный образ в культурно-историческом пространстве // Вестник РУДН. – 2013. – № 2. – С. 110–120.
141. Огородникова, О. А. Брак и семья в Средневековой Руси // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2011. – № 3. – С. 58–63.
142. Олянич, А. В. Презентационная теория дискурса. – М.: Гнозис, 2004. – 407 с.
143. Павлова, А. А. Концептосфера внутрисемейных родословных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород, 2004. – 211 с.
144. Патрин, В. И. Образ семьи в раннем творчестве Н. С. Лескова // Вестник ЧГУ. – 2007. – № 3.
145. Перевозникова, А. К. Эволюция концепта семья в русской языковой картине мира // Лингвострановедение: методы анализа, техники обучения. – М.: МГИМО-Университет МИД России. – 2004. – № 2. – С. 147–156.
146. Пилипов, В. М. Теща, деверь, шурина, зять. Эту книгу нужно взять. – М., 2000. – 64 с.
147. Пименова, М. В. Концептуальные исследования сферы внутреннего мира // Сибирский филологический журнал. – 2002. – № 1. – С. 112–118.

148. Пименова, М. В. Концепты правда и истина и способы их объективации // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – № 13. – С. 61–68.

149. Пинтин, Г. Репрезентация семейно-брачных традиций в русской языковой картине мира (на фоне китайской языковой картины мира) // Вестник Башкирского университета. – 2016. – № 4. – С. 979–989.

150. Пищальникова, В. А. Интеграция лингвистических дисциплин как объективная необходимость развития современного языковедения // Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. – М., Барнаул, 2003. – С. 3-16.

151. Плесовских, Т. С. Лингвоперсонология в контексте антропологического подхода // Science Time. – 2014. – № 4. – С. 173–179.

152. Пономарева, Е. Ю. Концептуальная оппозиция «Жизнь – Смерть» в поэтическом дискурсе (на материале поэзии Д. Томаса и В. Брюсова): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Тюмень, 2008. – 27 с.

153. Попов, В. А., Тендрякова, М. В. Предков культ // Большая российская энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://bigenc.ru/ethnology/text/3175137>.

154. Попова, З. Д., Стернин И. А. Когнитивно-семантический анализ языка. – Воронеж: Истоки, 2006. – 226 с.

155. Попова, З. Д. Способы вербализации концептов как проблема когнитивной лингвистики // Respectus Philologicus. – 2009. – № 16. – С. 56-61.

156. Попова, З. Д., Стернин, И. А. Когнитивная лингвистика. – М., 2010. – 318 с.

157. Постовалова, В. И. Картина мира в жизнедеятельности человека // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 8–69.

158. Пьянкова, Т. В. Лексическое представление ассоциативно-семантического поля «Семья» в современной женской прозе (на материале

произведений Л. Улицкой и Л. Петрушевской): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург. – 2012. – 203 с.

159. Райхштейн, А. Д. Сопоставительный анализ немецкой и русской фразеологии. – М.: Высшая школа, 1980. – 143 с.

160. Рахмат, А. Концепт СЕМЬЯ в русской паремике: лингвокультурологический аспект: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 – СПб.: СПбГУ, 2013.– 232 с.

161. Рогожникова, Т. М. Психолингвистическое исследование функционирования многозначного слова. – Уфа, 2000. – 242 с.

162. Рокич, М. Природа человеческих ценностей [Электронный ресурс]. – Мичиган: Free Press, 1973. – 438 с. – Режим доступа: <https://books.google.co.uk/books?id=TfRGAAAAMAAJ>

163. Рубинштейн, С. Основы общей психологии. – СПб., 2000. – 781 с.

164. Рухленко Н. Н. Концепт «СЕМЬЯ» в жанре семейных родословных: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Белгород. – 2005. – 265 с.

165. Савенко, А. С., Махмадов, С. Ш. Образ семьи по данным русской и таджикской рекламы: лингвокультурологический и сопоставительный аспекты // Вестник ТГПУ. – 2017. – № 3. – С. 107–112.

166. Свечкарева, В. Р. Дихотомия Запад–Восток в контексте брачной морали // Вестник Астраханского государственного технического университета. – 2005. – № 5. – С. 91–100.

167. Семененко, Н. Н. Русские паремии: функции, семантика, прагматика. – Белгород: Изд-во Белгородского ун-та, 2011. – 342 с.

168. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии; пер. с английского А. Е. Кибрик. – М.: Прогресс, 2002. – 656 с.

169. Серебренников, Б. А. Как происходит отражение картины мира в языке? // Роль человеческого фактора в языке: Язык и картина мира. – М.: Наука, 1988. – С. 87–107.

170. Сидоров, В. А. Институт семьи в современных отечественных и зарубежных исследованиях // Человеческий капитал. – 2014. – Т. 8. – С. 29–31.

171. Сказко, А. С. Трансформация концепта «семья» в культуре России: автореф. дис. ... канд. филос. наук: 09.00.13. – Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. – 23 с.

172. Слышкин, Г. Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты. – Волгоград: Волгоградский государственный педагогический университет, 2004. – С. 60–67.

173. Слышкин, Г. Г. От текста к символу: лингвокультурные концепты прецедентных текстов в сознании и дискурсе. – М., 2000. – 139 с.

174. Стернин, И. А., Саломатина, М. С. Семантический анализ слова в контексте. – Воронеж: Истоки, 2011. – 150 с.

175. Схаляхова, С. Ш. Концепты «венчание», «брак», «семья» как отражение русского менталитета (на материале языка произведений русской литературы): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Краснодар, 2008. – 170 с.

176. Телия, В. Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

177. Телия, В. Н. Культурно-языковая компетенция: ее высокая вероятность и глубокая сокровенность в единицах фразеологического состава языка // Культурные слои во фразеологизмах и в дискурсивных практиках. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–30.

178. Телия, В. Н. Русская фразеология: семантический, прагматический и лингвокультурологические аспекты. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

179. Терещенко, А. В. Быт русского народа. – М.: Директ-Медиа, 2008. – Ч. 2. – № 7. – 2271 с.

180. Терпак, М. А. Английский лингвокультурный концепт «семья» и способы отражения его коннотативного содержания в языке (на материале

семантического поля «Родственные отношения»): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Самара, 2006. – 204 с.

181. Толстой, Л. Н. Анна Каренина: роман в 7 частях, части 1–4. – Ленинград, 1987. – 1124 с.

182. Толстой, Л. Н. Война и мир // Толстой Л. Н. Собрание сочинений: в 8 томах, тома 3, 4. – М., 1996. – 1296 с.

183. Томберг, О. В. Образ национального героя в английской лингвокультуре: динамический аспект // Вестник ЧелГУ. – 2013. – Т. 24. – С. 169–173.

184. Трубачев, О. Н. История славянских терминов родства и некоторых древнейших терминов общественного строя. – М.: АН СССР, 1959. – 164 с.

185. Трущинская А.С. Лексико-фразеологическая объективация концепта «семья» в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Воронеж, 2009. – 208 с.

186. У, Синьей. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2009. – 19 с.

187. У, Синьей. Лингвокультурологические и лингвометодические аспекты концепта «семья» в русской и китайской культурах: дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02. – СПб., 2009. – 192 с.

188. У, Синьей. Лингвокультурологическая специфика концепта «семья» в русской и китайской культурах // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009 (а). – № 105. – С. 110–114.

189. Уорф, Б. Л. Язык, сознание, и реальность // Эпистемология и философия науки. – 2016. – Т. 4. – С. 220–243.

190. Урысон, Е. В. Проблемы исследования языковой картины мира: Аналогия в семантике. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 224 с.

191. Федоров, М. А. Термин «лингвокультура» в аспекте теории культуры // Вестник БГУ. – 2014. – № 6-2. – С. 72-78.
192. Филимонов, А. А. и др. Специфика буддизма как философии и религии // Colloquium-journal. – 2019. – Т. 1. – С. 55–58.
193. Флудра, Э. Образ семьи в пословицах и поговорках русского и польского языков. Сопоставительный аспект // Studia Humanitatis [Электронный ресурс]. – 2020. – Т. 3. – Режим доступа: <http://st-hum.ru/content/fludra-e-obraz-semi-v-poslovicah-i-pogovorkah-russkogo-i-polskogoyazykov-sopostavitelnyu>.
194. Фрумкина, Р. М. Психолингвистика. – М.: Издательский центр «Академия», 2003. – 320 с.
195. Хайруллина, Р. Х. Сопоставительная лингвокультурология. – Уфа: Мир печати, 2014. – 176 с.
196. Харузина, Ю. В., Чибисова, О. В. Родственные отношения в практике научного анализа // Гуманитарные научные исследования [Электронный ресурс]. – 2015. – № 11. – Режим доступа: <https://human.snauka.ru/2015/11/12976>.
197. Хофстеде, Г. Последствия культуры: сравнение ценностей, поведения, институтов и организаций в разных странах. – Сейдж: Тысяча дубов [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: https://digitalcommons.usu.edu/unf_research/53/.
198. Ху, Шиюнь. Китайские термины родства. – Пекин: Пекинский университет, 2007. – 205 с.
199. Цзинь, Синьсинь; Роль гуманитарных ценностей конфуцианства в развитии духовной культуры современного студенчества: автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. – Улан-Удэ, 2009. – 22 с.
200. Цзинь, Чжи. Образ ребёнка в языковом сознании (на примере разных лингвокультур): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Челябинск, 2019. – 235 с.

201. Цуциева, М. Г. Дискурсивная деятельность языковой личности как актуальный объект исследований в современной лингвистике // Научное мнение. – 2013. – № 11. – С. 86–89.

202. Цюй, Юян. Лингвистический анализ китайских терминов родства // Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. – 2016. – № 4. – С. 72—81.

203. Чжан, Хуэйсэнь. Сопоставительное изучение русского и китайского языков. – Шанхай: Шанхайское учебное издательство иностранных языков, 2003. – 497 с.

204. Чжао, Линьшэн, Ван Синь. Русско-китайское сопоставление и изучение русского языка. – Пекин: Издательство Пекинского университета, 2006. – 324 с.

205. Чжао, Юаньцзэ. Перспективы развития современной русской семьи в сравнении с китайской: по материалам исследований концепта «Семья» в русском и китайском языках // Вестник филологических наук. – 2023. – № 3. Т. 3. – С. 94-100.

206. Чжао, Юаньцзэ. Тенденции изменения концепта «семья» в современном китайском языке // Современное педагогическое образование.– 2022. – №2. – С. 248-254.

207. Чжао, Юаньцзэ. Обращение к проverbsиальному фонду языка как дополнительный метод изучения концепта (на материале концепта «Семья» в китайском языке в сравнении с русским) // Modern humanities success / Успехи гуманитарных наук. – 2021. – № 10. – С. 184-191.

208. Чжао, Юаньцзэ. Образ семьи в русской и китайской лигвокультурах // Система непрерывного филологического образования: школа – колледж – вуз. Современные подходы к преподаванию дисциплин филологического цикла в условиях полилингвального образования: Сборник научных трудов XX Всероссийской (с международным участием) научно-практической конференции (г. Уфа, 16-18 апреля 2020 г.). – Уфа: Издательство БГПУ, 2020. – С. 224–228.

209. Чжу, Жуйшуан. Содержание моральных ценностей в языковой картине мира (на материале китайского и русского языков): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – М., 2017. – 227 с.

210. Чурилина, Л. Н. Лексическая структура текста как ключ к реконструкции индивидуальной картины мира // Изменяющийся языковой мир: материалы международной научной конференции. – Пермь, 2001. – С. 103–105.

211. Чыонг, Мань Хай. Особенности языковой репрезентации концепта «Семья / Gia đình» в русской и вьетнамской лингвокультурах: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Махачкала, 2018. – 25 с.

212. Чыонг, Мань Хай. Концепт «Семья»/«Gia đình» в аспектных словарях русского и вьетнамского языков // Вестник КалмГУ. – 2017. – Т. 1. – С. 107–116.

213. Шаравин, А. В. Городская проза 70–80-х гг. XX в. – Брянск, 2001. – 485 с.

214. Швейцер, А. Д. Теория перевода: статус, проблемы, аспекты. – М.: Наука, 1988. – 215 с.

215. Шкуратова, И. П. Когнитивный стиль и общение. – Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского педагогического университета, 1994. – 154 с.

216. Шмелев, А. Д. Широта русской души // Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М.: Языки славянской культуры, 2005. – С. 51–64.

217. Щур, Г. С. Теории поля в лингвистике. – М.: Наука, 1974. – 256 с.

218. Яковлева, Е. С. Фрагменты русской языковой картины мира. – М.: Гнозис, 1994. – 343 с.

219. Ян, Сюцзе. Исследование концептуальных категорий в языке и культуре; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Харбин, 2007. – 244 с.

220. Ян, Фан. «Семья» в русской и китайской языковых картинах мира // Известия Томского политехнического университета. – 2013. – Т. 6. – С. 250–254.

221. Ясперс, К. Философская вера. – М.: Политиздат, 1991. – 230 с.
222. 个人图书馆 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/17/1031/09/41444550_699637882.shtml.
223. 姚小平. Гумбольдт – гуманитарные и языковые исследования; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Пекин: Учебно-научное издательство иностранных языков, 1995. – 235 с.
224. 李向东, 杨秀杰, 陈戈. 当代俄罗斯语言; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Пекин: Бэйцзинь, 2015. – 256 с.
225. 崔希亮. 汉语熟语与中国人文世界. 北京语言大学出版社. 北京 : 2005, – 256 с.
226. 许慎, Дуань Юцай. Сказание о письменности и разъяснение иероглифов. Комментарии; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Шанхай: Шанхайское издательство древних книг, 1981. – 867 с.
227. Bales, R. F., Parsons, T. Family: Socialization and Interaction Process. – Oxford: Routledge, 2014. – 440 p.
228. Canary, H., Canary, D. Family Conflict: Managing the Unexpected. – John Wiley & Sons, 2013. – 208 p.
229. Castillo-Ortega, R., Chamorro-Martinez, J., Marin, N., Sanchez, D., Soto-Hidalgo, J.M. Describing Images Via Linguistic Features and Hierarchical Segmentation // IEEE World Congress on Computational Intelligence. – 2010. – P. 1104–1111.
230. Deacon, T. W. The Symbolic Species: The Co-evolution of Language and the Brain. – New York: WW Norton & Company, 1997. – 528 p.
231. Donald, M. Precis of Origins of the Modern Mind: Three Stages in the Evolution of Culture and Cognition // Behavioral and Brain Sciences. – 1993. – № 16. – P. 737-748.
232. Duwenzhang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.duwenzhang.com/wenzhang/aiqingwenzhang/ganwu/20160807/357150.html>.

233. Gibbs, R.W. *Embodiment and Cognitive Science*. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006. – 337 p.
234. Grice, P. *Presupposition and Conversational Implicature // Radical Pragmatics*. – New York: Academic Press, 1981. – P. 183–198.
235. Hampton, J. A. *Concepts as Prototypes // The Psychology of Learning and Motivation: Advances in Research and Theory*. – San Diego, CA, US: Elsevier Academic Press. – 2006. – № 46. – P. 79–113.
236. Harman, G. *Cognitive Science. The Making of Cognitive Science // Essays in Honour of George Miller*. – Cambridge, 1988. – P. 43–44.
237. Johnson, L., Radesky, J., Zuckerman, B. *Cross-Cultural Parenting: Reflections on Autonomy and Interdependence // Pediatrics*. – 2013. – № 131(4). – P. 631–633.
238. Kroeber, A. L. *Franz Boas: The Man. American Anthropological Association // Memoirs*. – 1943. – № 61. – P. 5–26.
239. Lakoff, G. *The Contemporary Theory of Metaphor*. – Cambridge: Cambridge University Press, 1993. – 52 p.
240. Lakoff, G., Johnson M. *Metaphors We Live By*. – Chicago, 1980. – 242 p.
241. Mandler, J. M., Cánovas, C. P. *On Defining Image Schemas // Language and Cognition*. – 2014. – P. 1–23.
242. Mesthrie, R., Swann, J., Deumert, A., Leap, W.L. *Introducing Sociolinguistics*. – Edinburgh University Press, 2009. – 500 p.
243. Panther, K.-U., Thornburg, L.L. *Metaphor and Metonymy in Language and Thought: A Cognitive Linguistic Approach // Synthesis Philosophica*. – 2017. – № 64. – P. 271–294.
244. Schwartz, S. H., Rubel, T. *Sex Differences in Value Priorities: Cross-Cultural and Multimethod Studies // Journal of Personality and Social Psychology*. – 2005. – № 89(6). – P. 1010–1028.

245. Sharifian, F. Cultural Conceptualisations and Language. Theoretical Framework and Applications. – Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2011. – 238 p.

246. Tomasello, M. The Cultural Origins of Human Cognition. – Cambridge: Harvard University Press, 2009. – 256 p.

247. Trier, J. Der Deutsche Wortschatz im Sinnbezirk des Verstandes: Die Geschichte eines Sprachlichen Feldes. – Heidelberg: Winter, 1931. – 347 p.

248. Vendrov, I., Kiros, R., Fidler, S., Urtasun, R. Order-Embeddings of Images and Language // Conference Paper at ICLR. – 2016. – 12 p.

249. Weisner, T. S. Culture, Context, and Child Well-Being // Handbook of Child Well-Being. – Boston: Springer, 2014. – P. 87–103.

250. Zhirenova, S.A., Satemirova, D.A., Ibraeva, A.D., Tanzharikova, A.V. The Cognitive Content of the World of Symbols in a Language // International Journal of Environmental & Science Education. – 2016. – 11(9). – P. 2841–2849.

251. Zinken, J. Linguistic Pictures of the World or Language in the World? Metaphors and Methods in Ethnolinguistic Research // Etnolingwistyka. – 2008. – 20. – P. 51–62.

252. Zybang [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.zybang.com/question/9bd76a2ffc3b01e5ed261fad525f0d73.html>.

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

1. Ахманова, О. С. Словарь лингвистических терминов. – М., 2008. – 576 с.

2. Бао, Хайтао. Толковый словарь терминов родства. – Цзилинь., 1988. – 205 с.

3. Большой толковый словарь русских существительных: Идеографическое описание. Синонимы. Антонимы (БТСРС) / под ред. Л.Г. Бабенко. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2005. – 864 с.

4. Даль, В. И. Пословицы русского народа. – М., 2005. – 266 с.

5. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 томах [Электронный ресурс]. – М., 2006. – 2800 с. – Режим доступа: <https://slovardalja.net/word.php?wordid=37482>.
6. Е, Фанлай. Русско-китайский словарь пословиц и поговорок. – Пекин, 2016. – 533 стр.
7. Китайско-русский словарь. – Пекин: Китайская академия общественных наук, Институт языков, 2012. – 1892 с.
8. Кубрякова, Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов. – М.: МГУ, 1996. – 245 с.
9. Кузнецов, С.А. Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: Норинт, 2008. – 1534 с.
10. Ло, Жуфэн. Словарь китайского языка. – Шанхай: Издательство «Ханьюй да цидянь», 2001. – 1845 с.
11. Львов, М. Р. Словарь антонимов русского языка. – М.: Русский язык, 1984. – 382 с.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ruscorpora.ru.
13. Ожегов, С. И., Шведова, Н. Ю. Толковый словарь русского языка. – М.: Азбуковник, 1999. – 944 с.
14. Осипов, Г. В. Энциклопедический социологический словарь. – М., 1997. – 368 с.
15. Прохоров, А.М. Большой энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1993. – 1194 с.
16. Русский ассоциативный словарь: в 2 т. / Ю.Н.Караулов [и др.]. – М.: ООО «Издательство Астрель», 2002. – Т.1. – 784 с.
17. Русское культурное пространство: Лингвокультурологический словарь / Под ред.: И.В. Захаренко, В.В. Красных, Д.Б. Гудкова; Рец. Т.Б. Дианова; И.С.Брилева и др. – М.: Гнозис, 2004. – 318 с.
18. Русско-китайский словарь. – Харбин, 1998. – 7676 с.

19. Словарь китайских пословиц / под ред. Чжоу Цзинци. – Пекин: Шану, 2006. – 593 с.
20. Словарь китайского литературного языка / под ред. Чжан Шуянь. – Шанхай: Большой китайский словарь, 2000. – 886 с.
21. Словарь китайского языка. – Пекин: Шану, 2002. – 1999 с.
22. Словарь современного китайского языка / под ред. Люй Шусян. – Пекин: Шану, 1996. – 1869 с.
23. Солганик, Г.Я. Толковый словарь. Язык газеты, радио, телевидения (ТС-ЯГРТ). – М.: АСТ: Астрель, 2008. – 749 с.
24. Толковый словарь русского языка начала XXI века. Актуальная лексика (ТСРЯ-XXI)/ под ред. Г.Н. Складчиковой. – М.: Эксмо, 2008. – 1136 с.
25. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. – М.: Прогресс, 2006. – 2304 с.
26. Цзинци, Ч. Словарь китайских пословиц. – Пекин: Шану, 2006. – С. 259–266.
27. Ширшов, И.А. Толковый словообразовательный словарь русского языка (ТССРЯ). – М.: ООО «Издательство АСТ»: ООО «Издательство Астрель»: ООО «Издательство «Русские словари»: ЗАО НПП «Ермак», 2004. – 1022 с.
28. Ян, Шичжан. Словарь знаний о русской народной культуре. – Пекин: Военное издательство «Ивэнь», 2003. – 397 с.
29. 个人图书馆 [Электронный ресурс]. – 2019. – Режим доступа: http://www.360doc.com/content/17/1031/09/41444550_699637882.shtml.
30. 王福祥, 吴汉樱. Мини-словарь русских идиом; пер. с кит. А. В. Кузнецова. – Пекин: Учебно-научное издательство иностранных языков, 2014. – 603 с.
31. 汉语词典: Китайский толковый словарь [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://cidian.xpcha.com/c0763nxd41e.html>.
32. Cihai. – Shanghai: Cishu Chubanshe, 2010. – 2800 p.

33. Luo, Zhufeng. Chinese Dictionary. – Shanghai: Hanyu Da Cidian Chubanshe, 2001. – 18481 p.
34. Russian-Chinese Comprehensive Dictionary. – Heilongjiang Renmin Chubanshe, 1998. – 7676 p.
35. Xiandai, Hanyu Cidian. Zhongguo Shehui Kexueyuan Yuyan Yanjiusuo Cidian Bianji Shi Bian. – Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2012. – 1892 p.
36. Yang, Shizhang. Russian Folk Culture Knowledge Dictionary. Junshi Yiwu Chubanshe, 2003. – 397 p.
37. Ye, Fanglai. Russian-Chinese Dictionary of Proverbs and Sayings. – Beijing: Shangwu Yinshuguan, 2016. – 533 p.